

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Платонов Дмитрий Сергеевич

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС 1917 Г. В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор ист. наук, профессор
Чуркин Михаил Константинович

Омск – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Причины революции 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья.....	33
1.1. Проблема обоснованности революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции конца 1910-х – середины 1920-х гг.....	33
1.2. Проблема обоснованности революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции второй половины 1920-х – конца 1930-х гг.....	61
1.3. События Первой мировой войны в работах представителей русского зарубежья.....	88
Глава 2. Революционный процесс после Февраля 1917 года в историческом дискурсе русской эмиграции.....	120
2.1. Проблема двоевластия в трудах авторов русского зарубежья.....	120
2.2. Решение военного вопроса в интерпретации русского зарубежья.....	145
2.3. Характеристика вектора революционного процесса 1917 г. в трудах представителей русской эмиграции.....	170
Глава 3. Февраль и Октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья.....	203
3.1. Февраль 1917 г. глазами русской эмиграции.....	203
3.2. Октябрь 1917 г. глазами русской эмиграции.....	232
3.3. 1917 год в восприятии русского зарубежья.....	252
Заключение.....	283
Список использованных источников и литературы.....	294

Введение

Актуальность темы исследования. Революция 1917 г. является одним из ключевых и поворотных событий не только истории XX в., но и всего периода отечественной истории, поскольку представляет многоплановое явление, включающее в себя разные компоненты: собственно исторические, социальные, культурные, психологические, философские, религиозные и др. Во многом по этой причине осмысление революции представителями разных социальных слоев и профессий началось сразу же после ее осуществления не только у нас в стране, но и за рубежом, и не угасает до сих пор.

За последние двадцать лет в научном сообществе наблюдается повышенное внимание к рассмотрению и изучению предреволюционной и революционной эпохи, а также феномена русского зарубежья: проводятся научные конференции¹, издаются статьи², выходят в свет монографии³, защищаются диссертации⁴. Кроме того, в современной историографии идет процесс переосмысления кризисных явлений прошлого, и 1917 год в целом не является исключением.

Стоит отметить, что столетие русской революции активизировало деятельность общества в направлении приобщения широких слоев населения к революционным событиям тех лет (публикуются исторические источники разной видовой направленности⁵, создаются онлайн проекты⁶, читаются видеолекции⁷,

---

¹ Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. трудов / Отв. Ред. А.Б. Николаев. Спб., 2021. Захаров А.А. Революция 1917 г. в оценках евразийцев // Октябрьская революция и ее место в истории XX века: труды научно-практической конференции. Томск, 2000. С. 38-43.

² Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблема отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей. Спб., 2008. С. 498-518.

³ Поткина И.В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914-1917 гг. Спб., 2022. Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2016; Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. М., 2009; Базанов П.Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917-1939 гг.). Спб., 2015.

⁴ Гогохия Е.А. Русская революция 1917 года в идейно-политическом наследии евразийцев (1921-1931гг.): дис...к.и.н. М., 1999; Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милокова: дис...к.и.н. М., 2005; Якубовская Е.В. Февральская революция 1917 года в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920-1930-х гг.: дис...к.и.н. М., 2011. и др.

⁵ 1917. Гибель великой империи. Трагедия страны и народа / Авт.-сост. В. Романов. М.: Изд-во АСТ, 2017; Русские офицеры о революции / Ред.-сост. И.А. Корешкин. М.: Абрис, 2017; Аристократия и революция / Ред.-сост. С.Н. Абовская. М.: Абрис, 2017; Революция и Гражданская война в России. 1917-1922 гг.: фотоальбом / Сост. Гагкуев Р.Г. М.: Достоинство, 2017; Февраль 1917 глазами очевидцев / Сост. С.В. Волкова. М.: АЙРИС-пресс, 2017.

⁶ <http://1917.shpl.ru/> (Дата обращения 18.01.2023), <https://project1917.ru/> (Дата обращения 18.01.2023) и др.

освещающие тот или иной аспект революционного процесса 1917 года). Все это говорит о возросшем интересе общества к феномену российской революции 1917 г.

Однако любое историческое событие представляет собой уникальное и неповторимое явление, которое невозможно изучать непосредственно в режиме реального времени. В этой связи большую роль играет то, как авторы в своих работах создавали образ прошлого. На формирование той или иной модели минувших дней могут влиять разные факторы: время написания труда, личностный склад автора, внутрисполитическая ситуация в стране и т.д., вследствие чего образ прошлого в разные исторические эпохи приобретает всевозможные конфигурации. Таким образом, **проблемой** диссертационного исследования является опыт конструирования интеллектуальных моделей революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции межвоенного периода.

Степень научной разработки темы. Исследования по революции 1917 г. начались уже в 20-30-х гг. прошлого столетия и продолжались на протяжении всего периода существования Советского Союза. За это время революционный процесс был рассмотрен авторами с разных точек зрения. С одной стороны, в центре внимания ученых находилась деятельность партии большевиков: исследователи раскрывали отношение социал-демократов к различным политическим силам, показывали механизм привлечения солдатских масс на свою сторону⁸. Большое значение в работах этих авторов приобрел анализ деятельности солдатских революционных комитетов и их роли в революционных событиях.

---

⁷ Колоницкий Б.И. Революция 1917 года // <https://www.youtube.com/watch?v=QLnYiTYeegs> (Дата обращения 16.10.2022); Колоницкий Б.И. Образ вождя в революционных событиях 1917 года // <https://www.youtube.com/watch?v=6yxar0mWjg4> (Дата обращения 18.01.2023); Владыка Тихон (Шевкунов) Февральская революция 1917 года «Как это было» // <https://www.youtube.com/watch?v=8SrZJlhCZw4> (Дата обращения 18.01.2023) и др.

⁸ Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции март 1917 – февраль 1918. М.: Политиздат, 1967; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971; Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (возникновение и начальный период деятельности). М.: Наука, 1974; Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975 и др.

С другой стороны, революционный процесс изучался с точки зрения кризиса «помещичьих», «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партий в России⁹. В этом случае исследователи фокусировали свое внимание на социальном и численном составе партий, причинах падения их популярности в народной среде. Отдельно анализировалась тактика социал-демократов по отношению к остальным партиям.

Некоторые труды изучали революционный процесс в России с февраля по октябрь 1917 г. через призму деятельности различных политических учреждений. Так, В.И. Старцев¹⁰ анализировал политическую линию Временного правительства, показывая ее несостоятельность по отношению к политике, проводимой Советом рабочих и солдатских депутатов.

Отдельный корпус работ был посвящен непосредственно событиям Февраля и Октября 1917 г.¹¹ В них показывался процесс крушения старых государственных структур, в ходе которого активную роль играл пролетариат под руководством партии большевиков.

Большое значение для характеристики революционного процесса имели те работы, которые исследователи предпосылки событий 1917 года в России¹². В исторических трудах демонстрировалась взаимосвязь политики царя и недовольства масс, тяжести войны, усилившей кризис власти, и второй русской революции. Все это свидетельствовало о закономерности наступивших в стране событий.

---

⁹ Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Московский рабочий, 1965; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году: из истории политических партий в России в период между двумя революциями. Лениздат, 1973; Спириин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.-1920 г.). М.: Мысль, 1977.

¹⁰ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980; Он же. Крах керенщины. Л.: Наука, 1982.

¹¹ Корнатовский Н. Партия и октябрьское вооруженное восстание // Октябрь в Петрограде / Сб. ст. под ред. О.А. Лидак. Л.: Ленпартиздат, 1933. С. 215-255. Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в России. М.: Военное изд-во министерства вооруженных сил союза ССР, 1947; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М., 1967-1973; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967 и др.

¹² Фокин Е.Л. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. М., 1937; Воронкова С.В. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961; Кризис самодержавия в России. 1895-1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, В.С. Дякин, С.И. Потолов. Л.: Наука, 1984.

Таким образом, изучению революции 1917 г. в Советском Союзе было посвящено немало комплексных исследований. Новизна этих работ, преимущественно, достигалась за счет привлечения новых исторических источников, более детальной разработки отдельных тем (например, политической линии Временного правительства, процесса привлечения партией большевиков армии на свою сторону и др.), а также изучения схожих исторических процессов в разных регионах страны. Однако классовый подход, лежащий в их основе, предопределил основные выводы трудов: народный характер революции и ее закономерность, буржуазный характер Февраля и социалистический – Октября, высоко оценивалась роль пролетариата в революционном процессе, руководимого партией большевиков.

Современная российская историография по революции 1917 г. характеризуется, как наличием традиционных направлений исследований, так и существованием новых подходов. Как и прежде революционный процесс рассматривается через призму наиболее ярких персон, политических партий и социально-политических институтов¹³. Новизна этих трудов достигается уже не только за счет привлечения новых исторических источников, но и посредством всестороннего изучения деятелей отечественной истории и деятельности различных учреждений, а также в оригинальности суждений и новой постановки проблемы.

В тоже время, после распада Советского Союза и изменения внутривнутриполитической ситуации современная российская историография по революции 1917 г. вышла на качественно новый уровень. Во-первых, отказ от

---

¹³ Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М.: Наука, 1997; Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март-июль 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017; Иванов А.А. В.М. Пуришкевич и Временное Правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. Спб., 2011. С. 70-81. Злоказов Г.И. Меншевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: «АИРО-XX», 1998; Герасименко Г.А. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М, 1997. С. 145-159. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // Там же. С. 79-94. Смирнова А.А. На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале-мае 1917 года. Спб.: СПб ГУКИ, 2005 и др.

прежних марксистско-ленинских схем заставил переосмыслить мятежные события второй русской революции. Это нашло отражение, в частности, в том, что произошел пересмотр соотношения центральных эпизодов революционного процесса 1917 г. – Февраля и Октября¹⁴, а также в более детальном изучении событий, лежащих между этими двумя этапами революции¹⁵.

Во-вторых, применение новых теоретико-методологических подходов к переломному моменту отечественной истории существенно разнообразил революционный процесс, открыв в нем новые грани. Так, влияние микроистории и истории повседневности нашло свое отражение в более детальном изучении небольших эпизодов коллапса 1917 г.¹⁶, в деятельности различных социальных институтов¹⁷, в исследовании схожих процессов и революционных действий на периферии¹⁸. И если раньше рассмотрение исторических событий 1917 г. в отдельных уголках России было призвано продемонстрировать однородность общего вектора развития революционных процессов, то в настоящее время

---

¹⁴ Волобуев П.Б. Исторические корни Октябрьской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб.: Глагол, 1994. С. 37-47; Марченя П.П. Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. ст. М.: ООО «АПР», 2012. С. 194-219; Коваленко В.И. Дилемма «Февраль-Октябрь»: была ли она? // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. М.: ГЦМСИР, 2016. С. 46-54; Воейков М.И. Русская революция: одна или две? // Там же. С. 55-66 и др.*

¹⁵ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля-октября 1917 года. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. Коваленко В.И. От Февраля к Октябрю: логика и противоречия политического процесса // *Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков. М., 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М., 2018.*

¹⁶ Румянцев А.Г. События 25 февраля 1917 года на Литейном мосту // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб.ст. СПб., 2016. С. 14-20; Николаев А.Б. Как комендант К.Ф. Греков и комиссар А.А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля - 1 марта 1917 г.) // *Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 305-315; Бажанов Д.А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте-мае 1917 г.: повседневность и политика // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 146-155 и др.***

¹⁷ Коляшницына Н.В. Петроградский историко-филологический институт в 1917 г. // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 110-120; Гордеев П.Н. Февральская революция в московских императорских театрах // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 120-146; Мусаев В.И. Православная церковь на окраинах России в 1917 г. // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 164-172; Гордеев П.Н. Петроградское театральное училище в марте-августе 1917 г. // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2016. С. 53-68 и др.****

¹⁸ Герасименко Г.А. Политическое положение Саратовской деревни в октябрьские дни // *1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 159-173; Возгрин В.Е. Февральская революция в Крыму и национальная ситуация в феврале-октябре 1917 г. // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2009. С. 65-81; Сапон В.П. Партийный «ландшафт» Нижегородской губернии после Февральской революции (март-апрель 1917 года) // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб. ст. СПб., 2016. С. 91-97; Сапон В.П. Нижегородские эсеры осенью 1917 года // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 186-196 и др.****

подобный подход чаще всего выявляет специфику протекания исторических явлений в том или ином регионе.

Применение методов психоистории, социологии и культурологии к изучению второй русской революции позволило рассмотреть проблему восприятия событий революции сразу в двух плоскостях. С одной стороны, ученые предприняли попытку проследить, как революционные деяния ощущались отдельными лицами и различными социальными группами¹⁹. С другой стороны, под влиянием интеллектуальной истории у деятелей науки появилась возможность перейти к исследованию политической культуры революции, политическому сознанию и революционной культуре российского общества. Это дало возможность сфокусировать внимание на анализе различных идей и лозунгов, символов и ритуалов 1917 года, следовательно, произошел поворот в направлении изучения семантического поля революции. Это, в свою очередь, привело не только к анализу исторических событий через призму таких явлений как: десакрализация, насилие, идентификация, страх, мистификация и др., но и к трансформации прежних направлений исследований 1917 г.

В последнем случае речь идет, в частности, о том, что изучение революционного процесса через призму истории партий всё чаще сводится не к рассмотрению ее численного и социального состава, причин роста популярности или быстроты падения, а к эволюции взглядов ее представителей в условиях быстро меняющейся конъюнктуры событий, а также восприятие их программных идей и лозунгов массами²⁰.

Таким образом, в современной российской историографии осуществился переход от комплексных работ, представлявших широкую панораму революции 1917 года, где в центре внимания ученых были партии и борьба классов, к более детальной разработке отдельных проблем и сюжетов. Использование новых

---

¹⁹ Хуциева В.В. События февраля 1917 г. глазами петроградского гимназиста // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Отв.ред. и сост. А.В. Николаев. Спб., 2009. С. 38-43; Смирнова А.М. Первые дни Февральской революции в восприятии петроградской интеллигенции // 90 лет Февральской революции. Сб. ст. / Отв.ред. и сост. А.Б. Николаев. Спб., 2007. С. 16-20;

²⁰ Пятикова М.В. Меньшевики и русская революция (1917-1922 гг.): проблема политического выбора. Ростов н/Д.; Таганрог, 2018.

методов исследования событий 1917 г. существенно разнообразили и усложнили революционный процесс, а сами труды зачастую стали носить междисциплинарный характер. Выводы, полученные в результате исследований, свидетельствуют о сложности революционного процесса. Сделав его не таким однозначным, некоторые авторы поставили вопрос о роли в нем субъективных и объективных факторов²¹. Применение современных подходов влекло за собой и изменение источниковой базы работ: наравне с использованием периодики авторы трудов все чаще привлекают источники личного происхождения для раскрытия различных тем. Кроме того, некоторые ученые предлагают расширить круг исторических источников, путем введения в научный оборот фотографий, кинодокументов, открыток²². Все это привело к тому, что изучение революции переместилось из плоскости политической в плоскость антропологическую.

Столетие Великой российской революции оживило научное сообщество в направлении изучения событий революционной и предреволюционной эпохи. Всё чаще стали появляться комплексные исследования, с одной стороны, обобщившие накопленный опыт предшествующих лет, а с другой – позволившие внедрить современные междисциплинарные подходы и методологические приемы. Так, в работе «Россия в 1917 году...»²³ великая российская революция была изучена через призму выявления мировоззренческих и институциональных трансформаций с позиции сетевого подхода.

Кроме того, революционные события всё чаще рассматриваются исследователями в широких хронологических рамках, от начала Первой мировой войны до событий, включающих в себя период Гражданской войны, а сама

---

²¹ Шубин А.В. Роль политических лидеров в революционных событиях 1917 года в России // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. М.: ГЦМСИР, 2016. С. 86-100.

²² Магидов В.М. Кинодокументы Февральской революции в предметном поле источниковедения // Февральская революция 1917 г. в России: история и современность: Материалы круглого стола: 13 марта 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 114-127; Гордеев П.Н. 1917 год в открытых письмах (из личного собрания) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб. ст. Спб., 2009. С. 110-112; Бажанов Д.А. Революционный Гельсингфорс весной-летом 1917 г. в фотографиях (по материал ЦВММ) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб. ст. Спб., 2011. С. 119-127.

²³ Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / Под ред. М.О. Орлова. Саратов, 2017.

революция изучается как явление, которому был свойственен долгий подготовительный процесс.

Отдельный пласт работ посвящен исследованию русского зарубежья. Всплеск интереса отечественных ученых к нему стал замечаться сразу после распада Советского Союза, когда исследователи разных специальностей смогли более свободно высказывать свои мысли, отказавшись от старых идеологических стереотипов и догм. В этот период были заложены основные направления научно-исследовательской деятельности. После изменения внутривосточной ситуации в стране в конце 80-х гг. XX века вышли в свет первые работы, которым был свойственен более широкий взгляд на проблему. На протяжении последующих двадцати пяти лет появились статьи и монографии, где анализировались концепции разных авторов-эмигрантов по основным вехам отечественной истории, в том числе и по революции.

Одно из направлений исследований рассматривало историографию революции 1917 г. в общих чертах. Эти работы, выходявшие с начала 90-х гг. XX в., носили общий характер и были призваны познакомить читателей в России с их соотечественниками, а также наметить дальнейшие перспективы научных исследований²⁴. Таким трудам, на первых порах, был присущ, в основном, фрагментарный характер. Авторы этих монографий и статей занимались, преимущественно, «общим обзором научной деятельности историков Русского Зарубежья и их основных концепций о путях России»²⁵. Однако этот «общий обзор» осуществлялся разными путями. Один из них, впоследствии наиболее

---

²⁴Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 20-30-е годы // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 130-142.; Историки-эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20-х-30-х гг.: Сб. / Рос. акад. наук. Ин-т рос. ист. / Ред. Сахаров А.Н. и др. М.: ИРИ РАН, 2002; Пономарева Л.В. «Евразийство»: его место в русской и западно-европейской историко-философской традиции // Там же. С. 3-9; Волкогонова О.Д. Образ России в философии Русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1998; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992; Новиков А.И. Методологические проблемы изучения культуры Русского Зарубежья // Наука и культура русского зарубежья: Материалы конференции, 28 ноября 1996 г. / Сост. С.Т. Махлина. Спб.: СпбГАК, 1997. С. 4-19; Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы // Культура российского зарубежья / Отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М., 1995. С. 19-27; Селунская В.М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории российского зарубежья первой половины XX века // Источники по истории адаптации российской эмиграции в XIX-XX вв.: Сб. ст. М., 1997. С. 4-15; Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920-1930-е гг. // Отечественная история. 1999. №1. С. 91-102; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920-2004 гг.) Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005 и др.

²⁵Короткова А.А. Историки русского зарубежья в 20-30-е годы // Культура и мировоззрение: методологические и методические вопросы: Сборник научных трудов. Спб., 1994. С.15.

распространенный, рассматривал ту или иную авторскую концепцию революции 1917 г., исходя из культурно-идеологических течений, к которым относился представитель русского зарубежья. В современной историографии, на начальном этапе ее развития, большое внимание было уделено евразийству как культурно-историческому направлению: выходили статьи и защищались диссертации; опубликовывались источники, нередко снабженные комментариями и предварявшиеся научными обзорами²⁶. Так, следует отметить сборник «Евразия», где содержатся статьи общего характера, призванные познакомить постсоветских читателей с культурным наследием их соотечественников. Поэтому рассмотрение революционных событий 1917 г. в тесной связи с определенными идейными течениями было вполне оправданным. В частности, М.Г. Вандалковская²⁷, анализируя исторические взгляды ученых, касающиеся истории второй русской революции, исходит из общих характеристик евразийства как направления. Такой же подход применяет Е.А. Гогохия²⁸. Первые две задачи, которые ставит перед собой автор, заключаются в «характеристике евразийства как пореволюционного идейно-политического течения русской эмиграции; и в определении и раскрытии основных этапов евразийского опыта осмысления русской революции»²⁹, и только после этого показывается неоднородность взглядов евразийцев на трактовку событий 1917 года.

Другой путь заключался в том, что исследователи анализировали исторические концепции ученых и взгляды непосредственных участников революционных событий 1917 г. (П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского, В.А. Маклакова, В.М. Чернова, Ю.О. Мартова, Ф.И. Дана и др.), учитывая их политические воззрения. Например, ряд работ Л.Н. Лисенковой³⁰ рассматривает революционные события через призму политических течений. Анализируя

---

²⁶ Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. Сб. ст. М., 1992.

²⁷ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

²⁸ Гогохия Е.А. Русская революция 1917 года в идейно-политическом наследии евразийцев (1921-1931гг.): дис. к.и.н. М., 1999.

²⁹ Там же. С.10.

³⁰ Лисенкова Л.Н. Альтернативы революции 1917 года: взгляд из эмиграции. // Проблема человека: гуманитарные аспекты: Материалы научно-методической конференции преподавателей Академии. Часть II. История России. История медицины. Правоведение. Экономика. Спб, 1998. С. 13-18; Она же. Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 года: дис.... к.и.н. Спб, 1997 и др.

вторую русскую революцию, и в частности, альтернативы путей ее развития, автор показывает как каждый из персоналий, относящийся к той или иной политической партии, осознавал события 1917 г. в своем ключе.

Некоторые исследователи выбирали для раскрытия темы смешанный вариант описания. Показательным примером здесь служит монография Н.А. Омельченко³¹, написанная «на стыке специальностей – отечественной истории и теории и истории политической науки»³², и представляющая собой целостный историко-политический анализ. Автор работы фокусирует свое внимание на консервативной и либерально-консервативной традиции политической мысли в эмиграции, особо выделяя «веховскую» традицию. Этот комбинированный подход демонстрирует, с одной стороны, некий идейный кризис старых политических партий и временное стремление «вынужденных изгнанников» прийти к общему объяснению революции 1917 г., а с другой стороны, показывает неоднородность и разногласия политических и идеологических взглядов на трагическое событие отечественной истории.

Из вышесказанного следует, что характерной чертой большинства работ является то, что они изучали события 1917 г., исходя из направлений эмигрантской мысли (евразийство, сменовеховство и др.) или партийной принадлежности персон русского зарубежья. Однако такой подход несколько уязвим. Во-первых, подобный способ раскрытия темы сильно искажает и в некоторой степени даже упрощает образ революции 1917 г., поскольку особенность авторских построений объясняется исключительно через призму философско-политических течений, к которым относились представители русской эмиграции. Во-вторых, многие авторы, по мере развития исторических процессов, происходящих как на родине, так и за рубежом, трансформировали свои политические взгляды, что влекло за собой изменение партийной принадлежности (например, П.Я. Рысс до середины 1920-х гг. был кадетом, но затем стал эсером). В-третьих, большинство персон русской эмиграции были одаренными и

---

³¹ Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). Спб, 1996.

³² Там же. С.49.

разносторонними личностями, воззрения которых, зачастую, трудно однозначно соотнести не только с каким-нибудь одним политическим течением, но и четко выделить гуманитарную область, в рамках которой находятся исторические построения автора. Например, Г.П. Федотов был известен русскому зарубежью как публицист, религиозный философ и профессор Духовной Академии в Нью-Йорке. Начиная с 20-х гг. прошлого столетия, работы автора печатались в эмигрантской периодике разной политико-идеологической направленности: от «Евразийской хроники» до «Современных записок». Этот факт свидетельствует о том, что различные тематики, интересовавшие ученого, и своеобразие авторских суждений по многим вопросам было трудно «подверстать» под какое-нибудь одно идейное течение. Показательным примером может считаться отношение Федотова к причинам коллапса, наступившего в Феврале 1917 г. и революционному процессу, следовавшему сразу за ним.

И все же стоит отметить, что принадлежность персон к тому или иному политическому лагерю или идейному течению была не единственным «критерием отбора» персоналий или способом объяснения авторских концепций. Еще в конце 90-х гг. XX в. Н.Т. Кудинова³³ при выделении научных направлений в изучении истории русской революции учитывала «не столько оттенки политических взглядов историков (что было характерно для историографических работ предшествующего периода), сколько различия в теоретико-методологических подходах к изучению революционных событий в России»³⁴.

Другое направление исследований рассматривало революцию 1917 г. с позиций персонального подхода. К концу XX в. ученым стало очевидно, что за последнее десятилетие накопился материал, свидетельствующий о достаточном количестве обобщающих трудов, связанных с тематикой русского зарубежья. По этой причине с конца 90-х гг. XX в. и до наших дней на первый план стали выдвигаться работы, анализирующие революционные события 1917 г. с точки

---

³³ Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917-1995 гг.). Хабаровск, 1998.

³⁴ Там же. С.31.

зрения одного³⁵ или нескольких авторов (чаще всего в том случае, если между ними шла острая полемика в рамках либо одного направления, либо – разных)³⁶. Отличительной чертой этих трудов является то, что ученые фокусируют свое внимание на особенностях формирования исторических концепций русских эмигрантов, при этом учитываются их разные компоненты (степень развития исторической науки и господствующие в ней направления, политические пристрастия, отношение к идейно-культурным течениям, особенности личностного склада и др.). Это позволяет показать способ формирования взглядов историков-эмигрантов и как следствие этого – специфику выстраивания исторической модели.

Работа исследователей в этом направлении привела к тому, что представитель русского зарубежья стал рассматриваться в неразрывной связи с той культурной средой, в рамках которой он формировался. Показательным примером может послужить монография Ю.И. Колобовой «“Русский мир” в изгнании: П.П. Сувчинский»³⁷, в которой автор раскрывает особенности личностного склада и всего творческого наследия П.П. Сувчинского через призму культурологии. Такой подход предполагает не только анализ самой личности, но и той социокультурной среды, которая ее сформировала, что дает возможность лучше продемонстрировать вклад конкретной персоны в развитие культуры.

Применение социокультурного подхода потребовало более детальную разработку некоторых сюжетов. Так, одним из следствий этого можно считать

---

³⁵ Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М.: Аиро-XX, 1996; Грязнова Т.Е. Революция в концепции истории России П.Н. Милюкова: дис... к.и.н. Екатеринбург, 1996; Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милюкова: дис...к.и.н. М., 2005; Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998; Ильин (Мальчевский) Н.П. Творчество И.А. Ильина в контексте русской философской традиции // Наука и культура русского зарубежья: Материалы конференции, 28 ноября 1996 г / Сост. С.Т. Махлина. СПб.: СПбГАК, 1997. С. 89-93; Думова Н.Г. Судьба Павла Николаевича Милюкова // Российская эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 314-329; Володихин Д.М. Р.Ю. Виппер // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 153-162; Ястребицкая А.Л. Л.П. Карсавин // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 109-127 и др.

³⁶ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М.: Наука, 1992. Новосельский С.С. Дискуссия П.Н. Милюкова и С.П. Мельгунова о причинах поражения Белого движения в Гражданской войне // Россия на пересечении пространств и эпох: Материалы Второй международной междисциплинарной научной конференции молодых ученых. Москва, РГГУ, 22 марта 2013 г. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 76-87 и др.

³⁷ Колобова Ю.И. «Русский мир» в изгнании: П.П. Сувчинский. Киров, 2016.

увеличение числа работ, изучающих отдельные центры русского зарубежья³⁸. Ученых волновали разные проблемы: численность и социальный состав, особенности расселения, адаптации и восприятия той социокультурной среды, в которой оказались русские эмигранты. Новизна работ заключалась не только в привлечении новых исторических источников, но и в расширении хронологических рамок (в некоторых случаях брался отрезок времени длиной от 40 до 100 лет, а не только период между двумя мировыми войнами), что позволило сравнить разные волны русской эмиграции, выявив характерные черты и особенности, а также проследить историю русской диаспоры на более длительном отрезке времени. Данный подход продемонстрировал не только самобытность волн русской эмиграции, хлынувших в разные уголки земного шара во время и после второй русской революции, но и своеобразие русского зарубежья как уникального феномена.

Анализ самих центров русского зарубежья происходил на разных уровнях. Одни исследователи рассматривали отдельные социальные и профессиональные группы в рамках той или иной страны³⁹. В фокусе внимания других ученых находились разнообразные институты, благодаря которым сохранялась и транслировалась русская культура. В этой связи немаловажную роль играло изучение периодической печати русского зарубежья⁴⁰. На первых порах исследователями давался общий обзор эмигрантской прессы отдельно взятых

---

³⁸ Шлегель К. Русская эмиграция в Германии в 1918-1941 гг. // Россия и современный мир. М., 1995. № 1. С. 55-61; Мусаев В.И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007; Российская белая эмиграция в Венгрии (1920-1940-е годы). М., 2012; Базанов П.Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917-1939 гг.). СПб., 2015; Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015; Бондарева Е.А., Мухачев Ю.В. Русская эмиграция в Югославии (1920-1945) // Русское зарубежье: История и современность. М., 2015. Вып. 4. С. 47-79; Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб., 2015; Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX- нач. XXI века. М., 2016 и др.

³⁹ Чаплыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2014; Российское научное зарубежье: люди, труды, институты, архивы. М., 2016; Хисамутдинова Н.В. На далеких берегах: русские инженеры в США. Владивосток, 2017; Худобородов А.Л., Яшина М.А. Российское казачество на чужбине. 1920-1940-е годы. Челябинск, 2017.

⁴⁰ Азаров Ю.А. Русская периодическая печать в Финляндии в 1920-е годы // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. № 1. С. 236-256; Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920-1940-е годы). М., 2008; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). СПб., 2008; Галямутдинов А.И. Татарская эмигрантская пресса первой половины XX века. Казань, 2016; Бабкина Е.С. Периодическая печать русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи. Хабаровск, 2017.

центров русского зарубежья. В дальнейшем, авторы перешли к изучению периодики различных социальных, возрастных и этнических групп.

Таким образом, можно говорить о том, что в последнее время многие социокультурные процессы, происходившие в русском зарубежье, интерпретируются через призму культуры, где большую роль играют система представлений, ценностные ориентиры, различные способы культурной коммуникации. В этой связи немаловажное значение приобрел не только культурологический анализ, с помощью которого стали изучаться многие объекты исследования⁴¹, но и все то, что связано с анализом интеллектуального пространства русской эмиграции – нередко в центре внимания ученых находятся различные дискурсы, символы, мифы⁴².

Подводя итог степени изученности темы, можно сделать вывод, что в своих работах авторы затрагивали ряд тем и проблем, связанных с революцией 1917 г., а современный уровень развития исторической науки предлагает исследователям широкий спектр различных теоретико-методологических подходов для анализа определенного объекта исследования. На сегодняшний день достаточно хорошо изучены революционные события 1917 г. в тесной связи с культурно-идеологическими течениями и политическими пристрастиями авторов; революция 1917 г. рассмотрена в интерпретации отдельной личности с богатым привлечением архивного материала. Персональный подход к революции 1917 г. позволил выделить индивидуальную концепцию ученого, оценить вклад историков и философов в развитие как отечественной, так и мировой науки.

Однако историография революции 1917 г. имеет определенные диспропорции в области изучения отдельных тем и проблем. В частности, в

---

⁴¹ Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016; Колобова Ю.И. «Русский мир» в изгнании: П.П. Сувчинский. Киров, 2016; Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ. Чита, 2017.

⁴² Демидова О.Р. Миф как феномен (само)сознания русской эмиграции // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. Таллинн, 2012. С. 13-26; Кантор В.К. Семен Франк и крушение кумиров: переосмысление мифов русской интеллигенции в эмиграции первой волны // Там же. С. 28-48; Волошина В.Ю. Личностные коммуникации как фактор социально-психологической адаптации российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е гг. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы. М., 2016. С. 207-220; Ковальчук А.М. Реклама русского зарубежья в Китае (1917-1939 гг.) – фактор сохранения и развития русской культуры в дискурсе «Запад-Восток». Хабаровск, 2016.

работах исследователей широко представлены сюжеты, связанные, преимущественно, с Февралем и Октябрем 1917 г., но довольно слабо нашел отражения период с марта по октябрь 1917 г.

Кроме того, революция 1917 г. не всегда рассматривалась историками с точки зрения революционного процесса, который, в тоже время, являлся бы составной частью отечественной истории.

Работы ученых показывают, что на сегодняшний день достаточно хорошо, и в тоже время изолированно друг от друга, изучены авторские версии революции 1917 г. разной политической ориентации: монархической, либерально-демократической, эсеровской; а также взгляды представителей русской эмиграции на революционные события того же хронологического периода, относящиеся к евразийству и сменовеховству. Более того, до сих пор нет крупных обобщающих исследовательских трудов, которые рассматривали революционный процесс 1917 г. с точки зрения специфики формирования и особенностей конструирования определенных интеллектуальных моделей прошлого, одновременно привлекая для раскрытия темы работы авторов различных политических воззрений, социальных слоев и профессиональной ориентации, опубликованных в разных центрах русской эмиграции. Между тем, в последнее время историки все чаще склонны изучать объекты исследования через призму культурной антропологии и интеллектуальной истории, где в центре внимания ученых оказывается все то, что связано с анализом семантики, сознания и дискурса, поэтому можно говорить о наличии определенной тенденции в рассмотрении событий революции 1917 г. под определенным углом зрения. Однако на сегодняшний день подобного рода обобщающих трудов еще нет.

Объект диссертационного исследования – коммуникативное пространство историографии русского зарубежья межвоенного периода.

Предмет диссертационного исследования – революционный процесс 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья.

Цель работы заключается в деконструкции интеллектуальных моделей революционного процесса 1917 г. и в выявлении специфики его содержания в историческом дискурсе русской эмиграции межвоенного периода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить представления русской эмиграции межвоенного периода о причинах революции 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья;

2. Определить проблемные поля и сущностные характеристики революционного процесса с марта по октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русской эмиграции;

3. Раскрыть содержательные параметры событий Февраля и Октября 1917 г. в трудах историков русского зарубежья.

Хронологические рамки исследования охватывают, преимущественно, межвоенный период (1918-1939 гг.), т.е. тогда, когда происходило формирование, становление и развитие исторического дискурса. Нижняя граница периода объясняется тем, что после разгона Учредительного Собрания и начала гражданской войны в России началась массовая эмиграция людей, не принявших теоретические взгляды и практические действия большевиков. Верхняя граница исследуемого периода выбрана в работе потому, что осмысление революции 1917 г. русской эмиграцией, в целом, подошло к концу: перестали издаваться многие эмигрантские газеты и журналы (сказывались материальные трудности и общеисторическая ситуация в мире); некоторые ученые умерли до или во время Второй мировой войны. К тому же Вторая мировая война, изменившая до неузнаваемости как сам мир, так и мировоззрение большинства людей, заставила взглянуть по-иному на исторический процесс, поставив и открыв уже перед новым поколением исследователей другие проблемные поля. Тем не менее, в диссертации анализируются некоторые работы, вышедшие и после Второй мировой войны в 40-е-50-е гг. прошлого столетия. Это связано с тем, что, с одной стороны, внешнеполитическая ситуация отсрочила выход нескольких работ, которые необходимо учитывать при раскрытии темы диссертации, а с другой

стороны, подобного рода исследования позволяют дополнить взгляды некоторых авторов.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования послужили наработки, лежащие в области интеллектуальной истории, которая выкристаллизовалась еще в первой половине XX века, как одно из направлений исторического знания, в центре внимания которого находятся разные формы мысли в их историческом измерении. Однако в конце 80-ых годов прошлого столетия произошла трансформация интеллектуальной истории в сторону тесной взаимосвязи анализа идей с их средой, в которой изучаемые идеи рождались, трансформировались, транслировались, угасали. И в этой связи тема диссертационного исследования, находящаяся в русле интеллектуальной истории, предполагает применение некоторых программных принципов интеллектуальной истории, выработанных А. Лавджоем («Великая цепь бытия»⁴³) и П. Уинчем («Идея социальной науки»⁴⁴). Стоит выделить следующие их положения:

1. Каждая концепция представляет собой набор элементарных идей, которые необходимо вычлениить из текста.

2. Немаловажную роль играет то, как идея преподносится обществу, как и во что она затем трансформируется.

3. Большое значение имеет контекст, в рамках которого была создана определенная идея, и шире – концепция.

Как отмечает Л.П. Репина, постмодернизм, сыгравший огромную роль в современной историографии, сформировал новое представление об объекте исторического познания, конструирующийся «языковой и дискурсивной практикой», что увеличило роль языка, который «стал рассматриваться как смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение»⁴⁵. В центре внимания исследователя оказывается всё то, что играет большую роль в

---

⁴³ Лавджой А. Великая цепь бытия: история идей / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

⁴⁴ Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, XXI, 1996.

⁴⁵ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XIX вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С.121.

конструировании исторической реальности, начиная от языка и текста, и заканчивая нарративными структурами, жанровыми и стилистическими особенностями исторического дискурса.

В этой связи большую роль играет дискурс-анализ как «метод интерпретации исторических источников, включающий выявление дискурсов внутри одного источника на основе выделения общей темы, терминологии, места в смысловом поле; интерпретацию взаимосвязей различных значений дискурса и конкретных символов в текстах, их эволюции в течение определенного исторического периода»⁴⁶. В данном случае под дискурсом понимается способ коммуникации, выраженный в текстовой форме, с помощью которого создается определенная модель прошлого. Теоретической базой исследования стали положения Э. Лакло и Ш. Муффа («Гегемония и социалистическая стратегия»⁴⁷) и идеи критического дискурс-анализа Н. Фэркло («Критический дискурс-анализ»⁴⁸). В основу исследования легли их следующие принципы:

1. Любые объекты приобретают смысл только в дискурсе.
2. Дискурс конструирует реальность с помощью значений.
3. Дискурсов много, и они вовлечены в борьбу за доминирование, пытаясь зафиксировать то или иное значение, следовательно, сам дискурс постоянно принимает различные конфигурации.
4. В каждом дискурсе важна интертекстуальность, с помощью которой происходит комбинирование различных элементов, заимствованных из других дискурсов.

Важную часть дискурс-анализа составляет вербальный анализ, под которым понимается исследование различных форм знакового материала (в данном случае, политические и социокультурные понятия как базовые компоненты дискурса) в историческом контексте их бытования, при этом основной акцент делается на то, как субъект дискурса высказывает свои мысли.

---

⁴⁶ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Второе издание испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С.92-93.

⁴⁷ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialistic Strategy. London: Verso, 1985.

⁴⁸ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Boston: Addison Wesley Publishing Company, 1995

Кроме вышеуказанных методов в диссертационном исследовании применяются также общеисторические методы исследования, среди которых можно отметить: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Историко-генетический метод позволил продемонстрировать историю складывания и эволюцию, как самого дискурса русского зарубежья межвоенного периода, в рамках которого формировались модели революционного процесса 1917 года, так и его основных компонентов.

Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить взгляды представителей русского зарубежья на революционный процесс 1917 года, что позволило выявить общее и особенное в оценках и интерпретации этого события.

Историко-системный метод был применен в исследовании для изучения революционного процесса 1917 года и самого дискурса как целостной системы. Анализ факторов, влияющих на дискурс, а также трансформация самих значений позволили выявить механизм создания интеллектуальных моделей революционного процесса 1917 года и определить этапы исторического дискурса русского зарубежья межвоенного периода.

В **источниковую базу** диссертации вошли как труды выдающихся персон русского зарубежья, так и работы менее известных представителей русской эмиграции, напечатанные в периодических изданиях. Размах революционных событий в стране породил несколько волн русской эмиграции, захлестнувших самые разные слои российского общества, что отразилось на пестроте социально-профессиональной структуры адресатов и адресантов русского зарубежья. Среди адресатов можно выделить труды историков (П.Н. Милюков, С.П. Мельгунов, С.С. Ольденбург, И.П. Якобий, В.А. Мякотин), философов (Г.П. Федотов, С.Л. Франк, И.А. Ильин, А.В. Карташев и др.), политических деятелей (П.Н. Милюков, А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко, В.М. Чернов, Ф.И. Дан, Г.Е. Львов, Д.Н. Святополк-Мирский, Н.Е. Марков), персон, относящихся к военным кругам (М.К. Дитерихс, В.Е. Вязьмитинов, Н.Н. Головин, В.И. Назанский, П.П. Петров), а

также работы представителей научной и творческой интеллигенции разной политической направленности.

Ценность большинства крупных работ состоит в том, что в них представлена в полном виде концепция не только Февраля и Октября 1917 г., но и революционного процесса в целом, а также дана характеристика пореформенной и предреволюционной России. Широкий спектр статей из периодических изданий, не всегда напрямую связанных с революцией 1917 г., и курсы лекций дополняют и уточняют некоторые составляющие исторических построений авторов, что дает возможность представить исторический дискурс полнее и богаче. Для раскрытия темы диссертационного исследования привлекаются опубликованные историографические источники, поскольку функцию общественной коммуникации выполняют именно они. При этом стоит отметить, что многие из них вводятся в научный оборот впервые.

Привлечение для исследования темы материалов периодической печати обусловлено разными причинами. С одной стороны, ее исключительно видовыми особенностями: она призвана выражать интересы различных социально-политических сил и способна формировать общественное мнение. С другой стороны, временем создания и условиями написания работ. В этой связи показательно справедливое и меткое замечание М.Г. Вандакской: «эмоциональное восприятие происходящего отличалось определенной напряженностью и остротой. Эта, в известном смысле стрессовая, ситуация создавала особую почву для умственной деятельности... Шел процесс интенсификации творческой мысли, характерный для кризисных и нестандартных ситуаций. Именно поэтому малые формы исторических сочинений, которые создавались эмигрантами..., отличались глубоким содержанием и большой насыщенностью идей. Часто та или иная статья эмигрантского ученого по своей научной значимости, новизне высказанных мыслей, неординарному подходу к

теме, выразительным сопоставлениям и яркой подаче материала вносила вклад в науку, сравнимый с монографическим исследованием»⁴⁹.

Кроме названных выше причин стоит отметить тот факт, что в XIX - начале XX вв. напряженная умственная работа в Российской империи протекала в разных формах, в том числе и на страницах литературных, а позднее, и общественно-политических газет и журналов. Манифест 17 октября 1905 г. не только заложил основы для формирования и развития в стране многопартийности, но и дал возможность авторам более свободно высказываться в прессе. Пореформенной России понадобилось гораздо большее количество образованных людей, а повышение доступности образования привело к тому, что чтение постепенно начинает приобретать массовый характер, поэтому печатные издания стали пользоваться спросом у самых разных слоев населения. Таким образом, за долгие годы в Российской империи была подготовлена база для обсуждения общественно значимых тем на страницах печати. Вполне естественно, что эта традиция перекочевала вместе с персонами русского зарубежья в крупные эмигрантские центры после событий 1917 г.

Для раскрытия темы привлекались работы из периодических изданий различной идейной и политической направленности (Дело труда, Анархический вестник, Двуглавый орел, Революционная Россия, Знамя борьбы, Пробуждение, Русская летопись, Рабочий путь, Современные записки, Волна, Русская мысль, Луч света, Новая Россия, Грядущая Россия, Последние новости и др.).

Анализируемые в диссертационном исследовании тексты трудов эмигрантов были опубликованы в крупных историко-культурных центрах русского зарубежья: Париж, Прага, Берлин, Константинополь, Нью-Йорк, Харбин и др. Широкие географические рамки исследования обусловлены, в первую очередь, распыленностью русской эмиграции после событий 1917 г. Привлечение в диссертационном исследовании работ, изданных в самых разных уголках земного шара, позволяет не только полнее представить сам исторический дискурс, но и более аргументировано выявить его закономерности.

---

⁴⁹ Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. М., 2009. С.6.

В добавлении к ним привлекаются работы, увидевшие свет в Ростове-на-Дону в конце 10-ых гг. прошлого столетия, куда поначалу стекалась культурная и интеллектуальная элита. Использование этих текстов объясняется тем, что многие идеи выкристаллизовывались именно там, и только затем могли быть представлены в более полном и доработанном виде уже за рубежом. Например, работа П.Б. Струве «Размышления о русской революции» представляет собой лекцию, прочитанную в Ростове-на-Дону, но окончательно концепция автора в форме текста увидела свет лишь в 1921 г. в Константинополе. В Ростове-на-Дону начал свою работу над «Историей второй русской революции» П.Н. Милюков. Поэтому рассмотрение этих и иных трудов очень важно не только для характеристики начального этапа формирования исторического дискурса, но и для генезиса и дальнейшего анализа складывания самих значений дискурса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Революционный процесс 1917 г., нашедший отражение в работах авторов русского зарубежья межвоенного периода, существовал в форме дискурса, как одного из способов коммуникации и репрезентации представлений сообщества, конструирующего историческую реальность. Сам исторический дискурс зарождался, бытовал и развивался через борьбу различных значений, что способствовало его усложнению и расширению.

2. Своеобразие моделей прошлого зависело от ряда факторов. Одним из них выступали политические пристрастия и идейные течения, к которым относился тот или иной автор. Так, большинство персон русского зарубежья признавало наличие двоевластия в России в период с февраля по октябрь 1917 г. Однако борьба двух институтов власти – Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов – была показана только у кадетов. Остальные представители русской диаспоры, как левые, так и правые авторы отказывались признавать борьбу между этими двумя учреждениями.

Другим фактором выступала сословная принадлежность и / или профессиональная среда, из которой происходил автор. Так, представители, вышедшие из военной среды, в качестве обстоятельств разложения армии в

период с марта по октябрь 1917 г. называли негативное воздействие приказа №1 на вооруженные силы России, подрывную работу большевиков и деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, в их трудах подчеркивалась подлость А.Ф. Керенского в отношении Л.Г. Корнилова, а также чистота и искренность намерений последнего, а слабость правительственной власти была тем фоном, на котором разворачивалась трагедия вооруженных сил страны.

Еще одним фактором можно считать влияние эмигрантского центра, которое проявлялось как в проработке определенной микротемы и выявлении новых проблемных полей, так и в создании нарративной модели прошлого, включающей в себя иной способ подачи материала, отличный от другого центра русского зарубежья. Так, в Константинополе в 1921 г. возникла проблема периодизации революционного процесса. В Праге же наиболее остро возник вопрос о правомерности соотнесения революционного процесса 1917 г. со «смутой», который обсуждался представителями русского зарубежья на страницах журнала «Русская мысль» в 1920-ые гг.

3. Формирование и усложнение представлений авторов русского зарубежья о февральских и октябрьских событиях 1917 г. наиболее предметно репрезентировалось в дискурсе межвоенного периода (1918-1930-е гг.). На *первом этапе* (1918 - начало 1920-х гг.), хронологическая близость революционных событий во многом определила высокий градус эмоциональности в оценке событий 1917 г. Работы, посвящённые им, не выстраивались в форму отчётливого исторического нарратива, носили фрагментарный характер.

Однако отличительной чертой на данном этапе научной рефлексии стало то, что в трудах авторов русского зарубежья была поставлена проблема виновности, как в наступлении Февраля 1917 г., так и в появлении тех сил, которые способствовали разложению фронта, приближению событий Октября 1917 г., углублению революционного процесса и т.д. Однозначного решения эта проблема не нашла, но авторами был очерчен круг лиц и сообществ, потенциально ответственных за катастрофическое развитие событий в 1917 г.

На *втором этапе* развития дискурса (начало 1920-х - середина 1920-х гг.) происходит движение от констатации авторской позиции по тому или иному вопросу и постановки проблемы к ее исследованию, позволившему перейти к анализу и интерпретации исторических фактов, что способствовало формированию новых выводов, которые стали выстраиваться в исторический нарратив. Для данного этапа развития дискурса характерен переход от констатации значений к их осмыслению: от фиксации языковых знаков к интерпретации событий революций 1917 г. как части исторического процесса. С другой стороны, начинается более детальная разработка отдельных проблем и выдвижение новых. Если на первом этапе формирования дискурса по проблеме обоснованности революции 1917 г. представителями русского зарубежья лишь констатировалось наличие противоречий в общем ходе развития Российской империи, и был определен «узловой» момент, от правильного решения которого зависело бы будущее страны (в частности, эпоха дворцовых переворотов у П.Б. Струве), то на втором этапе произошло очевидное смещение акцентов к установлению причинно-следственных связей между революционными событиями февраля и октября 1917 г. и знаковыми сюжетами эпохи Великих реформ 1860-х – 1870-х гг., что предопределило разработку таких микротем, как роль земств в политической истории страны, положение крестьян до и после реформы 1861 г., необходимость или бесполезность для Российской империи конституции и др.

Третий этап развития дискурса (конец 1920-х гг. - 1930-е гг.) шел по двум направлениям. С одной стороны, он характеризуется еще большей проработкой определенных микротем и добавлением в повествовательные модели прошлого новых эпизодов, выполняющих политическую функцию. Так, представители монархической линии 1930-х гг. в трактовке революционных и предреволюционных событий февраля 1917 г. группировали факты, выстраивая их вокруг фигуры Николая II. И если в 1920-ые гг. в центре внимания исследователей русского зарубежья располагался лишь облик царя как российского самодержца, то на третьем этапе развития дискурса представители

русской эмиграции, относящиеся к правому крылу, смогли выстроить целостный и объемный образ императора, который складывался из нескольких составляющих: развернутый портрет царя, система действий и отношений правителя к людям и событиям, привлечение фактографического материала, рассмотрение фигуры императора и его семьи в тесной связи с политическим режимом и формой правления, в которых ему приходилось действовать. Это предопределило в работах авторов наличие как старых микротем (деятельность Распутина и Александры Федоровны, министерская чехарда), так и новых (смена верховного главнокомандующего в 1915 г.). И если правые с помощью этой микротемы стремились доказать, что принятие Николаем II должности верховного главнокомандующего не вызвало отрицательных последствий, то левые представители демонстрировали падение духа армии, что привело впоследствии к крупным поражениям на фронтах Первой мировой войны в 1915 г.

С другой стороны, приверженность и следование историческим фактам стали отличительной чертой третьего этапа дискурса. Сам «факт» понимался русской диаспорой двояко. В одном случае, под фактом подразумевалось суждение, не требующее доказательств, сводящееся, чаще всего, к набору значений, уже устоявшихся у определенной группы русского зарубежья, вследствие чего противоположная по своим убеждениям часть персон русской диаспоры начинала опровергать нежелательный для них факт разными способами, порождая новый виток дискурса. В тоже время под фактом понималось умозаключение, основанное на исторических источниках (материалы статистики, нормативно-правовые акты, эго-документы). Обилие фактов в трудах монархистов, а также левых авторов стало той базой для выработки и закрепления новых значений или утверждения прежних, таких как отсутствие / наличие кризиса накануне 1917 г., полезность / гибельность монархии, обоснованность / бессмысленность Февраля 1917 г. и т.д.

4. Причины революции 1917 г. рассматривались представителями русского зарубежья, прежде всего, через проблему обоснованности наступления коллапса в

России в 1917 г., а события Первой мировой войны в трудах авторов выполняли функцию доказательной базы и подвели фундамент под их теоретические положения. Сами события Первой мировой войны подавались читателям в тесной связи с политическим режимом, действовавшим в стране. И если в исторических версиях центристов и левых авторов констатация поражений на фронте была следствием «прогнившего режима», то правые авторы стремились продемонстрировать продуманную и планомерную работу общественности по свержению монархии в стране, поскольку без войны не будет и революции.

Революционный процесс в период с марта по октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья рассматривался через призму решения проблемы двоевластия и военного вопроса. Это можно объяснить тем, что революция разразилась в момент Первой мировой войны и разворачивалась на ее фоне, а от той конструкции власти, которая сформировалась в результате событий Февраля 1917 г. и ее последующей трансформации, во многом зависело будущее страны. Все остальные вопросы (аграрный, рабочий и др.) были, в основном, иллюстрацией при анализе проблемы двоевластия и редко рассматривались изолированно от нее. Кроме того, в работах представителей русского зарубежья при характеристике вектора революционного процесса 1917 г. большую роль играли такие параметры анализа, как проблема виновности и ответственности, проблема направленности, динамики и радикализации вектора развития революционного процесса, проблема фатализма.

5. События Февраля и Октября 1917 г. воспринимались представителями русского зарубежья в тройном измерении, что значительно расширило трактовку и понимание двух ярких моментов революционного процесса. С одной стороны, если анализировать Февраль и Октябрь с точки зрения событийного подхода, то они виделись русской эмиграцией как обычный захват власти определенной группой людей. Именно так некоторые монархисты воспринимали события Февраля, в то время как в левом крыле русского зарубежья такой взгляд господствовал лишь по отношению к Октябрю. Если два ярких момента революционного процесса рассматривались русской эмиграцией под таким углом

зрения, то здесь на первый план выходили политические партии и их вожди, подготавливавшие и осуществлявшие государственный переворот, и захват власти как в феврале, так и в октябре 1917 г.

С другой стороны, яркие моменты революционного процесса 1917 г. воспринимались представителями русской эмиграции (независимо от их принадлежности к политическому течению) как реализация определенных программ и доктрин, воплотившихся в тактике управления страной и модели поведения руководителей революционного процесса. Рассмотрение двух ярких моментов революции 1917 года с этих позиций значительно расширило хронологические рамки революционного процесса: Февраль «разомкнулся» до Октября, а то и вовсе поглотил последний, в то время как Октябрь расширился до 20-х, а у некоторых и до 30-х годов XX столетия. Такой подход рассматривал революционный процесс через призму деятельности представителей, входивших в разные институты власти (Государственная дума, Временное правительство, Советы).

Конечный результат, как еще один параметр сравнения двух главных событий революционного процесса, позволял сделать акцент на утопичности политических замыслов, которые нашли свое воплощение не только в лозунгах и партийных программах, но и в деятельности субъектов революционного процесса, допустивших события Февраля и Октября 1917 г. в стране.

6. Революция 1917 года мыслилась представителями русского зарубежья как многофакторный процесс. Этому способствовала пестрота социально-профессиональной структуры адресатов и их количество, сложная атмосфера, в которой создавались труды, уровень развития дискурса. Рассмотрение причин революции 1917 г. через проблему обоснованности, а также выстраивание нарратива по линии борьбы власти и общества сильно расширило нижнюю границу революционного процесса. Широта верхней границы во многом объясняется сложностью самих исторических событий, произошедших в стране, нарративными моделями и этапом развития дискурса. Широкие и подвижные хронологические рамки можно толковать и особенностью восприятия русской

диаспорой Февраля и Октября 1917 г.: отождествление революционных событий со «смутой», «переломом», «революцией», в свою очередь, свидетельствует о глубинных и масштабных сдвигах, произошедших в России, вместить которые однозначно в жесткие хронологические и терминологические рамки оказалось невозможным. Исходя из вышесказанного, авторы утверждали, что в стране произошло качественно новое явление, которое было определено современниками как «революция», не обязательно ограничивающееся рамками 1917 г., наполнив этот термин различным содержанием.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно проводилось в методологии дискурс-анализа, что дало возможность впервые показать формирование и трансформацию образа революционных событий 1917 г. в тесной связи с модификацией исторического дискурса на примере трудов авторов русского зарубежья межвоенного периода. Выявлены основные этапы исторического дискурса русского зарубежья с определением их хронологических рамок и сущностных характеристик, четко обозначены и обоснованы границы каждого из этапов дискурса.

Кроме того, были определены основные компоненты конструирования прошлого, которые менялись в зависимости от трансформации дискурса, что позволило выявить специфику исторического дискурса в целом и его основных этапов в частности. Исторические события 1917 г. показаны во взаимосвязи с предшествующими событиями, что дало возможность наглядно показать вектор развития не только революционного процесса 1917 года, но и отечественной истории, а также четче обозначить и раскрыть проблемные поля дискурса, выделить микротемы внутри дискурса, проследить их эволюцию по мере развития исторического дискурса.

Впервые было уделено проблеме восприятия и соотношения Февраля и Октября 1917 г. представителями русской эмиграции разной идейно-политической направленности и профессиональной среды в общем ходе развития, как революционного процесса 1917 г., так и отечественной истории. На материале эмигрантского наследия межвоенного периода с привлечением исторических

источников, в том числе и тех, которые еще не были или были слабо введены в научный оборот, была показана неоднозначность содержания самого революционного процесса, и подвижность его хронологических рамок, а также таких его существенных моментов, как Февраль и Октябрь 1917 г.

Теоретическая значимость исследования революционного процесса 1917 года заключается в определенном методологическом подходе, что позволяет применить данную модель анализа историографических источников к конструированию сложных и многофакторных исторических процессов, расширяя представления об объекте и предмете исследования. Деконструкция текста дает возможность выявлять и работать с такими элементами дискурса, как дефиниции, значения, микротемы, определять их долю и соотношение по мере развития дискурса, проследивать их трансформацию внутри самого дискурса. Это, в свою очередь, позволяет выявить механизм создания интеллектуальных моделей прошлого, а также увидеть новые грани и взаимосвязи между компонентами изучаемого предмета исследования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его выводы и материалы в учебных курсах и спецкурсах по историографии, истории России, политической истории, историко-культурному и научному наследию русского зарубежья, а также для разработки учебных пособий и авторских курсов по вышеуказанным дисциплинам и направлениям.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были отражены в ВАКовских публикациях, а также в докладах автора, представленных на научных конференциях: «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурсы» (Москва, РГГУ, 6 марта 2013 г.), «Россия на пересечении пространств и эпох...» (Москва, РГГУ, 22 марта 2013 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников и литературы. Во «введении» обосновывается актуальность выбранной темы, ставится проблема исследования, анализируется обзор историографии, определяются цель и задачи

работы, обозначается новизна диссертационного исследования. В первой главе диссертации рассматриваются взгляды эмигрантов на причины революции 1917 г. в историческом дискурсе. Во второй главе анализируются авторские версии революционного процесса в период с марта по октябрь 1917 г. В третьей главе рассматриваются взгляды представителей русского зарубежья на два ярких момента революционного процесса с точки зрения событийной истории, показывается соотношение Февраля и Октября 1917 г. в общем ходе развития революционного процесса, а также выявляются особенности восприятия русской эмиграцией 1917 года в целом. В «заключении» собираются и систематизируются воедино все предшествующие выводы исследования.

Глава 1. Причины революции 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья

Параграф 1.1. Проблема обоснованности революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции конца 1910-х – середины 1920-х гг.

Причины революции 1917 г. стали волновать умы русского общества сразу же после ее осуществления. Будучи в эмиграции, представители русского зарубежья пытались объяснить себе и окружающим на страницах печати корни революционных событий 1917 г., обнаруживая их в историческом прошлом Российской империи. Пережитые события 1917 г., а также жизнь на чужбине, заставляли русское общество по-другому переосмысливать и интерпретировать не только революцию 1917 г., но и весь вектор развития отечественной истории, приведший страну и общество к кризису российской государственности. Анализируя причины революции, представители русской эмиграции чаще всего рассматривали их через проблему обоснованности Февраля 1917 г., стремясь доказать необходимость или бесполезность революционного взрыва в стране.

Общий вопрос, занимавший умы русского общества в первое время после свершения грозных событий, сводился к тому, как и чем объяснить не только настоящее, но и определенный отрезок времени, предшествующий ему. Начиная, примерно, с 1919 г., стали появляться труды, пытающиеся отыскать и показать читателям причины революции 1917 г. На фоне грозных и кровавых событий некоторые представители мыслящей части русского общества искали причины коллапса 1917 г. в угасании духа. Например, князь Е.Н. Трубецкой полагал, что то угасание духа, которое подготовило почву для большевизма, тесно связано с совершившимся за последние десятилетия пышным расцветом материальной культуры⁵⁰, усыпившим жизнь духовную. Сладкая греза о рае на земле, «ныне одурманившая демократические массы», появилась изначально «на почве сытости и довольства», т.к. с самого начала этой идеей «жило привилегированное

---

⁵⁰ Трубецкой Е.Н. Звериное царство и грядущее возрождение России. Ростов н/Д., 1919. С. 15.

меньшинство». Поэтому большевизм, как воплощение и олицетворение всех ужасов, «возник и вырос в мировую величину на почве духовного падения нравов»⁵¹.

Немного позднее эта мысль была развита и по-своему переработана Г.Е. Львовым в работе «Наши задачи»⁵². Автор усматривал причины взрыва 1917 г. в большевиках, родившихся в той глубокой пропасти, которую выкопала современная культура, именуемая неравенством классов. Нарастание материальных благ у одних и «пропорциональное нарастание» злобы, жажды и зависти тех же благ у других обратило «неимущих» в «гуннов», которые и обрушились всей силой на государственный организм страны.

Таким образом, одна из причин коллапса 1917 г. имела под собой духовные основания. Интерес к рассмотрению причин революции 1917 г. через призму культуры можно объяснить тем, что кровавый характер революционных событий, чинимые большевиками зверства и общее падение нравов повергло русское общество в ужас, который заставлял искать объяснение случившегося в духовной сфере. Однако это значение со временем уходило на второй план, а впоследствии и вовсе перестало доминировать как одно из возможных объяснений причин революции.

Параллельно с этим намечалась фиксация нового значения, которое можно свести к тому, что в свержении самодержавия не было ничего неожиданного. Этот тезис предельно кратко пытался развить неизвестный автор в работе «Что нам нужно?»⁵³. Основная мысль труда состояла в том, что народ русский, поднявший революцию, свергнул старый режим не даром, т.к. при самодержавии население страны «держали в темноте и невежестве, бедности и нищете, в бесправии...»⁵⁴.

Как видно из вышесказанного, автор стремился обосновать свержение самодержавия исходя из низкого экономического и культурного уровня основной

---

⁵¹ Там же. С. 15.

⁵² Львов Г.Е. Наши задачи // Грядущая Россия. Париж, 1920. Кн. 1. С. 5-14.

⁵³ Что нам нужно? / Сочинение свободного гражданина. Ростов н/Д., 1919.

⁵⁴ Там же. С. 7.

массы населения Российской империи. Однако в рассмотренной работе все эти тезисы еще пока не раскрывались, а только намечались.

Другие авторы, доказывая то же самое положение, выбирали иной путь для фиксации нового значения. В частности, А.А. Штевен исходил из того, что в падении самодержавия усматривал закон, присущий всем европейским государствам. В концепции автора в массах всегда присутствует высокая доля социальной зависти и неравенства. Союз правителя и подданных крепок в том случае, если правящий слой проявляет «государственную мудрость», обеспечивая «непрерывное улучшение материальных условий жизни широких народных масс»⁵⁵. Если господствующий класс пребывал «в узком кругу себялюбивой защиты личных интересов», то народный гнев вспыхивал «ярким пламенем». В этом последнем случае «вожди наций» начинали приводить народ «к горю и страданиям». Массы же, сомневаясь в правителях, «начинали делать конвульсивные попытки своим разумом находить выход из тупика»⁵⁶. Такое положение вещей, по мысли Штевена, сложилось в период первой мировой войны, которая принесла массам «великие страдания» и подорвала в народе «авторитет правящего слоя». Кроме того, «политический гнет», благодаря которому самодержавие стремилось «продлить свое существование», «вполне» закономерно развивало «во всех слоях русского народа» черты «политического радикализма».

Через два года после написания вышерассмотренного труда П.Н. Миллюков попытался обозначить «корни революции», которые видел в «слабости» того или иного «сцепления». Причины коллапса 1917 г. виделась историком в «слабости государственного сцепления», определившей анархичный характер русской революции; в «слабости социального сцепления», породившей «глубокий социальный распад», и в «слабости культурного сцепления, откуда возникли параллельно оторванность масс и максимализм в русской интеллигенции»⁵⁷, что придало русской революции отрицательные черты. Все эти основные положения

---

⁵⁵ Штевен А.А. Что сейчас всего нужнее России? New York: издание М.М. Оганесова, 1919. С. 6.

⁵⁶ Там же. С. 6.

⁵⁷ Миллюков П.Н. Корни революции // Последние новости. Париж, 1921. 13 июля. (№ 379). С. 2.

начинали подкрепляться конкретными историческими фактами. Так, по мнению автора, в России государственность была привнесена «извне, нанесена на массы», что не позволило ей развиваться «органически», вследствие чего «рост государственности опережал рост русской общественности». Государство было чуждо народу «до самого XIX в.». И даже когда в стране появилось земство, то оно оставалось «“без крыши и без фундамента”, т.е. без связи с низами и без национального представительства»⁵⁸.

Таким образом, в конце 1910-х – начале 1920-х гг. в русском зарубежье начало фиксироваться значение, согласно которому революция 1917 г. была не случайным явлением, а следствием многих причин. Кроме того, П.Н. Милюков одним из первых показал ряд противоречий в общем ходе российской истории, которые, не решаясь десятилетиями, стали следствием многих проблем, приблизивших Февраль 1917 г.

Однако представленные концепции складывались стихийно, носили фрагментарный, умозрительный и отчасти теоретический характер, что не позволяло тогда решить проблему обоснованности революции 1917 г. Следовательно, необходимо было изменить исторический нарратив, представив по-новому фактографический материал.

Наряду с рассмотренными историческими версиями существовали другие работы, фиксирующие новые значения. В тот же период времени, но уже наиболее развернуто, одним из первых свои взгляды на проблему обоснованности русской революции 1917 г. изложил председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, где в центре повествования оказывалась борьба между властью и обществом. Автор начинал изложение исторических событий с 80-х гг. XIX в., т.к. к этому периоду времени у мыслящей части русского общества сформировалось «оппозиционное настроение», проявляющее себя «в ряде революций разнообразных общественных организаций и глухом брожении рабочего и земледельческого крестьянского классов...»⁵⁹. Политика государственной власти

---

⁵⁸ Там же. С. 2.

⁵⁹ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 5.

в этом вопросе заключалась в усилении репрессивных мер, способных подавить «начавшееся пробуждение общественной политической мысли».

Поражение в японской войне вызвало «всеобщее негодование и раздражение», выливавшееся в «ряд революционных эксцессов». В ходе революции 1905 г. образовалось новое учреждение — Государственная Дума, избранная народом и облеченная его доверием, которая «была чужда каких бы то ни было революционных стремлений» и все свои силы направляла на пользу государства. Однако министерство внутренних дел, повсюду усматривая «революционные начала», не в силах было смириться с «наличием народного представительства». Вполне естественно, что Государственная Дума принялась вести упорную борьбу с министерством внутренних дел, но не путем «свержения или разрушения общественного строя», а на почве политико-социальных реформ. Таким образом, в интерпретации Родзянко, Государственная Дума решила «вести страну» не путем революции, а путем эволюции, подразумевая под последней развитие либерализма в России.

Как видно из приведенного источника, М.В. Родзянко «бросил» в исторический дискурс сразу несколько значений. Во-первых, это оппозиционный настрой общества, наметившийся уже в конце второй половины XIX в. Во-вторых, стремление общества принимать участие в политической жизни страны, благотворно воздействуя на ход развития государства, и как следствие этого — положительная роль Государственной Думы и прогрессивного блока. В-третьих, нежелание власти допускать широкие круги к управлению страной.

Ещё дальше, чем М.В. Родзянко пошел П.Б. Струве⁶⁰, уводя читателей вглубь веков, отыскивая причины революции в истории отечества. По мнению автора, до правления Василия III Россией управлял «царь и боярская дума». При Василии III, и особенно при Иване IV, в стране наблюдалось «откровенное самодержавие». С возникновением земских соборов после смутного времени «рядом с царем стала земля». Однако «участие земли в государственном строительстве» было не велико, поэтому во второй половине XVII столетия

---

⁶⁰ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.

«органы “земли”... отмирают», и Российская империя в XVIII в. «вошла без всякого участия общества в делах государства», в котором господствовала лишь «единая воля Монарха». В этом, по мысли автора, и крылась «величайшая опасность» для государственного организма, вскрывшаяся в конце XIX в. Тем не менее, у России в первой половине XVIII в. появилась возможность исправить сложившуюся ситуацию. Но при Анне Иоанновне этот шанс оказался упущенным, и вектор исторического развития принял иное направление: Анна Иоанновна не сочла нужным считаться с кондициями и тем самым верховная власть отказала обществу принимать какое-либо участие в политической жизни страны. Подобная государственная политика с течением времени постоянно увеличивала разрыв между самодержавием и народом, что и стало основной причиной революции 1917 г.

На основе вышесказанного следует заключить, что обилие исторического материала и расположение его в хронологической последовательности преследовало одну цель: доказать обоснованность Февраля 1917 г. в отечественной истории. Кроме того, основной вектор развития революционных событий стал проходить через призму борьбы власти и общества. Всё этого закладывало фундамент для понимания революции не как одномоментного явления, а как длительного процесса.

Признание того факта, что революция 1917 г. была следствием многих причин, а также представление её как процесса, породило первые синтетические концепции. Показательным примером является работа П.Я. Рысса «Русский опыт», написанная в 1921 г., в которой автор представил читателям несколько причин, приведших к кризису российской государственности. В концепции эмигранта, социально-политический организм страны вышел «из состояния патриархального хозяйства», поэтому для максимального «развития производительных сил» России нужна была определенная степень свободы, включающая в себя свободу личности, слов, организаций, а также «свободу защиты своих политических и экономических нужд». Подобного рода свободы можно было достичь путем установления в стране «представительного строя».

Однако «власть» не желала перестраивать организм страны на новых началах: защищая и отстаивая «себя и свои прерогативы», правительственная власть постепенно уничтожила «идею и факт государства», при этом воспитав в народе ненависть к себе.

Чинимые властью «страшные притеснения» «толкали» народ «в объятия тех, кто проповедовал» к ней ненависть. С момента ликвидации крепостного права «материальное положение» населения страны «не улучшалось»: земельные угодия «дробились между сильно возраставшим населением», а вековые чаяния крестьян на получение помещичьей земли «встречали резкой отпор со стороны власти»; заработная плата рабочих была низкая, «рабочее законодательство» было далеко от совершенства. Таким образом, правительство не замечало, «что грандиозное озлобление масс» в своей динамике способно уничтожить государство.

Не трудно заметить, что в отличие от предшествующих авторов П.Я. Рысс поспешил выйти за рамки чисто политических сюжетов, пытаясь доказать взаимосвязь экономики и политики, обосновывая таким способом наступление Февраля 1917 г. Подобный факт можно объяснить тем, что для авторов, придерживающихся левых позиций в русском зарубежье (Рысс с середины 1920-х гг. становится эсером) было свойственно рассматривать исторический процесс через призму экономики.

В тот же период времени отмечается еще одна характерная черта исторического дискурса: начинает происходить переход от констатации фактов к их интерпретации, что способствовало фиксации новых значений. Так, в работе Рысса «Русский опыт» это выразилось в том, что автор пытался объяснить тот факт, согласно которому последний император из рода Романовых не желал даровать стране политические права и свободы, путем постановки вопроса: почему Николай II отказывался предоставить участие общества в политической жизни страны? По мнению Рысса, в своих действиях Николай II исходил из того положения, что полученную от Высшего Промысла власть он должен передать своему будущему наследнику в полной мере и в полном объеме, т.к. сокращение

объема царской власти является преступлением перед Богом⁶¹. Во многом по этой причине любая реформа, изменяющая правовое и социально-политическое положение в стране, отвергалась императором. Иллюстрацией к сказанному служила конституция 1905 г., с которой царь, в скором времени, перестал считаться.

Свою версию причин второй русской революции изложил лидер партии кадетов П.Н. Милюков. В книге «История второй русской революции» показывалась неизбежность Февраля 1917 г., которая предопределялась всем ходом исторического развития страны и связана, как со слабостью русской государственности, так и со слабостью верхних социальных слоев. «Не только в эти годы, но уже гораздо раньше, с шестидесятых, с сороковых годов, с конца XVIII столетия, было очевидно, что конфликт старой государственности с новыми требованиями есть лишь вопрос времени»⁶². Половинчатые уступки власти не удовлетворяли потребностей общества, а еще сильнее накаляли атмосферу: создание властями представительных учреждений не спасало положение, а только настраивало общество к дальнейшей борьбе. «За десять лет», прошедшие с момента после первой русской революции, в стране «не было вовсе законодательства», т.к. «через законодательные учреждения» «проходили» только «те меры, которых хотела власть в союзе с правящим сословием»⁶³.

На первый взгляд позиция лидера цензовой общественности не сильно отличалась от той, которые были представлены выше. Однако автор четко зафиксировал одно значение, сводившееся к тому, что власть действовала в союзе с правящим сословием, тем самым вызвав новый виток в развитии дискурса, поскольку представителям русского зарубежья необходимо было согласиться или опровергнуть подобное суждение, определяя положение и роль высшего сословия не только в революционном процессе, но и на протяжении всей отечественной истории.

---

⁶¹ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 20.

⁶² Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1.: Противоречия революции. София, 1921. С. 18.

⁶³ Там же. С. 19.

Вполне естественно, что мнения разделились: одни поддерживали, другие – нет. Среди тех, кто проявил солидарность с Милюковым, был В. Шульгин, по мнению которого в Российской империи существовали «старшая братия» и «меньшой брат». Первые, в течение длительного времени, «вербовались из поместного дворянства, давшего целую плеяду замечательных государственных людей»⁶⁴. Но вскоре эта группа начала «портиться». Вместо того чтобы «приложить свою энергию во всех непочатых уголках России», представители этого сословия «занимались тем, что всей злобной сворой рвали на части Русское Государство...». В этом, по мнению автора, выразился «процесс вырождения» культурного слоя страны.

В тоже время, «грозда многомиллионного народа», подразумеваемая под ней «меньшого брата», «была здоровой и жизнерадостной». Однако наверху народного организма возникла «пленка интеллигентов», которые «вспрыскивали» «яд разрушения» в толщу массы. Когда «яд подействовал», приведя организм к озлоблению и судорожному движению, то «меньшой брат» стал уничтожать «всю ту больную и отравленную интеллигенцию», не дававшую «ему спокойно жить и развиваться».

Противниками точки зрения П.Н. Милюкова оказались те, кто принадлежал к верхам русского общества, т.к. они не смирились с той ролью, которая была им отведена лидером партии кадетов. Показательным примером будет позиция князя Д.П. Голицына-Муравлина на исторические события, предшествовавшие революции 1917 г., высказанная им в том же году, которые были рассмотрены с точки зрения ответственности и вины за подготовку и развязывание коллапса 1917 г. Так, по мнению автора, революционеры являлись всегда сопровождением любой власти. Однако совершали революцию не они, а «та власть, которая переставала верить в незыблемость своей мощи»: «когда власть начинает спорить и доказывать свою правоту, а тем более лебезливо извиняться в своем неумении нравиться обывателю, то она превращает непреложное в спорное, а аксиому

---

⁶⁴ Шульгин В.В. О «старших» и «младших» // Зарницы. Константинополь, 1921. № 12. С. 4.

сопровождает вопросительным знаком»⁶⁵. Министры, заседавшие в правительстве последние несколько лет перед революцией, только и делали, что «искали слов», а не действий, поэтому «именно в таком правительстве была главная сила революции»⁶⁶. Правительство, составленное из подобных министров, «лишенное» всякой «мысли», «мощи» и «решимости» невольно смогло открыть «дорогу к разрушению, ибо яма сказалась там, где должна была быть опора». Российское правительство накануне Февраля 1917 г. являлось «наиболее наглядным выражением бессилия власти»⁶⁷.

Мысли автора дополняла другая его работа, посвященная одной из черт предреволюционной России – аполитичности. Д.П. Голицын-Муравлин отмечал, что большинство царских сановников «находили необходимым быть аполитичными» вопреки тому, что «государственный строй представляет собой явление политическое и что нельзя состоять у него на службе аполитично»⁶⁸. Аполитичные министры вели себя «гнушно и предательски» по отношению к царю, т.к. «восхваляемая аполитичность» не позволяла им где бы то ни было заявлять о таких вещах, как любовь к Отечеству, русскому духу и т.д. Все это привело к созданию «средостения чиновничьей аполитичности» между народом и страной и стало следствием того, что «те, которые должны были защищать Престол, перестали исполнять свой долг, а те, которые подрывали основы власти, прославлялись в качестве почтенных деятелей»⁶⁹.

Таким образом, автор полностью возлагал вину на власть за постигшую Россию катастрофу, в то же время, отделяя от власти правящий слой. Кроме того, Д.П. Голицын-Муравлин под властью не подразумевал последнего российского императора: автор отделил фигуру царя от остальной части бюрократического аппарата, возложив на чиновников всю вину за происшедшее в стране, что, в свою очередь, побудило монархистов взяться за перо.

---

⁶⁵ Голицын-Муравлин Д.П. О падении власти // Двуглавый орел. Берлин, 1921. № 9. С. 28.

⁶⁶ Там же. С. 29.

⁶⁷ Там же. С. 29.

⁶⁸ Голицын-Муравлин Д.П. Об аполитичности // Двуглавый орел. Берлин, 1921. № 19. С. 3.

⁶⁹ Там же. С. 4.

Характерной чертой исторического дискурса на этапе его зарождения было то, что в нём одними из первых выступили «устроители» Февраля 1917 г. по причине того, что российское общество, неудовлетворенное итогами революции, именно от них ждало объяснения многих процессов и явлений. Однако по мере развития дискурса и наполнения его разными значениями к полемике стали подключаться монархисты, чьи работы начали массово публиковаться в 1920-е гг., что позволило внести некоторые изменения в дискуссию. Эти новшества были связаны не столько с появлением в дискурсе новых значений, сколько с тем, что монархисты, рассматривая революционный процесс, одними из первых стали акцентировать внимание на механизмах расшатывания государственного строя страны. Такой подход позволил не только решить проблему виновности в русской революции, но и показать, как действовали ее активные участники, подготавливая почву для принятия революции, и как сформировывалась психология принятия переворота. Всё это усложняло и обогащало исторический дискурс, усиливало вину «устроителей» революции за приближение грозы 1917 г. и ее последствий.

Иллюстрацией к сказанному будет концепция Экли, по мнению которого в период правления Николая II революционное движение в Российской империи было представлено деятельностью двух революционных партий: эсеры и эсдеки. Обе эти организации были тайными, а их руководящие центры располагались за границей, «где издавались партийные органы и агитационная литература»⁷⁰. После революции 1905 года руководители двух революционных организаций «не появлялись» в России «вплоть до Мартовской революции 1917-го года», поэтому и наименьшая их степень вины.

Совсем иначе действовала партия кадетов – «главная представительница “общественности”». Обладая «довольно значительными денежными средствами» для ведения агитации, партия смогла «провести» немало «своих сторонников» в члены Государственной Думы для того, чтобы с ее трибуны «дискредитировать» не только престиж правительства, но и царя. Дума неоднократно посылала правительству запросы «не только по самым ничтожным, но зачастую и по

---

⁷⁰ Экли. Из недавнего прошлого. (Историческая справка) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 158.

определенно вымышленным поводам»⁷¹. Представители Думы обычно были удовлетворены правительственными объяснениями, «чем дело с формальной стороны и исчерпывалось». Однако в сознании населения от этих запросов складывалось определенное впечатление. Партийные газеты, когда помещали отчеты о заседаниях Государственной Думы либо «опускали объяснения» правительства, либо «печатали их с сокращениями, искажавшими их смысл и значение». Зато «нападки на правительство», идущие со стороны «ораторов Думской оппозиции», не только всегда помещались целиком, но и «сопровождались сочувственными комментариями». Таким путем в стране создавалось «впечатление, что правительство в чем-то провинилось и вынуждено извиняться и оправдываться перед раскрывшей его злоупотребления общественностью»⁷².

Содействовали работе кадетов образовавшиеся «в огромном количестве столичные и провинциальные органы периодической печати крайнего направления», а также «переводы иностранных брошюр» социалистического содержания. Всё это сильно действовало на умы политически незрелого русского населения и «приводило его в состояние беспросветной умственной смуты и нравственной и политической анархии». Кроме того, после дарования манифеста 17 октября, по мысли автора, пошла мода на политику. Учитывая создавшееся положение, вожди партии кадетов переименовали свою политическую организацию в партию «Народной свободы», давая на практике возможность «всем и каждому» приобщиться к «“передовой” интеллигенции», совместно занимаясь политикой. «Болезнь кадетизма» стала быстро охватывать «широкие круги населения»: закон не карал людей за принадлежность к партии, а находиться в оппозиции к правительству было не только модным, но и выгодным. Всё это рождало убеждение о необходимости в стране перемен и «сулило неясные миражи личного участия в государственной деятельности, поле для которой

---

⁷¹ Там же. С. 162.

⁷² Там же. С. 162.

должно было открыться после падения существующего строя»⁷³. Таким путем создавалась в обществе атмосфера «полной неудовлетворенности» существующим положением и жажда чего-то нового занимала умы многих.

С предшествующим автором, в частности, был солидарен Ю.М. Одинзгоев, показывающий, что первые искры начавшегося подпольного пожара стали разгораться в правление Александра I, открывшего серию либеральных реформ.

«Мягкий характер» и «горячая любовь к Родине» последнего русского царя из рода Романовых «окрыляли крамольников возможностью осуществления своего преступного замысла – добиться конституционного строя, путем добровольного отказа императора от прав Самодержца...»⁷⁴. Верный «расчет “друзей” России» в 1905 г. привел их «к кормилу правления», сразу же превратив страну в «арену смут, противодинастических выпадов и прямых подготовительных шагов к революции...».

Первая фаза всероссийского бунта, по мнению автора, начавшаяся с 1905 г., была неожиданностью «для большинства российских обывателей», но она не являлась неожиданной для тех, кто был ее «истинным вдохновителем и творцом», а также для «внимательных наблюдателей», следивших за развитием «назревавшего мятежа». Однако «пробная пугачевщина» не обернулась смутой, опрокинув чаяния «развратителей» Отечества: не только «толщи народа» оказались «прямо враждебными бунтовщическому движению», но и «поголовно вся масса кадрового доблестного командного состава» остались в стороне от внутривластных событий начала XX в. Несмотря на это, итогом всех этих деяний явилось одно «ценное завоевание» – Государственная Дума, предоставлявшая «легальную возможность планомерной и открытой работы над подрывом исконных заветов русской государственности»⁷⁵. День ото дня «пропасть» между «народными избранниками» и правительством становилась глубже, а связь царя с народом делалась менее ощутимой, «подтачиваясь в корне гнуснейшими инсинуациями, исходящих из великосветских салонов

---

⁷³ Там же. С. 164.

⁷⁴ Одинзгоев Ю.М. В дни царства Антихриста. Сумерки христианства. Б.м., 1923. С. 93.

⁷⁵ Там же. С. 15.

либеральничавших бездельников, кулуаров Государственной Думы, распolzаясь по станам и весям Земли Русской, делаю свою предательскую, дьявольскую работу...»⁷⁶. Решение различных внутривполитических вопросов постоянно стопорилось все теми же «народными избранниками», которые занимали «враждебную позицию по отношению к министрам». В таком состоянии страна вступила в первую мировую войну.

На основе двух работ можно сделать вывод, что монархисты зафиксировали в историческом дискурсе новые значения: отрицательная роль Государственной думы, сводившаяся к дискредитации общественно-политического строя страны; продуманные действия русской общественности, ставящие цель дискредитировать представителей власти и монархию, как форму правления. Важно отметить тот факт, что «правым» не приходилось изменять форму подачи исторического материала, т.к. многие нарративные модели уже были заложены другими представителями русского зарубежья на этапе зарождения дискурса. Монархистам оставалось только поменять полярность многих значений, например, вместо положительной роли Государственной Думы у либералов, отрицательная роль того же самого учреждения у монархистов.

Однако нельзя сказать, что правые не внесли ничего нового в исторический дискурс. Они смогли показать механизм расшатывания государственных устоев и расширить круг тех слоев населения, которые участвовали в революционном процессе (т.к. слово «общественность», которое часто использовалось правыми, включало в себя не только кадетов, либералов и верхи русского общества, но и всех работников умственного труда, т.е. интеллигенцию). Кроме того, монархисты сфокусировали свое внимание на фигурах русских царей, что было для правых вполне естественно, и этот последний факт также способствовал расширению дискурса.

Как видно из представленных работ, к началу 1920-х гг. уже многие представители русского зарубежья, придерживающиеся, преимущественно, монархических взглядов, упрекали интеллигенцию и русскую общественность в

---

⁷⁶ Там же. С. 16.

том, что во многом именно она была повинна в крушении отечественной государственности. Следовательно, в этот период времени появляются труды, написанные от лица интеллигенции, и показывающие ее роль и место в революционном процессе.

Публикация работ происходила в разных уголках земного шара, фиксируя и формируя те или иные значения. Однако дискурс мог развернуться и внутри одного эмигрантского центра. Это суждение можно подтвердить на примере Берлина. Там, в 1922 г. вышла в свет работа И.Ф. Наживина «У разбитого корыта...»⁷⁷, где автор высказывал ряд упреков, один из которых сводился к тому, что «мы восторженно приветствовали всех тех, кто так или иначе высмеивал, разрушал государство, правительство, нацию... А правительство... - от кого только ни доставалось ему!...»⁷⁸. Кроме того, продолжал Наживин, русская литература, в массе своей, была литературой «обличительной», вследствие чего получалось впечатление, что наше Отечество – «это один сплошной ужас, одно сплошное “темное царство”, в котором единственный “светлый луч” это мы, да еще, пожалуй, сочиненные нами себе на потеху товарищи сознательные рабочие да златовратские мужики»⁷⁹. Вся интеллигенция, по мнению автора, проводила жизнь «в каком-то дьявольском очумении», поскольку отказывалась видеть того, «что было у нас под глазами». В течение долгих лет, признавался И.Ф. Наживин, мы «верили бредням», но «не верили реальности», находясь под воздействием «литературно-общественного гипноза».

Эту своеобразную позицию, отличную от всех предыдущих, можно объяснить тем, что автор попытался выступить против общей тенденции, свойственной большинству эмигрантских работ того времени: отвечая на вопрос, кто виноват в наступлении Февраля 1917 г., авторы всегда стремились снять вину с той группы, к которой они принадлежали, и от лица которой писали. Как раз именно И.Ф. Наживин стал призывать к противоположному: «повод свалить свою

---

⁷⁷ Наживин И.Ф. У разбитого корыта (письмо к русской интеллигенции) // Детинец. Сб. 1. Берлин, 1922. С. 154-195.

⁷⁸ Там же. С. 163.

⁷⁹ Там же. С. 163-164.

вину на голову чужого дяди надо отнять раз навсегда, чтобы мы во всех своих глупостях, ошибках и преступлениях приучались винить себя и в себе искать опору и силы для их исправления»⁸⁰.

Однако, несмотря на открытое признание своих ошибок путем самобичевания, сторонников подобной позиции оказалось не так много. Уже в 1923 г. у В.А. Мякотина можно найти такую мысль, согласно которой Февраль 1917 г. стал «результатом всего внутреннего строя» Российской империи, который не выдержал всей тяжести «жестокой войны». Старый порядок, не желающий идти «ни на какие уступки, ни на какие реформы», вызвал революционный взрыв в 1917 г. «Правящая клика», пользовавшаяся и прикрывающаяся этой властью, смотрела на «громадную страну как на свою вотчину, и ни за что не хотела поступиться своим положением»⁸¹. По этой причине революция воспринималась интеллигенцией «как единственное спасение от разлагающегося режима, заражавшего своим разложением громадную страну»⁸². Эта последняя авторская мысль во многом оправдывала действия и позицию российской интеллигенции накануне 1917 г., которую так сильно критиковал предшествующий автор.

Но в тоже время не все эмигранты в русском зарубежье были столь категоричны в своих суждениях. Срединную позиции в этом вопросе занял П.П. Сувчинский, показавший, что в приближении революции 1917 г. во многом была повинна интеллигенция, но не стоит также упускать из виду тот факт, что определенная степень вины должна быть возложена на правительственную власть, приблизившую своими действиями наступление Февраля 1917 г. Автор, подходя к проблеме философски, полагал, что потеря духовно-культурного лика России проявлялась в народе как помрачение державного сознания всей нации еще задолго до революции. Так, к моменту наступления Первой мировой войны Российская империя не имела «державно-исторического задания и самопонимания» по причине того, что уже со второй половины XIX в.

---

⁸⁰ Там же. С. 177.

⁸¹ Мякотин В.А. На распутьи // На чужой стороне. Берлин, 1923. № 1. С. 199.

⁸² Там же. С. 200.

государственно-консервативная идеология не была способна «возбудить к себе длительного и устойчивого доверия России, как началу и движению национально-культурному, ставящему себе целью самобытное развитие русского религиозно-культурного и государственно-общественного организма»⁸³.

Однако по мысли автора, доля вины за коллапс 1917 г. лежала не только на одной власти, но и отчасти на интеллигенции, отступившей от «понимания державного бытия России», сильно подточив «его былые устои». «Главное зло», обозначившееся на рубеже XIX-XX вв., заключалось не столько «в недостатках строя», сколько в том, «что начиная с верхов, власти обнищали духовно, выродилось и потеряло свой смысл, императивность и даже стиль русское великодержавие»⁸⁴. Именно этот исторический период и был для отечества решающим. Революционные события 1917 г. не были неожиданностью для страны: власть осознавала «неминуемость» революции, борясь с ней, а радикально настроенная часть русского общества «издавна ставила ее себе, как открытую цель».

Таким образом, характерной чертой представленных трех работ было то, что в них при анализе роли интеллигенции в революционном процессе на первый план вышли не столько политические и социально-экономические причины, сколько духовные. Этот факт способствовал обогащению дискурса. Исключением из этого ряда была только позиция В.А. Мякотина, сфокусировавшего свое внимание на политических причинах, поскольку, как раз именно он пытался оправдать действия интеллигенции, приближавшие наступление революции не по дням, а по часам, что, вполне естественно, потребовало вернуться к старым повествовательным моделям.

Важно отметить и тот факт, что в русском зарубежье всё чаще утверждалась мысль, согласно которой легкость принятия Февраля 1917 г. объяснялась тем, что почва для нее подготавливалась годами. В этой связи достаточно вспомнить мысль И.Ф. Наживина, сводившуюся к тому, что общество проводило жизнь «в

---

⁸³ Сувчинский П.П. К преодолению революции // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 40.

⁸⁴ Там же. С. 40.

каком-то дьявольском очумении», принимая на веру всевозможные «бредни», полностью потеряв чувство реальности. К середине 20-х гг. прошлого столетия эта мысль еще не раз подтверждалась представителями русского зарубежья в разных эмигрантских центрах. Для примера можно взять точку зрения А.В. Карташева, который полагал, что революция была психологически всеобщее подготовлена и всеобщее обьидеализирована⁸⁵ не только теми, кто непосредственно ей грезил, «но даже и чуждыми и враждебными ей классами». «Грехи» старого режима были «всеобщее признанными». Революционный путь развития рассматривался «как... неизбежный корректив ко благу государства, даже при Дворе, даже в династии...»⁸⁶.

Еще одна характерная черта дискурса начала 20-х гг. XX столетия заключалась в том, что в этот период времени начинают выходить отдельные работы представителей, придерживающихся более радикальных взглядов. Подобный факт можно объяснить тем, что после завершения гражданской войны в России, определилась политическая конъюнктура в стране. Не смирившись с установлением нового режима на родине, многие левые авторы вынуждены были уехать из России, размышляя в эмиграции над произошедшим, постепенно подключаясь в полемику. Первые работы носили фрагментарный характер, однако они четко обозначили позицию левых авторов. Показательным примером можно считать статью неизвестного эмигранта «Мартовские дни». Александр II, «начав свое царствование смелыми реформами», в скором времени «испугался деяний» своих рук. «Дух тирана... заглушил порывы первых лет» правления императора: «под разными предлогами» результаты преобразований и сами реформы «свелись на нет». Положение крестьян после реформы 1861 года несколько не улучшилось: «наделы были ничтожны, земля плохая, а выкуп за нее баснословный»⁸⁷. Помещики же, напротив, «получив огромный выкуп за свои разорившиеся хозяйства», не ощутили «никакой утраты» от ликвидации

---

⁸⁵ Карташев А.В. Реакция (Post-scriptum к статье Ю.Ф. Семенова) // Вестник Русского Национального Комитета. Париж, 1924. № 8. С. 16.

⁸⁶ Там же. С. 16.

⁸⁷ Мартовские дни // Волна. Берлин, 1924. № 51. С. 7.

крепостного права. Итоги политических преобразований царя оказались неутешительны: «вся “раскрепощенная” страна по-прежнему стонала и задыхалась в тисках кошмара и бесправия»⁸⁸.

Однако дальнейший исторический ход развития страны не сильно изменился: «проходили целые десятки лет», а верховная власть «не предпринимала никаких изменений». Так, земельные наделы «оставались те же самые», несмотря на быстрый темп роста населения; аналогичной была ситуация и в рабочем вопросе – достаточно отметить «низкую заработную плату, длинные рабочие часы и частые кризисы».

Обоснованность наступления русской революции 1917 г. стремился доказать другой автор – Е.А. Сталинский в работе «Пути революции», опубликованной в 1925 г. Согласно его мнению, самодержавие, «опираясь на свою силу», не способно было справиться с постепенно возникающими «проблемами русской жизни». К XIX в. расширение территории Российской империи «дошло до своих естественных границ». Однако прирост населения не прекратился, что создавало проблему для государства: «рост населения опередил рост земли, и началось постепенное сокращение прежнего земельного простора»⁸⁹. Кроме того, Александр II, по мнению Е.А. Сталинского, освободил крестьян не только от барщины, но и от земли, отобрав в пользу помещиков часть земельной площади, которую до того владели крестьяне. Эта земельная площадь была сокращена на 20 %⁹⁰. Уничтожив барщину, верховная власть создала «излишек рабочих рук в деревне», но не дала «поприща для их применения». Налоговая политика последних самодержцев перед революцией 1917 г. и постоянно увеличивающийся прирост населения неизбежно привели «к еще большему ухудшению экономического положения крестьянства». Сложившаяся ситуация привела к тому, что «взвалив на плечи крестьян огромные выкупные платежи и выжимая из них “последнюю копейку” своей варварской финансовой политикой, оно (*самодержавие* — курсив мой — Д.П.) лишило их возможности

---

⁸⁸ Там же. С. 7.

⁸⁹ Сталинский Е.А. Пути революции. Прага: Воля России, 1925. С. 25.

⁹⁰ Там же. С. 78.

улучшить свой хозяйственный инвентарь»⁹¹, вследствие чего земледельческая культура страны «осталась на том же уровне, что и 50 лет тому назад...». Таким образом, решение крестьянского вопроса «выпало на долю революции», а верховная власть создала «самого опасного» врага в лице крестьянства, которое «в течение веков являлось главным фундаментом его господства».

Не лучше обстояло дело и в рабочем вопросе. Экономическое положение пролетариата оставалось «чрезвычайно тяжелым»: плата за труд «была чрезвычайно низка», фабричный надзор «не был правильно организован», рабочие «ничем не были защищены от произвола работодателей...» и т.д. Не пытаясь постепенно разрешить рабочий вопрос, самодержавие, также как и земельный вопрос, превратило его в революционную проблему. В тоже время доведение обеих проблем «до крайней степени обострения, неизбежно приводило к обострению» «чисто политической проблемы».

На основе двух представленных трудов можно сделать вывод, что представители, придерживающиеся радикальных взглядов, при объяснении причин революции 1917 г. переместили центр тяжести с конца XIX-XX вв. исключительно на XIX в., показывая преемственность политической линии русских царей в отношении к населению страны. Помимо этого, основное внимание «левые» авторы уделили положению рабочих и крестьян, что было новым для исторического дискурса, т.к. предшествующие персоны чаще всего фокусировали свое внимание на иных социальных группах. Этот факт можно объяснить тем, что увлеченные идеями социализма, левые авторы невольно вынуждены были рассматривать революционный процесс не столько через взаимодействие власти и общества, сколько через взаимоотношения верховной власти с низшими слоями населения, что обусловило отбор фактографического материала: революционный процесс анализировался через призму социально-экономических и политико-экономических отношений, что было в меньшей степени характерно для других представителей русской эмиграции. Однако, демонстрируя читателям особенность решения верховной властью сложившихся

---

⁹¹ Там же. С. 80.

проблем, авторы, также как и другие члены русского зарубежья, преследовали одну и ту же цель: показать жизнеспособность или необоснованность монархии, как формы правления в стране. Требование смены политического строя Российской империи доказывалось фиксацией различных противоречий, которые показывались на разных уровнях государственного организма страны. В концепции Е.А. Сталинского лучшей иллюстрацией может послужить крестьянский вопрос, разрешить который было невозможно «не нанося самому себе смертельного удара». Решение данного вопроса «путем передачи крестьянству всей помещичьей земли» на деле означало бы «фактическое упразднение» дворянства, т.е. класса, являющегося для монархии социальной опорой, без которой самодержавие «не могло существовать». Монархия, защищая и отстаивая интересы дворянства, «отрезывала себе пути для разрешения крестьянского вопроса». «Столыпинская “реформа” была последней отчаянной попыткой царской власти вырваться из этого тупика, но она заранее была обречена на неудачу, в виду ее явной утопичности»⁹².

Поиск и фиксация в трудах авторов русской эмиграции противоречий, создавшихся в общем ходе развития вектора отечественной истории, был характерен не только для представителей, занимающих левые позиции в русской диаспоре, но и для русских эмигрантов, придерживающихся иных взглядов. Однако эти представители пошли намного дальше, выйдя за рамки привычной повествовательной модели, содержащей в себе фиксацию противоречий.

Всё это не могло не породить еще одну тенденцию дискурса тех лет: выстраивая исторический нарратив таким способом, что революция 1917 г. показывалась в тесной связи с предшествующими событиями, авторы всё чаще начали констатировать создававшееся веками противоречие в отечественной истории, породившее «узловой» момент, от правильного решения которого зависело будущее страны. Схожие мысли высказывались в разных эмигрантских центрах и социально-политических кругах русского зарубежья. «Поворотный пункт» впервые был зафиксирован П.Б. Струве еще в 1919 г. в Ростове-на-Дону,

---

⁹² Там же. С. 96.

когда ученый прочитывал лекцию, посвященную роковым событиям 1917 г., перед собравшимся русским обществом. Впоследствии, текст выступления вышел в печатном виде в Константинополе два года спустя. Автор датировал узловым момент разразившимся в Российской империи кризисом власти в первой половине XVIII в., а точнее тогда, когда на российский престол вступила Анна Иоанновна и ей было предложено подписать кондиции, в которых «заключены были в зародышевом виде... основные здоровые идеи конституционализма»⁹³. Отказавшись править на таких условиях императрица, по мысли Струве, предопределила весь дальнейший ход развития страны. Автор, высоко ставя это событие в отечественной истории, отзывался о нем следующим образом: «...исход этого кризиса определил все наше политическое и социальное развитие на пространстве двух столетий и тем самым дает ключ к пониманию второй великой русской смуты 1917 и следующих годов»⁹⁴.

Как видно из приведенного примера датировка и важность узлового момента исходила из двух причин: во-первых, большую роль в этом играло то, в какой сфере общественных отношений находился поворотный пункт (в данном случае в политической сфере). Эта особенность вытекала из той цели, которую преследовала авторская работа (весь стержень концепции Струве сводился к борьбе между властью и обществом за участие народа в управлении страной). В свою очередь целеполагание зависело как от времени написания труда – по мере развития исторического дискурса корректировалась цель работы – так и от той группы, к которой принадлежал автор – и это можно считать второй причиной.

Последний факт легко подтверждается работами, увидевшими свет после 1921 г. Новый виток дискурса сделал акцент не столько на политической составляющей жизни российского общества, сколько на иных ее аспектах, что привело к перенесению узлового момента на другой период времени. Так, одним из первых в 1922 г. выступил К. Зайцев, анализирующий эту проблему с точки зрения социально-политического развития страны. По мнению автора, когда

---

⁹³ Струве П.Б. Размышления о русской революции: публичная лекция, прочитанная в ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 26.

⁹⁴ Там же. С. 25.

“Севастополь ударил по застоявшимся умам”, то необходимо было решиться на изменение внутривластного курса Российской империи, что и было сделано Александром II. Однако уже с момента освобождения крестьян от крепостной зависимости «современники чувствовали порою на душе какую-то недоуменную тяжесть», поскольку реформа 1861 г. «требовала расширения, продолжения, развития..., требовала постепенного и последовательного уничтожения всех элементов сословности..., она требовала, следовательно, и отказа от всех привилегий основанных на уходящем строе, перехода власти и влияния от прежнего правящего класса в руки всего организованного населения»⁹⁵. На такую программу действий правящий класс не мог решиться. В результате «вся энергия власти» была направлена только на то, чтобы разными способами удержать страну «на том моменте ее развития, на котором она вышла из эпохи великих реформ». Подобная политика привела к тому, что действия власти порождали в обществе недовольство: «эпоха русского... призрачного конституционализма никого не удовлетворила и не успокоила», а только вызвала волну «негодования», принявшую революционный характер. Таким образом, «Старая Россия», не давая «ходу Новой», сама породила революционное движение в стране.

И если предыдущая работа, констатируя создавшееся противоречие в стране, объясняла его нежеланием верхов терять свое господствующее положение, то иные представители русского зарубежья видели причины в другом, находя их в духовной сфере. Так, генерал-лейтенант М.К. Дитерихс утверждал, что корни февральских событий 1917 г. лежали в «глубоких потрясениях духовно-социального характера», приведших к противоречию «между действительностью государственной жизни народа и его идейными стремлениями»⁹⁶. Это выразилось, в частности, в том, что первые цари из Дома Романовых «восприняли... идеологию о самодержавной власти», стараясь передать ее в неприкосновенности от отца к сыну. Но уже с начала XIX в. общественная мысль стала развиваться по двум основным направлениям:

---

⁹⁵ Зайцев К. К познанию революции // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 3. С. 145.

⁹⁶ Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Дар, 2006. С. 474.

«западнофильскому» и «славянофильскому», вследствие чего началось увлечение работами зарубежных мыслителей в ущерб национальным. Поэтому уже к началу XX в. славянофильство «как национально-государственная мысль... заглохла». Всё это привело к тому, что идеи западноевропейской мысли обрушились на «дух русского самодержавия» и на «сокрушение в России династии Романовых».

Солидарен с предшествующим автором был П.П. Сувчинский, который значительно развил не только свои тезисы, но и на свой манер переработал концепцию, высказанную Дитерихсом. Так, по мнению Сувчинского, если в эпоху Петра I установка на Запад давала России действительно новые возможности для реализации ее природной великодержавности, то в последующие царствования этот уклон был только тлетворным, ибо он начал искажать самый стиль и внутренний смысл русского государства⁹⁷. Все царствования российских императоров, начиная от Петра III и заканчивая Николаем I, имели одну характерную черту: государственная европеизация страны при разложении верховной власти, теряющей «свои органические начала», которые стали заменяться «эклектическими идеологиями и теориями». Вместо того чтобы противопоставить «революционной Европе» весь уклад русской жизни, власть стала поощрять «отвлеченную космополитическую доктрину охранения», оттеснившую вглубь народ и превратив его из «живого субъекта государственности в объект своеобразной и нередко корыстной опеки и даже эксплуатации»⁹⁸.

На рубеже XIX-XX вв., в концепции автора, сама жизнь перед правящими кругами и властью поставила «трудную, но не роковую задачу» – разграничение «государственно-религиозной догматики» от сферы «реформ и эволюции», чтобы с пользой для страны умело «сочетать охранение с широкой государственно-социальной работой». Важность этого разграничения властью не была понята. Взамен «второй “эпохи великих реформ”», отчасти наметившейся в реформаторском курсе Столыпина, само правительство вместо поддержки «стало

---

⁹⁷ Сувчинский П.П. Идеи и методы // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 41.

⁹⁸ Там же. С. 42.

на малодушный и неискренний путь полумер и неуверенной «самозащиты»⁹⁹. Таким образом, власть упустила время для «исцеления русской государственности». А сама «государственно-религиозная догматика» не находила нужного отклика в русской нации: «самые священные слова, понятия и принципы», исходящие от власти, становились не более чем «пустыми риторическими формулами», а «сусальная чувствительность» оставляла в обществе одно только «раздражение, неминуемо подрывая устои и авторитет всего государственного целого»¹⁰⁰.

Параллельно с указанными выше тенденциями, по мысли П.П. Сувчинского, шел процесс «обезличивания» и «разложения» правящего слоя «по линии культурной деградации»: заимствование и искусственное приспособление к «культурно-идеологическим началам» стран Западной Европы не имело не только положительного значения, но и смысла «у себя на родине».

Таким образом, представленные три работы продемонстрировали новый подход к пониманию причин революции 1917 г. Его суть сводилась к тому, что авторы не только стали отыскивать и фиксировать создавшийся в стране узловой момент, но и по-своему его интерпретировать. Подобное стало возможно только после того, как в конце 1910-1920-х гг. началась фиксация первых противоречий (достаточно вспомнить работу П.Н. Милюкова «Корни революции»), которые, по мере развития дискурса, переосмысливались, дополнялись, углублялись и превращались в узловой момент. Основное отличие поворотного момента в отечественной истории от причин и противоречий состояло в том, что первый был намного глубже, чем причина, поскольку вмещал в себя совокупность явлений и процессов, накопленных предшествующим ходом развития страны, и сочетающим в себе несколько аспектов, лежавших одновременно в разных плоскостях. Это стало возможным только тогда, когда в русском зарубежье накопился определенный пласт работ, способный зафиксировать, как различные значения, так и показать революционный процесс в исторической перспективе и

---

⁹⁹ Там же. С. 38.

¹⁰⁰ Там же. С. 37.

во всём его многообразии. Новый ракурс способен был дать сразу несколько преимуществ, начиная от констатации новых значений, и заканчивая той ролью, которую сыграли власть и общество в революционном процессе. Фиксация противоречия и его интерпретация позволили в какой-то степени непосредственно перейти к анализу причин коллапса 1917 г, перестав их сводить только к желанию / нежеланию той или иной социальной группы выполнять определенные действия, тем самым отодвинув на второй план проблему виновности в революционном процессе.

Большое количество новых значений, включающих в себя определенную роль правящего сословия в революционном процессе, длительная европеизация страны, поворотный момент и многое другое – всё это послужило толчком для создания объемных трудов и синтетических концепций, сумевших в одной работе переработать, опровергнуть или подкрепить новые смыслы. Как было показано выше, по мере развития дискурса было высказано много упреков в адрес правящего сословия, поэтому у представителей этого класса возникла потребность от своей группы написать труд, в котором была бы четко прописана роль правящей элиты в общем ходе развития страны и ее взгляд на революционный процесс. Для примера можно обратиться к работе князя Д.Н. Святополк-Мирского «Чем объяснить наше прошлое...»¹⁰¹, увидевшей свет в 1926 г.

Своеобразие авторской концепции заключалось, как во времени написания работы, так и от лица той группы, к которой принадлежал автор. Дмитрий Николаевич Святополк-Мирский – потомственный дворянин – и этот факт многое объясняет. Во-первых, в его работе полностью снята вина с высшего сословия за те «грехи», которыми болела Россия, и возложена исключительно на действия верховной власти и интеллигенцию, расшатывающую устои русской государственности. Автор по-своему переработал те смыслы, которые господствовали в русском зарубежье (причина порчи правящего слоя и его роль в революционном процессе, европеизация России и многое другое). Так, автор, не

---

¹⁰¹ Святополк-Мирский Д.Н. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? Париж, 1926.

отрицая разложение верхов, выделял две взаимосвязанные причины этого явления: социально-политическая линия русских царей и «влияние на нашу жизнь западно-европейской культуры через призму нашей культурной отсталости и неподготовленности»¹⁰². В концепции автора сильно извратили вектор развития отечественной истории два царя – Петр I и Александр II. Европеизация Петра I не пошла стране на пользу, поскольку «насильственные» и «неосмысленные» реформы императора по причине «неподготовленности» и «культурной незрелости» верхов не сумели сделать «из высших русских общественных классов европейцев», а только образовали «пропасть» между низшим сословием и культурной элитой. С этого момента, по образному выражению автора, «русские высшие общественные классы очутились в роли то попугая внешних выражений французской жизни, то обезьяны наружных форм немецкой»¹⁰³. Черда заимствований коснулась не только сферы политики, но и духовной жизни: подпав под влияние «западно-европейской либеральной социально-политической идейности», мыслящая часть русского общества восприняла ее «превратно», не поняв «истинного смысла и значения», а с течением времени русский либерализм под влиянием интеллигенции стал принимать революционный характер. Неприятие внутривполитического курса страны, предопределило набор качеств, которыми наделил Д.Н. Святополк-Мирский некоторых, особо ему нелюбимых, русских императоров. Вот, например, какими прилагательными наделил автор Александра II: называя правителя с большой буквы «Царь-Освободитель», Святополк-Мирский в тоже время характеризовал его как «тщеславного и умственно недалекого»; или можно посмотреть, как он отзывался о Николае II: «...Царь, как на беду, типичный неудачник»¹⁰⁴.

Во-вторых, темноту крестьянских масс представитель русского зарубежья опять же склонен был объяснять плохо продуманными действиями власти: к моменту реформы 1861 г. «крестьяне находились на самом низком уровне своего экономического и культурного развития». После освобождения положение

---

¹⁰² Там же. С. 23.

¹⁰³ Там же. С. 31.

¹⁰⁴ Там же. С. 55.

основной массы населения еще больше ухудшилось, т.к. дворяне были «фактически отстранены от прямого своего призвания, от попечительных забот о крестьянах»¹⁰⁵.

В тоже время большой отпечаток на работу наложила определенная стадия развития дискурса. В частности, определение представителем русского зарубежья поворотного момента, который Святополк-Мирскому виделся в реформах царя-Освободителя. Автор намеренно дал читателям характеристику общественно-политической жизни Российской империи накануне перемен, из которой следовало, что страна «представляла... весьма прочно скроенный общественно-политический организм»: крестьяне, «патриархальные и безгранично преданные» царю, «не просили» об освобождении; также были «глубоко преданны» императору дворянство и «подавляющее большинство интеллигенции». Однако «трагизм положения» заключался в том, что Александр II «воспринял и усвоил социально-политическое мировоззрение... русского интеллигента..., привил интеллигентский яд... разложения, всему социально-политическому организму русского народа»¹⁰⁶. Святополк-Мирский не лестно отзывался о политике Царя-Освободителя: реформа 1861 г. носила катастрофический характер, поскольку являла собой «источник всех ныне происходящих смут»¹⁰⁷. Кроме того, ситуацию усугубило то, что царь отказался предоставить дворянству конституцию, которая смогла бы не только удовлетворить мыслящую часть русского общества, но и помогла бы императору создать «надежного союзника» в лице дворян. Действия Александра II, по мысли автора, породили сильное «брожение» в обществе, а неумелые действия власти, тянущиеся до конца правления Николая II, только усилили революционное движение в стране.

Интерес к эпохе великих реформ predetermined наличие в авторских работах проработки новых микротем: роль земств в политической истории страны, положение крестьян до и после реформы 1861г., необходимость или бесполезность для Российской империи конституции, политическая линия

---

¹⁰⁵ Там же. С. 8.

¹⁰⁶ Там же. С. 41.

¹⁰⁷ Там же. С. 39.

русских царей и др. – все эти элементы, способствующие расширению дискурса, а их интерпретация и авторская оценка уже содержались в работе князя Д.Н. Святополк-Мирского, во многом предопределившей дальнейшее развитие дискурса. Однако концепция автора содержала мысль, утверждающую, что ход развития отечественной истории носил «более... “революционный” и менее “эволюционный” характер»¹⁰⁸. Этот тезис подкреплялся той мыслью, согласно которой «самые крупные» исторические события, «начиная от Петра и кончая освобождением крестьян, носят у нас... катастрофический характер». С этим суждением согласились далеко не все, поэтому одной из отличительных черт многих последующих работ будет решение дилеммы, сводившей к тому, какой характер несет в себе вектор развития истории Российской империи в целом.

Параграф 1.2. Проблема обоснованности революции 1917 г. в трудах авторов русской эмиграции второй половины 1920-х – конца 1930-х гг.

К середине 1920-х гг. в русском зарубежье выступили представители, придерживающиеся различных социально-политических взглядов, что позволило с разных сторон показать революционный процесс, путем фиксации разнообразных значений и выбора повествовательных моделей. Рубежным периодом в истории изучения революционного процесса можно считать вторую половину 1920-х гг., т.к. с одной стороны, к этому моменту был накоплен большой пласт исследовательской литературы, что позволило перейти к обобщению и переосмыслению всего накопленного опыта, а с другой стороны, генерализация причин второй русской революции и фиксация новых смыслов дали возможность двинуться дальше в изучении страниц отечественной истории.

Как было сказано выше, благодаря работам авторов, занимающих левые позиции, на историческую сцену вышли самые низшие слои населения Российской империи. Этот факт стал следствием того, что при рассмотрении революционного процесса 1917 г. необходимо было учитывать место и роль всех

---

¹⁰⁸ Там же. С. 6.

жителей страны, а не каждого класса в отдельности. Показательным примером могла служить позиция М.И. Рубежанина, согласно которой Февральская революция 1917 г. для мыслящего русского общества не была неожиданностью, т.к. борьба народа с самодержавием велась на протяжении нескольких веков. Со временем в эту борьбу втягивалось все большее количество населения, занимающее различное социальное положение от высшего класса до самых низов¹⁰⁹.

Это был еще пока только тезис, который со временем будет расширяться и дополняться различными историческими фактами и значениями или, наоборот, опровергаться. Однако еще в 1927 г. не все авторы русского зарубежья были готовы оценивать в своих трудах место и роль всех слоев населения одновременно в революционном процессе 1917 г. Подобная тенденция обозначится позднее, а пока персоны русской эмиграции придерживались старых повествовательных моделей, для которых, например, было характерно показывать значение тех или иных классов в событиях дореволюционной истории. В этой связи нельзя не обратить внимание на творчество Г.П. Федотова.

За десять лет, прошедших с момента свершения роковых событий, на страницах работ авторов русской эмиграции не раз звучали обвинения в адрес русской интеллигенции за расшатывание ею государственных устоев. И вот Г.П.Федотов, под псевдонимом Е. Богданов, опубликовал в парижском журнале Версты объемную статью «Трагедия интеллигенции», в которой показывал ее эволюцию, начиная с конца XVI столетия, когда «были отправлены за границу... 18 молодых людей», и до 1917 г., когда был подведен итог целой эпохи. Несмотря на многие отрицательные качества русской интеллигенции, такие как: «беспочвенность», «идейность», «идеализм» и др., тем не менее, автор далек от вынесения приговора этой группе людей накануне Февраля 1917 г. Этот вывод отчетливо не прописан в работе Федотова, но он вытекал из ряда положений статьи.

---

¹⁰⁹ Рубежанин М.И. Итоги русской революции (К 10-летию октябрьского переворота – 25 октября 1917 г. – 25 октября 1927 г.) // Пробуждение. Детройт, 1927. № 4. С. 1.

Во-первых, «интеллигенция принадлежит к тем социальным образованиям, для которых успех губителен; они до конца и без остатка растворяются в совершенном деле»¹¹⁰. «Победы революции», под которыми автор подразумевал три «даты», – 1 марта 1881 г., 17 октября 1905 г. и 25 октября 1917 г., – «наносят» этому слою «тяжкие раны» и являются для интеллигенции «смертельными».

Во-вторых, революция 1905-1907 гг. была, по большей части, «народным... взрывом». После «разгрома» Столыпиным «революционной армии» интеллигенция погрузилась в «глубокую деморализацию». Помимо этого, после издания манифеста 17 октября 1905 г. изменились политические реалии: «старый режим треснул, но вместе с ним и интегральная идея освобождения», которой были увлечены многие поколения русской интеллигенции. Созданная в момент революционных событий XX в. «Государственная Дума пародировала парламентаризм и отбивала (*у интеллигенции* – курсив мой – Д.П.), морально и эстетически, вкус к политике»¹¹¹. Продолжая следовать за мыслью автора, можно отметить, что за период между первой русской революцией и началом первой мировой войны интеллигенция растаяла почти бесследно. Ее кумиры, ее журналы были отодвинуты в самый задний угол литературы и отданы на всеобщее посмешище¹¹².

И, наконец, в-третьих, в конце XIX в. появился новый тип людей, представляющий собой истинных «профессионалов революции», которые «путем радикального упрощения своего интеллигентского сознания, сливались с верхушкой “сознательных пролетариев”, образуя не новую интеллигенцию, а кадры революционных деятелей»¹¹³. Так, для социал-демократов революция уже не являлась больше «жертвоприношением», как для интеллигенции, а «была уже делом», поскольку «природа большевизма» полностью «противоположна русской интеллигенции: большевизм есть преодоление интеллигенции на путях

---

¹¹⁰ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Лицо России: статьи 1918-1930. Париж, 1988. С. 109.

¹¹¹ Там же. С. 114.

¹¹² Там же. С. 115.

¹¹³ Там же. С. 112.

революции»¹¹⁴. Таким образом, Г.П. Федотов полностью снимал активное политическое участие интеллигенции в исторических событиях накануне Февраля 1917 г., подтверждая свою позицию разнообразными суждениями, относящимися к различным сферам жизни российского общества.

Наиболее крупной работой, вышедшей в 1927 г. и обобщившей опыт предшествующих лет, была монография П.Н. Милюкова «Россия на переломе». Автор, работая как профессиональный ученый-историк, стремился сначала рассмотреть революционный процесс с теоретических позиций. Для этого он вывел исторический закон, согласно которому «революции становятся неизбежны, когда имеется на лицо несколько условий, совпадающих во времени»¹¹⁵. Под этими «условиями» лидер партии кадетов подразумевал этап в историческом развитии страны, когда государству необходимо провести крупную реформу (например, «ограничение самодержавия или передача земли крестьянам»), и при этом власть всячески отказывается разрешить проблему мирным путем. Еще одно требование для начала революции сводится к неспособности власти «принудительно действовать» «в силу внутренней смуты» или военных поражений. И, наконец, последнее «условие» заключается в презрении общества к власти.

Эта теория, применительно к российской действительности тех лет, подтверждалась рядом значений, циркулировавших в историческом дискурсе русского зарубежья. Так, основной причиной, вызвавшей коллапс 1917 г., по мнению автора, явилось не столько «затруднительное экономическое положение», сколько «неспособность верховной власти и ее советников понять необходимость обновления политического и социального строя»¹¹⁶. Таким образом, П.Н. Милюков сразу же на первое место выдвигал политический аспект изучаемого явления, следовательно, все остальные автоматически становились производными от него.

---

¹¹⁴ Там же. С. 116.

¹¹⁵ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 1.

¹¹⁶ Там же. С. 2.

В предшествующем параграфе было показано, что представители русской эмиграции не раз фиксировали в отечественной истории сложившееся противоречие, от правильного решения которого, по мнению авторов, зависела дальнейшая история страны. Подобный диссонанс П.Н. Миллюков видел в том, что самодержавие давно не соответствовало раскладу общественно-политических сил в стране: верховная власть еще за сто лет до революции 1905 г. уже «перешла к системе самозащиты, тормозившей внутреннее развитие страны и вызывавшей чувства недовольства и раздражения, распространявшиеся на все более и более широкие социальные круги»¹¹⁷. Помимо этого, на протяжении длительного периода отечественной истории организация русской общественности насаждалась государством сверху. Это было связано не только с тем, что рост русской общественности значительно отставал от темпа роста российской государственности, но и с тем, что размеры территории государства, постоянно расширяющегося, отставали от экономического развития страны. Из этого вытекало как использование государством силы и введением сверху существенных перемен, так и анархическую природу крестьянского населения и уверенности правительства в пассивном повиновении масс.

Все эти противоречия обострились в момент правления последнего русского царя из рода Романовых, который усилил разлад между властью и обществом. Авторскую позицию П.Н. Миллюков подкреплял рядом фактов и значений. Во-первых, несмотря на то, что Николай II в период революции 1905-1907 гг. частично ограничил самодержавие, тем не менее «признаться в этом царь никогда не хотел», что явилось следствием расширения пропасти сначала «между царем и образованным русским обществом», а позднее – «между царем и народом».

Во-вторых, историк негативно характеризовал взаимоотношения правительства с Государственной думой, называя сложившуюся политическую систему с 1907 по 1917 гг. периодом «лжеконституционализма»: законодательные права Государственной думы были сильно ограничены, а «правительство не

---

¹¹⁷ Там же. С. 2.

обязано было отвечать на запросы и вопросы думы раньше истечения месяца, в течение которого значительная часть этих запросов теряла всякий актуальный интерес»¹¹⁸. Тем не менее, Государственная Дума являла «единственное место» в стране, откуда «раздавалась свободная нецензурованная речь и где громко разоблачались темные стороны режима»¹¹⁹. Выступив в роли «аккумулятора общественного недовольства», Государственная дума, не создав «новой революции», «значительно усилила» ее приближение.

Таким образом, концепция П.Н. Милюкова носила синтетический характер. С одной стороны, историку была близка старая повествовательная модель – подача исторических событий в динамике через призму борьбы между властью и обществом. Кроме того, труд автора был богат старыми значениями, уже устоявшимися в русском зарубежье у определенных социально-политических групп: отрицательное отношение к правлению Николая II; разлад между властью и обществом, носивший исключительно политический характер; высокая роль Государственной думы, приблизившей Февраль 1917 г. С другой стороны, наряду со старыми значениями в монографии автора прослеживались новые тенденции, в частности, тезис, согласно которому все сословия были настроены враждебно по отношению к носителю власти, при чем этот антагонизм складывался постепенно по мере изменения внутривластной обстановки в стране и развития революционного процесса. Тем не менее, нельзя сказать, что работа «Россия на переломе», написанная в 1927 г., была в точности такой, как труд «История второй русской революции», опубликованный на 6 лет раньше. В монографии «Россия на переломе...» автором была предпринята попытка соединить не только все прежние значения, но и посмотреть на причины второй русской революции с разных сторон: здесь и выведение общего исторического закона, свойственного, по мнению автора, всем революциям; здесь и фиксация противоречий, нашедших отражение в слабости того или иного «сцепления»; здесь и критика действий верховной власти. Всё это подводило базис под обоснованность русской

---

¹¹⁸ Там же. С. 9.

¹¹⁹ Там же. С. 10.

революции и доказывало, что коллапс 1917 г. не был случайным явлением, а носил закономерный характер.

Попытка соединения в одной концепции всех накопленных значений и повествовательных моделей, господствующих в историческом дискурсе на момент начала 1930-х гг., принадлежала М.В. Вишняку. В его труде можно встретить, как обозначение поворотного момента, так и формулировку «закона», посредством которого можно было бы объяснить русскую действительность: автор рассматривал историю дореволюционной России через призму падения «русского абсолютизма», отражающего «непреложность законов человеческого общежития». М.В. Вишняк отталкивался от того положения, что абсолютизм не терпит даже незначительных коррективов, т.к. «он — абсолютен». Любые преобразования губительны для него. Поэтому переломным моментом, определившим всё дальнейшее развитие отечественной истории, была эпоха великих реформ Александра II. Уже тогда «обозначилось резкое несоответствие» между насущными потребностями нации и политическим строем страны. Эпоха правления царя-освободителя завязала много узлов, разрубить которые можно было, проводя «последовательное развитие начатых преобразований», ликвидируя последствия «николаевской эпохи». Вместо этого «произошло другое, для абсолютизма обычное»: преемники Александра II «сколько могли, стопорили освободительное движение: как умели, “подмораживали” Россию, завинчивали тормоза...»¹²⁰, но катастрофу предотвратить не сумели, а еще больше «усугубили» взрыв.

На основе проанализированных трудов можно заключить, что выведение закона, через который объяснялась российская действительность, и накопленные всем ходом развития отечественной истории противоречия были неразрывно связаны в представленных кадетских и эсеровских концепциях. Однако такой подход в историческом дискурсе не нашел своих последователей: склонность к теоретическим рассуждениям была свойственна П.Н. Милюкову, скорее всего, потому что лидер партии кадетов, работая как историк, был подвержен влиянию

---

¹²⁰ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные Записки, 1931. С. 13.

позитивизма, характерной чертой которого было отыскание законов; в то время как М.В. Вишняк, постулируя свою теорию, придерживался левых взглядов, не чуждых влиянию различных теоретико-философских построений. Между тем была сохранена другая черта дискурса – рассмотрение предреволюционных событий в тесной связи с правлением Александра II, поскольку в русской эмигрантской среде благодаря работам, как правого крыла, так и левого, закрепилось значение, согласно которому поворотный момент многим виделся в эпохи великих реформ.

Побороть сложившуюся традицию в дискурсе русского зарубежья попытался С.П. Мельгунов в работе «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года»¹²¹, опубликованной в 1931 г. Проанализировав события, предшествовавшие Февралю 1917 г., и изучив огромный пласт исследовательской литературы по теме, автор пришел к заключению, согласно которому «все... тонкости человеческого ума, игра мысли и воображения не объяснят нам ни хода февральской революции, ни причин ее происхождения»¹²². Таким образом, С.П. Мельгунов выступил против объяснения причин коллапса 1917 г. не только через определение поворотного момента в отечественной истории и выдвижение различных теоретических построений, но и через отыскание «корней» революции 1917 г. в общем ходе развития страны.

Эта мысль заставила представителей русского зарубежья пересмотреть подходы к изучению причин взрыва 1917 г. Например, некоторые представители русской эмиграции попытались уйти от традиционной модели повествования. В частности, Г.П. Федотов в начале 30-х гг. XX столетия предпринял попытку рассмотреть дореволюционные события не через призму политической истории, а через социальную структуру российского общества во всей её совокупности, поскольку, по мнению автора, линия социальная «прямее всего приводит к революции».

В концепции Г.П. Федотова на протяжении веков две силы (активная и

---

¹²¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2007.

¹²² Там же. С. 251.

пассивная) строили Российскую империю – «выносливость и верность народных масс» и «государственное сознание дворянства». С момента европеизации страны обе силы разошлись: «дворянство видело в народе дикаря», народ в дворянстве – «вероотступников и полунемцев». Вера в царя – «религиозная для одних, национальная для других» – была «единственной скрепой нации». Между тем в XIX в. постепенно начинался кризис дворянства, проявивший себя в различных аспектах. Еще в начале XIX в. сама монархия отодвинула помещичий класс «от участия во власти», поэтому, в социально-политическом плане, уже с XIX в. «дворянство начинает становиться поставщиком лишних людей»¹²³. И первые из них – декабристы, не сумевшие найти себе места в стране. К тому же, после освобождения крестьян в 1861 г., быстрая ликвидация помещичьего землевладения являлась свидетельством малой жизнеспособности дворянского хозяйства, вследствие чего «дворянин, переставший быть политической силой, не делается и силой хозяйственной»¹²⁴. Разрушение высшего класса наблюдалось и в культурном плане: «продвижение разночинцев» привело к порче языка, гибели философии и разрушению эстетики. Между тем, в «смерти дворянства», по мнению автора, нет ничего удивительного, однако проблема заключалась в том, что помещичий класс не нашел себе преемника: «его культурное знамя подхватили разночинцы, его государственной службы передать было не кому»¹²⁵ – в этом и состояла трагедия страны. Единственно-реальные силы, находившиеся около дворянства, были бюрократия, армия и интеллигенция, но в них также, как и в дворянстве, но в разной степени, наблюдалось разложение.

Тем не менее, базисом для империи, на протяжении почти всего ее существования было не столько дворянство, сколько народ. Но в отношениях между властью и народом существовал ряд противоречий, коренившихся в историческом ходе Российской империи. Крестьянство, настроенное религиозно и консервативно, не было благонадежно социально: крестьянские бунты постоянно сотрясали империю. Помимо этого, народ русский никогда не принимал

---

¹²³ Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. С. 17.

¹²⁴ Там же. С. 17.

¹²⁵ Там же. С. 18.

крепостного права, всегда храня убеждение в праве на помещичью землю. Реформа 1861 г. была воспринята крестьянством «как тяжелая несправедливость», что создало прецедент для черного передела. С отменой крепостного права начинался процесс разложения духовных основ, «на которых держалась старая мужицкая верность». «Комплекс благоговейных чувств» мужика к императорской власти «рассыпался», оставляя «практический материализм и последовательное недоверие». Не удивительно, что уже к началу XX в. русский мужик «впервые становится восприимчив к революционной пропаганде»¹²⁶, где посредничество между народом и интеллигенцией «достается рабочему». К моменту наступления первой русской революции союз крестьянства, пролетариата и интеллигенции окончательно сформировался. Тогда же, по мысли автора, была дана и схема будущей революции, включающая идею советов.

Таким образом, в работе Г.П. Федотова «И есть и будет...» шла постоянная констатация различных противоречий, накопленных всем ходом развития страны. Фиксация дисгармонии, показанной через социально-историческую линию развития вектора отечественной истории, – вот тот прием, который использовал автор при объяснении причин коллапса 1917 г. Однако этот подход не нашел своих последователей, поскольку новизна дискурса этого этапа проявилась в другом.

В 30-е гг. прошлого столетия в историческом дискурсе русского зарубежья обозначились новые тенденции, захватившие практически всех представителей русской эмиграции. С одной стороны, наметился отход от теории, как одного из способов объяснения причин революции 1917 г., а с другой стороны, прежние модели повествования остались. Однако компоновка исторического материала внутри самой модели и подача его читателям сильно изменились, что значительно способствовало расширению дискурса.

Модификация дискурса одновременно шла по нескольким направлениям. Одно из них сводилось к тому, что персоны русского зарубежья, рассматривая события предшествующие революции, максимально стремились показать в

---

¹²⁶ Там же. С. 45.

разной степени преемственность трех составляющих вектора развития отечественной истории – действий правящих монархов или определенного класса и многообразных процессов, – которые подготовили почву для возникновения революции. Это суждение легко подтверждается рядом работ представителей, принадлежащих к самым пестрым политическим и социальным группам.

Так, для большинства авторов, придерживающихся левых позиций в русском зарубежье, было характерно показывать неумелые действия царей, которые и привели к надлому всего организма страны. Например, в 1931 г. Г.П. Федотов, рассматривая кратко политическую историю Российской империи, подмечал первый признак государственного упадка еще в конце XVIII столетия в «политической атонии дворянства», когда произошло крушение дворянских конституционных мечтаний. Начиная с 60-х гг. XIX в. страна вступила в последнюю стадию разрушения: либеральный курс Александра II не сумел перестроить государства «на новых началах», а выведя «Россию из равновесия», он только способствовал разброду в умах и надлому всего бюрократического строя. Политика царя-миротворца также, по мысли автора, не была полезна для страны: «гниение» империи «под пышной порфирой» Александра III максимально уменьшало все шансы «на мирный исход кризиса».

Ошибочные действия российских императоров наиболее подробно были показаны В.М. Эйхенбаумом (Волин) 1940 г. Свое повествование автор начинал с характеристики внутривластного курса Николая I, который, взошед на престол, сразу взял страну «в железные тиски», пытаясь загубить еще «в зародыше» «любые проявления свободомыслия», тем самым подавляя на корню «живые силы общества». Различного рода произвол верховной власти – «полицейский», «бюрократический», «судебный» – «переходил все границы». Все это неминуемо вело к тому, что «прочный на вид режим кнута загнивал изнутри»¹²⁷.

Его сын вынужден был взять «решительный курс на реформы», которые «несмотря на всю свою значимость...оставались весьма робкими» и не отвечали

---

¹²⁷ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М.: Праксис, 2005. С. 23.

полностью «чаянием передовых слоев населения и подлинным материальным и духовным потребностям страны»¹²⁸. Подобная характеристика реформ Александра II, данная В.М. Волиным, объясняется тем, что, по мнению автора, необходимо было их «дополнить предоставлением гражданских прав и свобод», а в этой области никаких подвижек «не произошло» – только «немного ослабла цензура». Император, проводя в жизнь реформы, «уступал как можно меньше», поэтому «недостатки преобразований» стали видны уже в 70-х гг. XIX в., когда начали создаваться революционные «подпольные группы, боровшиеся с ненавистным режимом». Результатом их деятельности явилось убийство Александра II 1 марта 1881 г.

«Напуганный участием своего отца», Александр III «встал на путь крайней реакции». Политический курс нового императора полностью «искажил дух реформ», практически «сведя на нет их результаты», т.к. царь полагал, что «корень зла» заложен «в самом факте реформ», «несвоевременных и опасных» для развития страны. Между тем с весны 1905 г. «общее положение царизма становилось все более шатким». Тому причиной было «сокрушительное поражение» Российской империи в русско-японской войне. Всю вину за поражение «общественное мнение» страны возложило «на бездарность властей и прогневивший режим». Помимо этого, общее положение вещей усугубляло то, что в период между двумя революциями в психологии народных масс произошли «глубинные изменения»: «все более широкие слои населения переходили в оппозицию к царизму»¹²⁹. Не только внутренняя политика самодержца, но и «образ жизни императорского двора», обладающий «всеми историческими чертами, характерными для кануна падения монархий», способствовали развитию пропасти между правящими кругами и народом. «Вульгарный мистицизм» двора, «бездарность и равнодушие» царя, «слабоумие и продажность» бюрократии – все это еще больше повышало градус антиправительственных настроений. Таким

---

¹²⁸ Там же. С. 31.

¹²⁹ Там же. С. 85.

образом, «революционный процесс», не проявляющий себя открыто в народных выступлениях, «неуклонно продолжался» в «умах людей».

Таким образом, в концепциях левых авторов была показана преемственность неумелых действий российских императоров, способствовавших разрыву между властью и обществом, что и стало основной причиной революции 1917 г.

Противоположную позицию заняли монархисты. Для примера можно взять объемный труд С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II», увидевшего свет в начале Второй мировой войны. Преемственность внутриполитической линии русских монархов показывалась следующим образом. В концепции историка после эпохи великих реформ, значительно преобразовавшей общественно-политический организм страны, Российской империи нужна была «передышка», чтобы «освоить, “переварить”, произошедшие сдвиги». Александр III «повел... государственный корабль иным курсом», нежели его отец, внося в реформы Александра II только «те поправки», которые царь-мироходец считал нужными для сохранения «внутреннего равновесия России». Тем не менее, именно в этот период времени «были завязаны многие узлы», разрубить которые выпало на долю Николая II.

Восшествие на престол нового императора рождало в обществе смутные надежды на перемены во внутриполитическом курсе. Однако речь государя, произнесенная им 17 января 1895 г. к земским депутациям, свидетельствовало о том, что Николай II «не намерен отступать от пути своего отца». По мнению автора, менять политический строй в стране не было надобности: «царская власть» к концу XIX столетия получила в наследство «послушный и стройно организованный государственный аппарат, прилаженный к многообразным потребностям Российской Империи»¹³⁰, создававшийся веками и достигший «высокого совершенства». В тоже время, новый император, придерживаясь консервативных идей, никогда не отказывался «от тех преобразований», которые считал «целесообразными или необходимыми» в данный момент государственной

---

¹³⁰ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 132.

жизни. Не порывая окончательно с реформами, начатыми его отцом, Николай II стремился завершить преобразования, введенные Александром II, например, судебные уставы 1864 г. стали распространяться в Архангельской губернии и Сибири в 1896 г. Таким образом, государь «продолжал достройку и ремонт здания Российской империи»¹³¹.

На основе представленных работ можно заключить, что пытаясь показать преемственность политического курса русских царей, который был либо злом, либо благом для народа, авторы рассматривали этот процесс через призму борьбы власти и общества. Доказательной базой здесь выступали одни и те же факты, которые интерпретировались по-разному. Такая подача материала читателям была тем связующим звеном, позволяющим объединить особ разных взглядов. Например, как было показано выше, представители русского зарубежья не могли не обойти вниманием эпоху правления Александра II. Взаимоотношения между властью и обществом в этот отрезок времени было лучше всего показать через земскую реформу, которая в 30-х гг. XX столетия притягивала к себе внимание многих авторов. Так, по мысли Г.П. Федотова, в земствах еще сохранялись «положительные, созидательные способности новых людей», но государство, отведя им «тесно ограниченный удел» и оттолкнув от себя, сумело вырастить только «земцев-бесгосударственников» местного масштаба, «слепых к мировым задачам».

В тот же период времени, но уже совсем иначе оценивал результаты земской реформы монархист В.И. Назанский. По мнению автора, земства, созданные при Александре II, должны были помочь верховной власти справиться с революционными элементами, но «под влиянием Петрункевичей» и «радикального меньшинства» стали «врагами этой власти». Поначалу работа земств давала положительный результат: «накоплялись уменье, навыки, деловое понимание местных нужд»¹³², при этом классового антагонизма земство никогда не знало. Со временем старые работники земств сменялись новыми, более

---

¹³¹ Там же. С. 135.

¹³² Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930. С. 279.

молодыми, «более образованными, но и более оторванными от народа» людьми. Увлеченные идеями либерализма, молодые кадры с земских трибун произносили речи, носившие весьма отдаленный характер от экономических нужд своей местности, и «развивавшие идеологические, социологические и политические тезисы». «Политиканство земских радикалов» привело к «торжеству именно антиземской – классовой революции, раздувшей классовую ненависть, уничтожившей общественную солидарность».

Таким образом, оба автора, придерживающихся разных взглядов, положительно оценивали саму идею создания земств в стране. Однако, по мере развития вектора отечественной истории, отношение к земской реформе изменилось: оба представителя русского зарубежья разочаровались в ней. Тем не менее, причину неудачи работы земств в Российской империи персоны русской эмиграции видели, во многом отталкиваясь от своих идейно-политических воззрений: либо в действиях власти (левые), либо в поступках общественности (правые).

Если обратиться ко времени правления последнего императора из рода Романовых, то в центре внимания авторов окажутся другие микротемы: взаимоотношение между властью и обществом в разгар русско-японской войны и революции 1905-1907 гг., итогом которых стало учреждение Государственной думы. Так, по мысли анархиста В.М. Волина, «сокрушительное поражение» Российской империи в войне с Японией привело к тому, что власть монарха становилось все труднее удержать. «Общественное мнение» видело причину неудач в прогнившем режиме. Автор констатировал, что не только рабочие массы, но и все слои общества были охвачены гневом и возмущением, и настроения эти с каждым днем увеличивались¹³³. Растерявшееся правительство «пошло на уступки» и Николай II 17 октября 1905 г. издал манифест. Одним из итогов документа стало учреждение Государственной думы.

В концепции В.М. Волина созыв первой Государственной думы «сопровождался подъемом народного энтузиазма». Однако между

---

¹³³ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М.: Праксис, 2005. С. 71.

правительством и российским парламентом с первых дней работы «возникла... глухая, а затем все более откровенная враждебность»¹³⁴. В этом конфликте «народ» принял «сторону Думы». По мысли автора, несмотря на все правительственные махинации, она оказалась открыто оппозиционной¹³⁵, следовательно, дума вскоре была распущена. Вторую Государственную думу «постигла» та же участь. Причиной тому, по мнению В.М. Волина, было то, что правительство, открыв Думу, не мыслило ее учреждением, «призванным выступить против абсолютизма», а рассматривало Государственную Думу только в качестве «вспомогательного, чисто консультативного» института. На деле все вышло совсем иначе, а постоянный роспуск думы привел к тому, что «народ потерял всякий интерес к деятельности – или, точнее, бездеятельности – Думы...»¹³⁶.

Другую позицию занял монархист В.И. Назанский. По его мнению, затянувшаяся русско-японская война и слабость верховной власти были использованы «мятежной общественностью» в своих целях: их выступления «поддержанные... либеральной прессой», изрядно «расшатывали... устой государства». Вынужденное создание законодательной (Виттевской) Государственной думы стало «опасным залогом дальнейших революционных успехов», так как «враги государства» начали вести «постоянную осаду правительства». Таким образом, кафедра Государственной думы явилась «всероссийским рупором революционных устремлений».

Однако правые не были едины в своих воззрениях: немало было тех персон русского зарубежья, которым события того времени представлялись в ином свете. Показательным примером будет являться позиция С.С. Ольденбурга. По его мнению, осложнение внешнеполитической ситуации, связанной с русско-японской войной, накалило обстановку внутри страны: рост пропаганды значительно усилился с предшествующими годами; все чаще стали высказываться мысли о народном представительстве. Все это потребовало от Николая II

---

¹³⁴ Там же. С. 83.

¹³⁵ Там же. С. 83.

¹³⁶ Там же. С. 84.

внесения корректив в государственный организм Российской империи: манифест 17 октября 1905 г. и созыв Государственной думы тому пример. Исходя из мыслей автора, Николай II полагал, что неограниченное самодержавие намного совершеннее и выше любой другой формы правления. Но «оппозиция земств», а также «медлительность государственного аппарата» в течение всего периода ведения русско-японской войны воочию показала государю нехватку «идейно преданных строю образованных людей», поэтому император вынужден был пойти по пути реформ. Манифесты 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г. завершили до конца «великое дело преобразования» — в стране утвердилась «Думская Монархия». Более того, не была нарушена «преемственная связь учреждений»: Николай II сохранял по-прежнему всю полноту исполнительной власти, однако в других сферах государственной жизни — финансовой и законодательной — «народное представительство имело весьма ощутительное влияние»¹³⁷. Таким образом, делал вывод историк, манифестом 3 июня 1907 г. была побеждена не только революция, но и стала распадаться «былая коалиция оппозиционных сил».

Несмотря на то, что линия борьбы между властью и обществом была основной в дискурсе русского зарубежья при изучении революционного процесса 1917 г., тем не менее, она не была единственной. Порой акценты могли быть расставлены иначе: на фоне борьбы между властью и обществом в центре повествования оказывался какой-нибудь процесс, который и становился главной причиной Февраля 1917 г., а конфликт между монархом и подданными делался производным от этого процесса. Эта мысль легко подтверждается следующими примерами.

Еще в 20-х гг. прошлого столетия представители русской эмиграции начали разработку темы европеизации Российской империи, которая становилась одной из причин взрыва 1917 г. В последующее десятилетие подобная позиция по-прежнему находила своих сторонников. Так, в 1930 г. В.И. Назанский утверждал, что «полуинтеллигентскую оппозицию» не интересовало «благоденствие населения»; она стремилась обрести «лишь способы, приемы и формы

---

¹³⁷ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 390.

управления, без всякого отношения к реально достигаемым результатам»¹³⁸. Своими речами интеллигенция подрывала сакральный характер власти, так как считала русского самодержца только внешним носителем верховой власти, главой государства, а не «символом особого мировоззрения», близкого всем от «простолюдина» до помещика. Поэтому защищая и охраняя идею Царя, «тем самым защищается весь самобытный строй русской жизни», на котором и «основывается Русское Самодержавие»¹³⁹. Однако в тот период времени монография автора предельно кратко отвечала на вопрос, почему российская интеллигенция стремилась изо всех сил подорвать «сакральный характер» царской власти на протяжении длительного времени? Ответ сводился больше к констатации факта, чем к его объяснению: «к 1900-м годам этою психическою заразой (*революционными идеями* – курсив мой Д.П.) уже охвачены были многие представители торгово-промышленного сословия, особенно в столицах, а через земский “третий элемент” – та же зараза еще шире распространяется в средних классах, начиная от чиновничества до рядового “обывателя” в глухой провинции»¹⁴⁰. Поэтому в 1930-е годы и далее ответ на поставленный вопрос как бы невольно оказался в центре внимания последующих авторов. Варианты давались самые разные, но обязательно при ответе на него показывался процесс.

Например, монархист П.П. Петров, как бы отвечая на поставленный выше вопрос, продолжая развивать некоторые мысли В.И. Назанского, сделал акцент на духовном кризисе русского общества. По мнению П.П. Петрова, когда на престол в 1613 г. взошел Михаил Федорович Романов, самодержавная монархия была не просто «формулой гражданского устройства», а выражала идею единения «Веры, Царя и Народа», которую народ должен был свято хранить на протяжении последующих веков. Но понимание этой ценности не было осознано и «история пошла не так». С одной стороны, раскол в Русской православной церкви в середине XVII в. поделил «народ на две половины», а с другой – прекращение

---

¹³⁸ Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930. С. 257.

¹³⁹ Там же. С. 185.

¹⁴⁰ Там же. С. 378.

созыва Земского Собора привело к тому, что управление страной полностью перешло «в руки бюрократии».

Следующее столетие открыло для Российской империи окно в Европу, из которого «к нам вторглись разврат и искушения в виде поверхностной культуры, “просветительной”, вольнодумной философии и т. д.»¹⁴¹, и как следствие этого, наша цивилизация стала «подражать Западу во всем». Политика Петра Великого привела к падению одного из устоев государственной жизни – Православной Церкви, – авторитет и влияние на государство которой, резко снизился. В начале XIX столетия происходит «отрыв верхних слоев народа от своей почвы» под воздействием западной философии и идей Французской революции, что привело к «усилению безразличия к религии и преклонение перед западными формами государственной жизни, перед западными учениями о демократии»¹⁴². С этого момента «начинается самооплевывание, нездоровая критика всего своего, бегство за границу». Тогда же в общественно-политической жизни страны стали появляться либеральные и «социалистически-революционные» течения, пришедшие с Запада, высказывающиеся за изменение государственного строя России. «Зараженная» идеями Запада, русская «интеллигенция начинает активную борьбу за власть с Самодержавным Царем во имя торжества народоправства, а народ наш на 80% неграмотный перед революцией, и понятия не имел о западных теориях»¹⁴³.

Таким образом, «духовное заболевание», проявившееся в критике власти и политической линии кадетской партии, стало причиной того, что к началу XX столетия сформировался «гражданский взгляд на Монархическую государственность» и личность Монарха потеряла сакральный смысл и превратилась в простого «гражданского правителя, вроде управляющего по контракту», которого можно при желании общественности легко сместить. Следовательно, произошла потеря «ценности установления» и на Монарха

---

¹⁴¹ Петров П.П. Крушение императорской России: 20 лет спустя о Февральской революции. Харбин: Книгоиздательство М.В. Зайцева, 1938. С. 16.

¹⁴² Там же. С. 17.

¹⁴³ Там же. С. 17.

перестали смотреть как на Помазанника Божия. В добавлении к этому следует отметить, что на протяжении всего XIX и начала XX вв. «равнодушные к религии, потеря сознания ценности своего мира, чувства ответственности за сохранение своих основ государственности... начинали постепенно отравлять основной, срединный слой народа и просачиваться в низы, где бунтарские элементы, вольница, воспринимали его по-своему, как поощрение к безнаказанным бесчинствам и преступлениям против власти»¹⁴⁴. С такими настроениями и взглядами российское общество оказалось на пороге Первой мировой войны.

Негативное влияние Запада на Россию было не единственной причиной, побудившей в начале XX в. определенную часть общества перестроить государственный организм страны на новых началах. Оригинальную концепцию в решении проблемы причин Февраля 1917 г. в русском зарубежье предложил И.А. Ильин. Взяв за основу тезис, гласящий, что «правосознание составляет реальную и священную основу общественного бытия и государства»¹⁴⁵, автор с этих позиций рассматривал историю Западного мира в целом и России в частности. По его мнению, в постепенном процессе секуляризации культуры, длившимся несколько веков, «культура "освобождалась" от опеки духовенства и становилась светскою»¹⁴⁶, что со временем привело к обособлению не только духовной части культуры, но и правосознания от «христианской церкви». Уже «со времен Макиавелли» правосознание начало базироваться на светских началах и стало приобретать «иррелигиозный» характер, вследствие чего «весь внутренний правовой опыт человека начал постепенно мельчать и искажаться»¹⁴⁷. По мысли И.А. Ильина, новое правосознание, сделавшись иррелигиозным, начало устранять «религиозный дух» из «правовой и политической жизни». Таким образом, человечество в течение последних нескольких столетий «пережило великий иррациональный кризис, который захватил подсознательные корни веры,

---

¹⁴⁴ Там же. С. 18-19.

¹⁴⁵ Ильин И.А. О большевизме и коммунизме //Собр. сочинений: В 10 т. Т. 7. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. С. 7.

¹⁴⁶ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. сочинений: В 10 т. Т. 1. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 221.

¹⁴⁷ Ильин И.А. // Там же. С. 222.

нравственности... и правосознания»¹⁴⁸.

Подобный процесс не мог не отразиться на России. Исходя из положения, что «России не хватало крепкого и верного монархического правосознания»¹⁴⁹ И.А. Ильин под этим углом зрения рассматривал события отечественной истории. На рубеже XIX-XX вв. ситуация обострилась: государь и династия стали врагами левой части интеллигенции; последняя же пыталась всячески скомпрометировать царя, лишив его уважения и доверия в глазах страны. Прямым доказательством служат сатирические журналы времен первой русской революции. И.А. Ильин, не лестно отзываясь об их содержательной и морально-нравственной стороне, характеризует последние следующим образом: «они все были полны стишками, памфлетами и карикатурами, так или иначе восхвалявшими цареубийство или прямо призывавшими к нему (о, конечно, прикровенно, но в дерзко-прозрачных намеках!). Журнальчики эти брались публикой нарасхват и комментировались на всех перекрестках»¹⁵⁰. Подобного рода явления свидетельствовали о кризисе монархического правосознания, что и привело к быстрому крушению политического строя Российской империи.

Российский народ, в течение последних десятилетий, «расшатал свое монархическое правосознание», т.к., по мысли философа, своего рода «”умение иметь Царя” знает не только форму воинского подвига, но еще и форму гражданской доблести, государственного разума, политического такта и политической сплоченности»¹⁵¹, что и обеспечило быстроту и легкость свержения монархии.

Таким образом, революция была подготовлена еще задолго до ее осуществления в умах и «душах людей». Монархическое правосознание, к началу второй русской революции, у большей части интеллигенции, чиновничества и генералитета было заменено «анархо-демократическими иллюзиями и

---

¹⁴⁸ Ильин И.А. // Там же. С. 221.

¹⁴⁹ Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 94.

¹⁵⁰ Ильин И.А. // Там же. С.102.

¹⁵¹ Ильин И.А. ¹⁵¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. сочинений: В 10 т. Т. 1. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993 // Там же. С. 230.

республиканским образом мыслей». Трагически-поворотный момент в истории отечества легко осуществился потому, что в умеренных и левых кругах русского общества «росло сочувствие», в то время как в правых – «падала сопротивляемость». Иными словами «воля медленно уходила справа налево»¹⁵². Относясь положительно к политическим действиям Столыпина, И.А. Ильин характеризует политику последних десяти лет перед революцией следующим образом: «гениальная волевая вспышка» министра «была быстро угашена усилием крайних правых, подготовивших ему отставку, и крайних левых, подготовивших ему убиение... После этого – волевой паралич стал, по-видимому, роком для правых государственных течений, а с крайнего лева сжимался волевой кулак»¹⁵³.

Стало быть, добавление новых процессов, следствием которых стала борьба между властью и обществом, послуживших одной из причин взрыва в Феврале 1917 г., значительно расширило и усложнило не только революционный процесс, но и обогатило исторический дискурс русского зарубежья.

Другое направление трансформации дискурса сводилось к тому, что основу труда теперь составляли исключительно факты. Склонность к фактографии появилась, во-первых, по причине изменения цели написания работ. Уже в 1930 г. монархист В.И. Назанский в монографии «Крушение великой России и Дома Романовых»¹⁵⁴ писал, что наш скромный труд будет простым изложением событий и фактов и восстановлением между ними связи, с сохранением объективности¹⁵⁵. До этого изложение фактической стороны вопроса в историческом дискурсе было не обязательно. Даже для П.Н. Милюкова – историка по профессии – фактография вкраплялась в исследование, но в то же время была не так важна. Это двойственное отношение к фактам отразилось в предисловии к работе «История...». В ней автор утверждал, что «она (*труд* “История” – курсив мой Д.П.) принципиально отказывается от субъективного

---

¹⁵² Ильин И.А. О революции // Собр. сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. С. 117.

¹⁵³ Ильин И.А. // Там же. С. 117.

¹⁵⁴ Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930.

¹⁵⁵ Там же. С. 27.

освещения и заставляет говорить факты»¹⁵⁶. Но уже через несколько предложений эта мысль опровергалась: «вообще, фактическое изложение не составляет главной задачи автора... Анализ событий с точки зрения определенного понимания их был той основной целью, которая собственно и побудила автора взяться за составление “Истории”»¹⁵⁷. Таким образом, примерно до конца 1920-х гг. фактическое изложение, если и присутствовало в тексте, тем не менее, не было самоцелью, как это стало позднее.

Во-вторых, ситуация резко изменилась к 1930-м гг. в силу того, что по мере развития исторического дискурса накопилось большое количество искажений и мифов. Причина этого, по версии многих авторов, крылась в появлении огромного количества «псевдо-исторических исследований», в которых «читателям преподносится вместо фактического изложения – анализ событий с точки зрения определенного (т.е. партийного) их понимания»¹⁵⁸, а «исторические факты подгоняются» к «политическим выводам». Кроме того, не стоит забывать и то, что эмигрантская периодика была полна огромным количеством воспоминаний, содержательно-оценочная сторона которых порой трудно поддается проверке. Всё это потребовало написания работ, нацеленных на развенчание многих стереотипов и мифов, а сделать это можно было только при помощи фактов. Таким образом, интерес к фактографической стороне проявился лишь тогда, когда у русской эмиграции изменилось целеполагание работ, а сам дискурс вступил в новую фазу развития.

Важно отметить то, что сам «факт» понимался русской диаспорой двояко, что нашло отражение в дискурсе русского зарубежья. С одной стороны, под фактом подразумевалось умозаключение, основанное на исторических источниках. Это суждение легко подтверждается тем, что работы персон русской эмиграции, опубликованных с конца 1920-х гг., полны нормативно-правовыми актами, статистическими отчетами, письмами, материалами дневников и

---

¹⁵⁶ Миллюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 11.

¹⁵⁷ Там же. С. 11.

¹⁵⁸ Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930. С. 26.

воспоминаний (труды В.И. Назанского, С.П. Мельгунова, С.С. Ольденбурга, И.П. Якобия и т.д.).

С другой стороны, под фактом понималось суждение, не требующее доказательств. Например, стараясь обосновать необходимость революции или ее нежелание, авторы не могли не обойти вниманием экономическое положение Российской империи накануне первой мировой войны, а также итоги попыток решения властью наиболее острых социально-экономических проблем, стоящих перед страной. Вполне естественно, что левые авторы стремились показать бедственное положение народа в стране и нерешенность многих вопросов. Вот как характеризовал положение отчизны анархист В.М. Волин накануне 1914 г.: «...не одна жизненно важная проблема не была решена. Страна оказалась в тупике. Насильственная и решающая революция стала неизбежной»¹⁵⁹.

С точностью, но наоборот, освещали эту тему монархисты. Например, И.П. Якобий полагал, что с царствованием последнего императора из рода Романовых страна «вошла в полосу быстрого материального развития»¹⁶⁰. Главная мечта оппозиционных сил — организовать восстание крестьянства и повести его против помещиков и самодержавия — разбилась, «благодаря умелой аграрной политике русских монархов». На протяжении «полувека» государство принимало ряд мер для совершения безболезненного перехода земли в руки тех, кто ее действительно обрабатывал. В связи с тем, что народ было трудно поднять на почве недовольства его экономического и социального положения, следовательно, делал вывод автор, для революции оставалась только одна надежда — неудачная война.

Схожие мысли можно найти у С.С. Ольденбурга. По мнению автора, накануне Первой мировой войны Российская империя «достигла еще невиданного... уровня материального преуспеяния»¹⁶¹. На фоне роста промышленного производства шел процесс расцвета сельского хозяйства. К 1914 г. страна была намного меньше «отравлена политикой», чем десять лет назад; интеллигенция усомнилась в правильности «былых идеалов». Однако Россия по-

---

¹⁵⁹ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М.: Праксис, 2005. С. 85.

¹⁶⁰ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 42.

¹⁶¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 495.

прежнему была «недовольна собой»: оппозиционные настроения стали снова проявляться в Государственной Думе, «нежелательные толки» продолжали вестись вокруг Распутина. Солидарен был с предшествующими авторами И.А. Ильин, по мнению которого о нежелательности революции 1917 г. в России говорил еще тот факт, что за последние 25 лет перед революцией страна совершила «огромный промышленный, торговый и финансовый подъем», поэтому об «обнищании масс» говорить не приходится. Из этого следовал вывод, что революционная опасность не была вызвана экономическими причинами, а была «вскормлена только психологически – сочетанием...радикализмов: политического радикализма интеллигенции, аграрно-объемного радикализма крестьянина и социалистически-полудеревенского радикализма...пролетариата и полупролетариата», а пропаганда «доделала остальное»¹⁶².

Однако последнее понимание «факта» не было лишено субъективизма, поскольку у каждой группы был свой непреложный набор истин, не требующих доказательств, вследствие чего противоположная по своим убеждениям часть персон русского зарубежья стремилась тут же опровергнуть нежелательный для них факт разными способами, порождая новый виток дискурса.

И, наконец, третье направление, по которому шла трансформация дискурса, сводилось к тому, что последний император из рода Романовых все чаще стал привлекать к себе внимание персон русской диаспоры. Однако нельзя сказать, чтобы до 1930-х гг. личностью Николая II не интересовались: работы П.Н. Милюкова, П.Я. Рысса и др. авторов не только разбирали политический курс императора, но и касались черт его характера. Тем не менее, описание внешности и образа мыслей правителя занимало всего несколько страниц в работах, поэтому в этом случае корректнее говорить лишь о портрете царя. В 1930-е годы ситуация изменилась: происходит процесс перехода от портрета к образу, который был намного шире и объемнее, поскольку складывался из нескольких составляющих. Во-первых, в монархической среде все чаще начинают выходить работы, повествование в которых выстраивалось исключительно вокруг фигуры Николая

---

¹⁶² Ильин И.А. Мировые причины русской революции // Там же. С. 227.

II, что следует из названия монографий (И.П. Якобий «Император Николая II и революция», С.С. Ольденбург «Царствование императора Николая II» и др.). Следовательно, труды начинают рассказывать не только об основных этапах становления государя, но и о различных деталях его биографии на протяжении всего жизненного пути императорской семьи.

Во-вторых, образ Николая II складывался через систему действий и отношений к различным людям, что способствовало всемерному раскрытию характера царя. Показательным примером послужит работа В.И. Назанского, в которой автор стремился доказать тезис, гласящий, что государи из династии Романовых «всем сердцем и всею душою... (*были* – курсив мой Д.П.) всегда с народом и за свой народ, который знали и любили более многих “народолюбцев”...»¹⁶³. Подобные суждения подтверждались разными способами. Первый из них сводился к личным воспоминаниям самого автора, в котором доминировали развернутые описания. Так, В.И. Назанский воссоздавал «один из красивейших и трогательных обрядов жизни императорской армии», когда государь лично объезжал лагерь: в отрывке максимально показывались доброта царя, его забота о командном составе, единение правителя и народа, которые перемешивались с идиллическим описанием природы.

Однако такой способ был доступен лишь узкому кругу людей и становился редким явлением, поскольку не все могли воочию видеть сцены из жизни императора, поэтому наиболее распространенным вариантом было доказать тезис при помощи различных исторических источников. Вкрапление в работу осуществлялось посредством фактографического материала, преимущественно, почерпнутым из эго-документов, т.к. именно они способны добавить автору труда нужных красок и создать определенный колорит эпохи. Помимо этого, в работы вставлялись не только отрывки из стихотворений, эпиграмм и памфлетов, способные лучше проиллюстрировать и усилить черты описываемого промежутка времени, но и фотографии семьи и царские портреты. Все это являлось третьей составляющей образа Николая II.

---

¹⁶³ Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930. С. 165-166.

И, наконец, в-четвертых, большую роль в создании образа сыграло то, что помимо развернутых описаний в работах все чаще начинают превалировать различные образы и сравнения. Например, вот как описывал атмосферу последнего десятилетия правления династии Романовых Г.П. Федотов: «Вся Россия — с ужасом или захлебываясь от удовольствия — переживала годы распутииады. Хлыст, через царскую семью, уже командовал над русской Церковью в ожидании того момента, когда война отдаст ему в руки государство... Для всей грамотной России это была ванна мерзости, в которую она погружалась каждый день»¹⁶⁴. В противоположном лагере, естественно, господствовали другие воззрения, но стиль повествования оставался прежним. В левой среде и отчасти в правой (например, у И.Л. Солоневича) доминировало убеждение, что Николаю II не хватало решительности и силы воли. По этому поводу С.С. Ольденбург писал следующие, восхитительные по красоте образа и сравнения, строки: «Государь имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Иное мнение было широко распространено потому, что у Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля Его была подобна не громовому удару, она проявилась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана: она огибает препятствие, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели»¹⁶⁵.

Пристальное внимание к образу Николая II преследовало одну цель — вызвать симпатию или усилить ненависть у читателей. Но образ, как правило, имел мало что общего с действительностью. Однако его создание осуществилось в 1930-е гг. потому, что людей, живших в тот период времени, становилось все меньше, следовательно, возникала потребность в фиксации атмосферы той эпохи, которая предшествовала революции. Но и сами эмигранты, оказавшись на чужбине после стольких лет скитаний, по большей части жили различными воспоминаниями, которые, в свою очередь, были теми же образами, которые

---

¹⁶⁴ Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. С. 63-64.

¹⁶⁵ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 37.

являлись составной частью революционного процесса 1917 г. и впоследствии нашли свое яркое отражение в историческом дискурсе, значительно усложнившимся и расширившимся накануне Второй мировой войны.

Параграф 1.3. События Первой мировой войны в работах представителей русского зарубежья

Изучая причины Февраля 1917 г., персоны русского зарубежья не могли не остановить свое внимание на Первой мировой войне, поскольку революция 1917 г. не только разразилась в момент ее осуществления, но и была той почвой, на которой развивался революционный процесс. Интерес к личности Николая II, наиболее сильно обозначившийся к 1930-м гг., усиливал стремление к анализу военных событий. Однако отношение к войне, а также оценка действий правительственной власти в этот период была у каждой общественно-политической группы своя, наложившая отпечаток на интерпретацию и подачу фактов, содержащихся в отечественной истории рассматриваемого отрезка времени.

Уже в конце 1910-х гг. в центре внимания русского зарубежья стали находиться события, относящиеся ко времени Первой мировой войны. На начальном этапе формирования дискурса авторами брались некоторые значения, отражающие позицию того или иного представителя русской эмиграции, и подавались читателям без интерпретации и авторской оценке. Так, например, монархист П.Н. Борк свидетельствовал, что фронт честно дрался, выполняя свой долг, а в тылу назревала лютая измена¹⁶⁶. Только «смутные слухи» долетали «до фронта», но он отказывался им верить.

Таким образом, если исходить из позиции П.Н. Борка, то узел многих противоречий был завязан именно в тылу, а не на фронте, следовательно, пристальное внимание персон русского зарубежья будет нацелено на тыл Российской империи.

---

¹⁶⁶ Борк П.Н. Предатель (скрытая страница февральского переворота) // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 1. С. 76.

В этот же отрезок времени начали выходить работы, объясняющие причину «лютой измены» в тылу, подразумевая под этим словосочетанием всех тех, кто работал над расшатыванием государственных устоев страны. Например, монархист П. Васильев полагал, что в этом деле во многом повинна общественность. Ввиду «подпольного характера» деятельности революционных партий результаты их работы на момент Февраля оказались «ничтожны и революционеры не решались на открытое выступление»¹⁶⁷. Иначе вела себя общественность. Ее деятельность, связанная с активной работой по разрушению государства, велась, по мысли автора, по нескольким направлениям. Во-первых, общественность через деятельность различных союзов, комитетов и кооперативов работала «сообща над разрушением старого строя». Во-вторых, после того как патриотический порыв первых месяцев войны «быстро угас», общественность взялась за разлагающуюся критику, подготовившую «то разложение фронта, которым впоследствии воспользовались большевики»¹⁶⁸. И чем дольше длилась война, тем «все громче раздавался протестующий голос общественности», слышимый из разных уголков Российской империи. Васильев констатировал, что «не было такого захолустья, не было такой далекой окраины, из которых бы не летели в Петербург резолюции протеста и требования смены Правительства»¹⁶⁹.

Еще один способ, который использовала общественность для давления на власть – это искусственное создание различных препятствий правительственной работе, что подготавливало новую почву для критики. Под этим автор подразумевал, например то, что каждый новый проект правительства сразу же порождал контрпроект, а каждое последующее «мероприятие» сопровождалось указанием на места, каким способом «следует осуществлять это мероприятие», тем самым окончательно противодействуя его осуществлению. Таким путем «парализовалась деятельность ведомств», и как следствие этого «получался новый материал для критики» действий правительства.

---

¹⁶⁷ Васильев П. Первые дни революции // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 2. С. 75

¹⁶⁸ Там же. С. 77.

¹⁶⁹ Там же. С. 77.

Об ином раскладе сил, принимавших участие в дезорганизации фронта и тыла, повествует П. Карачаров, издав свой труд в Ростове-на-Дону. По мнению автора, народ русский «дружно выступил против немцев», однако уже в следующем — 1915 году — выяснилось, «что у русского войска есть доблесть, да нету снарядов»¹⁷⁰. С той поры, «и в армии и в народе» пошли первые разговоры об измене, когда «уже виноватого и невинного, негодяя и честного вместе сплетали»¹⁷¹. Накануне февральской революции союзники Российской империи «прислали много тяжелых орудий, автомобилей, своих техников на наши заводы», чтобы в 1917 г. дружно начать «общее наступление» на Германию, которая осознала, что подобного «натиска» она не в состоянии выдержать. Автор, намеренно подчеркивая слабость Германии и проводя аналогию с событиями, произошедшими триста лет назад, отмечал, что «где нет силы, там — помните как в первое смутное время — подлая хитрость иногда помогает!»¹⁷². Под «подлой хитростью» Карачаров подразумевал разностороннюю деятельность В.И. Ленина, т.к. «через него можно было пустить великую смуту на русскую землю и легко победить Россию...». Вокруг вождя партии социал-демократов «вертелись» не только «ненавистники» отечества, «мошенники» и «иноплеменники», но и «всякая шушера, которая надеялась на обогащение и на легкое житье во время революционной смуты». Именно эта категория людей подготовила и устроила революцию 1917 г., сбив народ с верного пути.

Таким образом, помимо того, что П. Карачаров показал иных участников революционного процесса, работа автора ценна была для дискурса тем, что в ней значения стали выстраиваться в определенную последовательность, что придавало тексту повествовательный характер, включающий в себя интерпретацию и отчасти поучение.

Однако большую значимость для дальнейшего развития дискурса имела позиция М.В. Родзянко, высказанная им в работе «Государственная Дума и Февральская 1917 года революция», поскольку труд представлял собой не группу

---

¹⁷⁰ Карачаров П. Две Смуты. Рассказ о том, кто спасал и снова спасет русскую землю. Ростов н/Д., 1919. С. 10.

¹⁷¹ Там же. С. 10.

¹⁷² Там же. С. 11.

значений, а целостный исторический нарратив, снабженный различными фактами и их интерпретацией. Авторская позиция, связанная с тем, что в назревавшем и развившемся катаклизме виновата власть, вытекала не только из общественно-политической позиции, занимаемой Родзянко. На начальном этапе развития дискурса основной вопрос, занимавший умы русского общества, сводился к тому, кто виноват в приближении Февраля 1917 г. Вполне естественно, что именно «устроители» Февраля 1917 г., подвергавшиеся наибольшим нападкам со стороны общества, постараются максимально полно представить читателям доказательную базу для необходимости свершения революции 1917 года. Так, для М.В. Родзянко источником практически всех бед и неудач в стране была власть. Это значение обосновывалось, во-первых, неверной позицией, которую заняла власть во время войны. С самого начала боевых операций правительство встало на ложный путь: вместо того, чтобы пропагандировать «здоровые понятия» о содержании войны и о том, что для победы «необходимо дружное содействие всех граждан», правительство, напротив, считало, что только оно одно должно выиграть войну. «Ошибочная точка зрения неправильно понятых своих Государственных задач, постоянное опасение, как бы путем организации народа не создать почву для революционных очагов, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего Правительства – не было в Правительстве необходимого доверия к народу»¹⁷³.

Во-вторых, в укор власти автор ставил то, что она не вела борьбу с немецкой пропагандой, для которой с нашей стороны «не было ничего ни организовано, ни подготовлено», а вместо этого постоянно подозревало страну в революционности.

В-третьих, несогласованные и неумелые распоряжения властей привели к расстройству транспорта, финансов и «окончательной разрухе экономических условий жизни населения». Подливало масло в огонь чрезмерное влияние «оракула Императорской четы» Распутина, выразившееся, в частности, в том, что

---

¹⁷³ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 13.

«только по его совету и указанию назначались министры и должностные лица»¹⁷⁴. Естественно, что «одушевление», присущее поначалу всем слоям общества, в скором времени сменилось «равнодушием к делу войны», а потом и вовсе «подозрительностью к власти». Кроме того, именно влиянием Распутина объяснял Родзянко необоснованные удаления «действительно полезных государственных деятелей», работающих на благо страны.

Критика действий правительства ставила своей целью не только оправдать наступление Февраля 1917 года, но и продемонстрировать плодотворную и полезную работу Государственной Думы в этот период. Несмотря на все это, члены Государственной Думы, с пафосных слов автора, «во имя чести и достоинства дорогого Отечества», решили оказать поддержку правительству. «Но двойственность внутренней политики проявилась во всем»¹⁷⁵, в том числе и в принятии верховной власти проектов, касающихся внутривластного курса страны. Со слов М.В. Родзянко, картина получалась следующая: «министры вносили и отстаивали либеральные законы в Думу и защищали их, а в Государственном Совете безмолвствовали, как Члены Государственного Совета, против своих же законопроектов»¹⁷⁶. В добавлении к этому, автор отмечал негативное воздействие на страну так называемой министерской чехарды. Это необоснованная и «невероятно быстрая» «перетасовка» министров в России носила системный характер. Постоянная перемена глав ведомств влекла за собой «непоправимый ущерб планомерному течению дел», привнося лишь хаос в работу ведомств, и могла быть выгодна только «нашим врагам». Последствием всего этого явилось отсутствие энергии в работе ведомств: не один из назначенных министров не верил, что сможет долго продержаться на посту.

Всё это в совокупности, по мнению М.В. Родзянко, давало солидные основания для формирования в российском обществе взгляда, что «если бы и не было революции, война все равно была бы проиграна, и был бы по всей

---

¹⁷⁴ Там же. С. 13.

¹⁷⁵ Там же. С. 20.

¹⁷⁶ Там же. С. 20.

вероятности заключен сепаратный мир»¹⁷⁷. Ощущение неминуемой катастрофы рождало коллективное чувство беспокойства и тревоги, толкавшее большую часть населения в оппозицию к верховной власти. В создавшейся атмосфере Дума «увидела для себя необходимость выйти из пассивного положения»: на практике это сказалось в том, что на заседании 1 ноября 1916 г. «все было гласно и громко сказано». Выступление Милюкова Родзянко оценивал положительно: в речах лидера прогрессивного блока «вы не увидите... желания свержения власти, желания переворота... вы увидите лишь сердечную боль и печалования о судьбах России»¹⁷⁸.

Тем не менее, к концу 1916 г., в среде низших слоев населения начались волнения, вследствие всевозможных лишений, нехватки предметов первой необходимости, дороговизне и отсутствия продуктов питания. Осложнение продовольственного вопроса – «подвоз продуктов сокращался до минимума» – послужило хорошим поводом для начала волнений в конце февраля 1917 г. Этот «голодный бунт» и стал предлогом для осуществления февральской революции в том же году.

Таким образом, М.В. Родзянко не только показал причины перехода общественности в оппозицию к правительству, но и скомпоновал значения в работе таким способом, что события стали подаваться читателям не как разрозненные явления, а как процесс в форме целостного исторического нарратива. Кроме того, помимо политических мотивов, побудивших определенную часть общества выступить против власти, автор прибег к экономическим доводам.

В этот период времени начали выходить работы представителей левых взглядов. Они, с одной стороны, сразу же решили опровергнуть некоторые положения, а с другой, усилили отдельные моменты. Например, несмотря на то, что Г.И. Кваша фиксировал патриотический подъем в столице в первые месяцы военных действий, тем не менее, он полагал, что в народной массе (относя сюда

---

¹⁷⁷ Там же. С. 34.

¹⁷⁸ Там же. С. 35.

солдат, формировавшихся из крестьян, крестьянство как сословие и пролетариат) война «с самого начала не была популярна».

Помимо этого, автор предложил оригинальное объяснение причин перехода общественности в оппозицию к правительству. По мнению Г.И. Кваши «реакция росла в прямой пропорции к жертвам, которых война требовала от народа»¹⁷⁹. Во многом поэтому, уже в 1915 г. русское общество в лице представителей крупной буржуазии «решило взять в свои руки дело снабжения фронта». Однако выдвинутый лозунг «Все для войны» был понят страной буквально, вследствие чего «о тыле совершенно забыли». Этот просчет оказал большое влияние на последующие события: в стране упустили из виду не только то, что «тыл играет не менее важную роль, чем фронт; что...трудно указать грань, где кончается фронт, и где начинается тыл»¹⁸⁰, но и «совершенно забыли про русский народ». Поэтому в народе постепенно назревал «стихийный протест».

Г.И. Кваша усилил экономические предпосылки Февраля 1917 г.: по мнению автора, Россия была поставлена войной в невыносимо тяжелые условия. «Для ведения такой войны» страна была «менее всего подготовленной». «Хозяйственный организм» Российской империи не в силах был «выдерживать» столь длительного напряжения сил, поэтому «со второго года» ведения боевых действий «страна шла навстречу катастрофе». К моменту окончания 1916 г., констатировал автор, экономический механизм России был никуда не годным, неспособным более обслуживать нужды как тыла, так и фронта¹⁸¹. В столице «очень упорно» ползли «слухи об изменах» в правительственной среде. Но «громкие протесты не раздавались, ибо страна была в наморднике», поэтому их «заменили шептания». В этой атмосфере в победоносный конец войны уже никто не верил.

Об экономическом аспекте событий, касающихся периода военных лет, в 1920 г. говорил В. Чернов, считавший, что Первая мировая война явилась «войной на истощение», сумев выкачать «из воюющих стран все их ресурсы». В

---

¹⁷⁹ Кваша Г.И. Очерки русской революции. Нью-Йорк, 1919. С. 40.

¹⁸⁰ Там же. С. 20.

¹⁸¹ Там же. С. 18.

результате, наиболее слабые в экономическом и индустриальном плане «должны были первые затрещать по всем швам», поэтому Февраль 1917 г. стал следствием «перенапряжения сил» страны: «Россия надорвалась, и революционный крах был симптомом надрыва»¹⁸². Интерес к хозяйственной стороне дела у левых авторов, скорее всего, можно объяснить тем, что работы социалистической направленности базировались именно на экономической составляющей исторических процессов.

Таким образом, на начальном этапе формирования дискурса, как правые, так и левые представители русского зарубежья не смогли выстроить значения в исторический нарратив, придав событиям характер процесса: и те и другие лишь попытались преподнести и зафиксировать определенные тезисы, причем для каждой из этих групп значения были свои. Исключение составляли «центристы», поскольку именно этой социально-политической группе было легче всего бросить в исторический дискурс большое количество разнообразных значений, сумев выстроить их в нарратив, т.к. именно они вели критику власти на протяжении длительного периода времени, содержащую в себе определенную долю утверждений, которые позднее переключались в периодику русского зарубежья.

В начале 1920-х гг. трансформация исторического дискурса шла по нескольким направлениям. Например, в некоторых работах еще сильнее усилилась критика действий правительственной власти. Причем она проводилась отдельно, как для тыла, так и для фронта. Так, по мнению П.Я. Рысса, Первую мировую войну не хотела вся Россия, но «приняла войну как крест». За три месяца боевых действий запасы бомб, снарядов и мин были истощены, вследствие чего начались страшные поражения на фронте. Параллельно с этим расстроился железнодорожный транспорт, поэтому подвоз «военного материала, обмундирования и пищи для армии» стал затруднительным.

Ситуация в тылу была не лучше: государственный аппарат функционировал «все хуже», экономика страны приходила в упадок, «коррупция принимала

---

¹⁸² Чернов В.М. Революция или контрреволюция (К третьей годовщине октябрьского переворота) // Приложение к № 1 «Революционной России» 1920 года. Юрьев, 1920. С. 3.

закономерный характер», «бесталанность» командного состава армии и «испорченность нравов высшей катерии» – все это являлось превосходным материалом для агитации как на фронте, так и внутри страны. Агитаторам «достаточно было прибегнуть...к фактам», чтобы быстро и легко убедить солдата «в полном несовершенстве всего строя». В скором времени недовольство политическим режимом заслонило и вытеснило собой «идею родины».

В концепции автора, к началу 1916 г. правительство оказалось «накануне полного...банкротства». Параллельно с этим П.Я. Рысс еще усилил влияние Распутина в стране, власть которого «стала всемогущей»: он диктовал приказы, назначал и смещал министров и губернаторов, окружал царя своими агентами, в своих руках держал нити внутренней и международной политики¹⁸³. В связи с этим вся страна «стала жить темными слухами и роковым шепотом». Несмотря на всю сложившуюся ситуацию, верховная власть не хотела замечать приближающейся грозы. Доказательством может служить поведение императора: его «сразила трагическая смерть Распутина», после которой «во дворце царил жуть»: царская чета верила в предсказание Распутина, «что с его смертью погибнет и династия». «Мистика ожидания неизбежного» породила бездействие у представителей династии.

Другой вектор, по которому шел процесс изменения дискурса, сводился к тому, что в этот период времени стали появляться первые портреты царской фамилии, что способствовало расширению дискурса: на страницах своей работы П.Я. Рысс дал развернутую характеристику Николаю II, из которой следовало, что царь «обладал средним умом, но большим вкусом... Но в нем не было веры в людей и была неуверенность в себе самом»¹⁸⁴. Основываясь на воспоминаниях А.Д. Протопопова, автор писал, что царь обладал сильным характером «для отрицания, но не для утверждения. Ему казалось, что против него все. И когда ему предлагалось провести ничтожную реформу, утвердить маловажный закон – он колебался и по свойствам природы своей приходил к выводу, что надобно это

---

¹⁸³ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 32.

¹⁸⁴ Там же. С. 18.

отвергнуть»¹⁸⁵. Подобный портрет работал на то, чтобы в очередной раз укрепить в читателях мысль, что власть накануне Февраля 1917 г. была негодной, следовательно, нуждалась в замене.

Вслед за другими авторами П.Я. Рысс положительно оценивал действия Государственной Думы накануне 1917 г.: «в ней было достаточно ума и патриотизма, чтобы в этот момент объединиться» для борьбы с властью. Однако он иначе, чем Родзянко расценивал речь Милюкова, т.к. считал, что она, «основанная только на слухах, была искрой, брошенной в пороховой погреб». Таким образом, выдвигалось и закреплялось значение, согласно которому Государственная дума была «движущим фактором революции». Помимо этого, если Родзянко пытался сгладить «осаду власти» путем оправдания действий Государственной Думы, сводящихся к тому, что она не хотела брать бразды правления страной, но из-за «глупости» самодержавия пришлось, то П.Я. Рысс о «штурме власти» говорил уже открыто. Подобный факт можно объяснить как временем выхода работы, так и местом ее публикации. Родзянко писал свою работу в 1919 г. в Ростове-на-Дону в стане белой армии, когда внутриполитическая ситуация в России окончательно не прояснилась и могла поменяться в любую сторону. В то время как творение П.Я. Рысса увидело свет два года спустя в Париже, когда все страсти уже улеглись и о многих вещах говорилось открыто.

Немалую ценность для исторического дискурса русского зарубежья имела кадетская версия революционного процесса, созданная П.Н. Милюковым и опубликованная в 1921 г. Она содержала в себе уже утвердившееся положение, гласящее, что накануне 1917 г. общество окончательно утратило всякое доверие и уважение ко двору и к царской семье. Этот тезис доказывался прежними значениями: коррупция государственного аппарата, обходование законов, фаворитизм, министерская чехарда, неумелая политика императрицы после отъезда царя в ставку, на которую оказывались негативные влияния разного рода аферистов и мошенников, в том числе и Распутина.

---

¹⁸⁵ Там же. С. 20.

Несмотря на все это работа также содержала в себе качественно новые положения. Во-первых, показывалось положение Российской империи в тесной связи с другими европейскими странами, чего прежде не было. Так, по мнению историка, разрушительное влияние войны наблюдалось практически во всех странах Европы, но и особенно на тех территориях, где разыгрывался театр военных действий. Однако только в России негативное влияние войны вылилось в революционные события. В концепции автора преодоление отрицательных явлений военного времени в демократических странах, например, во Франции и Англии, достигалось за счет введения жесткой военной диктатуры и в скорейшем устранении недостатков правительством в тесном союзе с народным представительством. В Российской империи, напротив, негативное влияние войны еще больше обессилило власть, тем самым ускоряя развал страны и поражение русской армии на полях сражений.

Во-вторых, анализ П.Н. Милюковым политических событий 1915-1916 гг. показывал окончательный разрыв власти с обществом, в котором условно можно выделить несколько критических точек. Первая, в концепции историка, произошла 25 января 1915 г., когда состоялось закрытое совещание членов Государственной Думы с правительством, выявившее конфликт между правительством и законодательными учреждениями. Вторая отчетливо обозначилась в роспуске Государственной Думы в начале сентября того же года. Именно с этого момента автор фиксировал сильный толчок общественной мысли в направлении необходимости революционного переворота. Третья, и самая крайняя точка разрыва, произошла 1 ноября, но уже 1916 г., при встрече Государственной Думы с правительством, не носившей миролюбивый характер. Поэтому примерно с 1 ноября 1916 г., когда ясность революционного пути оказалась неизбежна, парламентское большинство «стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху»¹⁸⁶.

---

¹⁸⁶ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 38.

Выстраивание исторических значений, путем создания периодизации конкретного исторического процесса, говорит о том, что уже в начале 1920-х гг. события военных лет перешли от стадии констатации, описания и закрепления основных значений в стадию осмысления, что, в свою очередь, свидетельствовало о качественно новом этапе развития исторического дискурса.

И, наконец, в-третьих, важно отметить тот факт, что в работе П.Н. Милюкова проводилась мысль, согласно которой пораженческие идеи стали проникать в фабричную и армейскую среду, причем автор не исключал влияние германских агентов. Поэтому чем ближе приближались события к Февралю 1917 г., тем все чаще происходили волнения на заводах: «подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась – особенно с начала 1917 года, – в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона»¹⁸⁷.

Этот последний момент был сильно развит некоторыми представителями, относящимися к военной среде. В частности, А.И. Спиридович видел причины Февраля 1917 г. в активной деятельности социал-демократов и германских агентов, работающих над разрушением государственного строя страны. Так, по свидетельству автора, Ленин был одним из тех, кто полагал, что при поражении России в войне последуют «большие внутренние потрясения», которые можно будет использовать в целях разжигания революционного пожара. Принимая во внимание тот факт, что Германии будут только на руку всевозможные эксцессы в России, вождь партии большевиков решил добиться от нее «денежных средств» на ведение революционной деятельности. Таким образом, «гнездо квалифицированной государственной измены» стало располагаться «в центре политической партии», куда военная контрразведка «не направляла своего внимания», что давало Ленину и его товарищам «беспрепятственно налаживать... свою работу по разрушению военной мощи России»¹⁸⁸.

В тоже время А.И. Спиридович вслед за «центристами» и левыми авторами показывал процесс потери авторитета власти в глазах населения страны. Так, в

---

¹⁸⁷ Там же. С. 39.

¹⁸⁸ Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883-1903-1917 гг. Париж, 1922. С. 266.

начале Первой мировой войны русское общество «было настроено патриотично», поэтому пацифистские и германфильские идеи «успеха иметь не могли». Однако с течением времени ситуация изменилась: на фоне военных неудач, ошибок правительства и утомления от войны стали «проникать в общество» пораженческие идеи. К началу 1917 г. «настроение всех слоев населения» было «беспокойно» и «до крайности нервно-взвинчено». Недоброжелательное отношение к верховной власти уже не скрывалось. Автор констатировал, что в этот «трудный момент» отечественной истории правительство было не на высоте, а Совет министров не пользовался симпатиями общества, поэтому ни в глазах страны, ни у Николая II «не имел значения».

Подобная точка зрения представителей, относящихся к военным кругам, объясняется тем, что верхи командного состава принимали не последнее участие в подготовке и осуществлении Февраля 1917 г., поэтому они также стремились показать обоснованность наступления революции, используя значения, работающие на доказательство необходимости смены прежнего режима. Степень критики существующего строя была у всех различна. Например, наибольшую «нелюбовь» к существующему режиму продемонстрировал генерал П.И. Залесский. Он стремился уже известными значениями доказать тезис, гласящий, что «революционное движение в России вспыхивало после каждой большой войны, не только неудачной, но и удачной; ибо каждая большая война раскрывала серьезные недостатки русского организма»¹⁸⁹.

Тезис рождал антитезис, поэтому другой характерной чертой дискурса в этот период времени было то, что развернутые концепции начали появляться из-под пера правого крыла русского зарубежья. Способ конструирования исторического нарратива был заимствован у «центристов» и левых авторов. Например, С.Н. Дурасович, писавший свой труд под псевдонимом Ювенал, характеризовал состояние, как на фронте, так и в тылу, причем положение в Российской империи сравнивалось с положением других стран Западной Европы. Так, по мнению автора, подобно другим странам Российская империя оказалась

---

¹⁸⁹ Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы. Берлин, 1925. С. 43.

недостаточно подготовленной к этой небывалой и превзошедшей все масштабы войне¹⁹⁰. Однако неподготовленность со стороны России была меньше в сравнении со странами Антанты: когда военные действия еще только набавляли обороты, русская армия «прошла всю Галицию, ворвалась в Восточную Пруссию» и не раз спасала Францию «от безусловного разгрома». Недостаток снарядов и другие дефекты в скором времени устранялись и не способны были привести к катастрофе. Уже в 1916 г. объем военного снаряжения и снабжения был восполнен «в размере, даже превышающем боевую потребность», поэтому весной 1917 г. запланировано было «общее наступление всех союзников», грозившее «разгромом германской коалиции».

Однако не эти трудности были опасны для государственного организма. В концепции Ювенала, интеллигенция, находясь в оппозиции к власти, разрушала ее авторитет. В своем намерении расшатать устои гражданской власти в России, интеллигенция «не останавливалась ни перед какой клеветой», несмотря на то что государственный аппарат страны в целом «работал... исправно». Ведомствам и министерствам приходилось «чуть ли не ежедневно» отправлять «в редакции газет опровержения» по поводу вымыслов, «приписываемых» каждый раз разным администраторам. Эти опровержения о тех или иных злоупотреблениях, «искусственно задерживаемые редакциями», выходили в свет с большим опозданием, т.е. уже тогда, когда очередное сенсационное «сообщение о “новых злоупотреблениях” уже успевало всосаться в сознание общества»¹⁹¹. Таким образом, Ювенал показал один из способов подготовки почвы к принятию революции.

В тоже время нельзя сказать, чтобы правые ничего не внесли в исторический дискурс: они смогли более детально продемонстрировать путь по расшатыванию государственных устоев, проделанный общественностью во время Первой мировой войны, тем самым порождая новые смыслы. Так, Экли стремился опровергнуть значение, активно используемое левыми авторами, согласно

---

¹⁹⁰ Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 10.

¹⁹¹ Там же. С. 44.

которому различные общественные организации сыграли положительную роль в деле снабжения фронта. Ниспровержение тезиса проходило по нескольким направлениям. Во-первых, показывалась материальная сторона вопроса, и сравнивались места, в которых приходилось работать общественным организациям. Несмотря на то, что сообщение о начале войны «всколыхнуло всю толщу населения», тем не менее общество, «по существу», «осталось» прежним: «объявление мировой войны ударило лишней раз по нервам, не пробудив в нем сознания всей полноты долга перед родиной...»¹⁹². «Патриотический порыв» захватил и представителей общественности, которые «в лице земских деятелей» быстро принялись за работу, организовав «Союз земств», а затем и «Союз городов». Параллельно с этими организациями те же функции взяли на себя и казенные учреждения. В отличие от частных организаций союзы «могли работать там, где находили для себя удобным, предоставляя Правительству обслуживать нежелательные для них или неудобные места»¹⁹³. Помимо этого общественные организации располагали значительными средствами и не были стеснены сметами и строгой отчетностью, что позволило им «обставлять свои учреждения и лазареты такую роскошью, о которой казенное хозяйство не смело и мечтать»¹⁹⁴. Широкие слои русского общества были склонны объяснять этот факт не только «самоотверженной работой деятелей Союзов», но и «господствующими в казенных учреждениях рутиной и злоупотреблениями».

Во-вторых, опровержение шло и по линии количества сделанного, причем, по свидетельству автора, для этих целей привлекались исторические источники. Так, по мысли Экли, вскоре наступили первые неудачи, которые были вызваны «недостатком снарядов и ружей». Правительство пыталось как можно скорее исправить этот недочет. От него не отставала и общественность, которая кроме распространения слухов об измене и заключении сепаратного мира, создала «Военно-промышленный комитет» для снабжения фронта боеприпасами. Автор отталкивался от официального отчета Главного Артиллерийского Управления

---

¹⁹² Экли. Из недавнего прошлого. (Историческая справка) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 165.

¹⁹³ Там же. С. 166.

¹⁹⁴ Там же. С. 166.

(однако в статье его не приводил), подготовленного весной 1916 г. Исходя из этих данных, Экли показывал, что «главная масса снарядов, а именно около 70% общего количества были изготовлены Артиллерийским ведомством и его контрагентами, около 28 % поступило из заграницы и лишь около 2% приходилось на долю общественных организаций»¹⁹⁵. Несмотря на это «в широкой публике» сложилось убеждение, что без «могучей помощи общественности» русскому фронту снарядов не видать, «ибо Правительство в этом направлении ничего якобы не делало». «Утверждению» сложившегося впечатления сильно «способствовал» «Земский союз», в задачу которого входило изготавливать «деревянные ящики» для упаковки и транспортировки снарядов. На ящиках штамповалось клеймо изготовителя, а рядом с ним, «для поднятия нравственного настроения на фронте», ставилась надпись «снарядов не жалеть». Вполне естественно, что в войсках сложилось «неправильное, но определенное впечатление», что без помощи Земского союза армия бы не справилась.

Однако к тому моменту, когда недостаток в снарядах был восполнен, общественность активно перешла от осады власти к ее штурму. Так, на квартире члена Государственной Думы А.И. Коновалова устраивались собрания революционно настроенной части общества, на которых «подробно разрабатывался проект натиска на власть, одновременно всеми слоями общественности, причем особые надежды возлагались на содействие прогрессивного блока Государственной Думы»¹⁹⁶. В преддверии Февраля 1917 г. «в успехе» штурма власти «уже никто не сомневался».

Еще одной тенденцией дискурса первой половины 1920-х гг. было то, что начали появляться работы авторов, придерживающихся крайне левых позиций. Чаще всего в них были усилены некоторые прежние значения, используемые в работах «центристов» и эсеров. Показательным примером может служить анонимная статья «Мартовские дни»¹⁹⁷, изданная в 1924 г. Автор констатировал, что недоброжелательное отношение народа к правительству «в “нормальное”

---

¹⁹⁵ Там же. С. 170.

¹⁹⁶ Там же. С. 172.

¹⁹⁷ Мартовские дни // Волна. Берлин, 1924. № 51. С. 3-10.

время» практически «не проявлялось». В «исключительных условиях», когда разразилась Первая мировая война, «стоячее море недовольства» не могло более находиться «в своем прежнем положении». Внутренняя политика правительства, «однообразная и реакционная», не учитывающая «поступательный ход жизни» страны, своими действиями «усиливала... внутренний напор», тем самым «ускоряя приближение финала». Неудачи на фронте «лишь подливали масла в огонь»: верховная власть «военными операциями» наглядно показала народу «вкуче с... жестокостями и мошенничеством, и свою бездарность...».

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. окончательно закрепились взаимосвязь режима с крупными военными операциями, которые вела Российская империя. Однако в построениях левых авторов и «центристов» поражения на внешнем фронте были следствием «прогнившего режима», в то время как в концепциях правых проводился тезис о планомерной и продуманной работе общественности по свержению существующей формы правления, поскольку «без войны революция в широком масштабе была невозможной»¹⁹⁸.

Как было показано выше, одним из ключевых вопросов, который неосознанно ставился представителями русской эмиграции, сводился к тому, кто виноват в создавшемся положении вещей. Ответы на него давались разные, но зависели, преимущественно, от социально-политической группы, к которой относился автор. В начале 1920-х гг. была предпринята попытка побороть сложившуюся традицию, путем разделения ответственности между различными участниками исторического процесса. В этой связи примечательна позиция П.Б. Струве, по мнению которого наступление Первой мировой войны не способствовало изменению внутривекторного вектора в Российской империи: «власть не видела, что... главным ее союзником должны являться все государственно мыслящие элементы в стране»¹⁹⁹. В тоже время общественность не хотела принимать во внимание того факта, что «каковы бы ни были ошибки и прегрешения власти, все-таки враг слева», подразумевая под «врагом» элементы,

---

¹⁹⁸ Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 35.

¹⁹⁹ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 30.

работавшие «под диктовку... Германии». Интеллигенция, не учтя народную психологию, «во имя патриотизма» продолжала наносить удары правительству, ведя с ним ожесточенную борьбу. Подобного рода действия только революционизировали массы, духовно разлагая их. Таким образом, следуя за мыслью Струве, ответственность должна быть разделена между властью, интеллигенцией и левыми элементами, а не возлагаться на какую-то одну из сторон.

Новый виток развития исторический дискурс русского зарубежья приобрел во второй половине 1920-х гг., когда к десятилетнему юбилею революции 1917 г. одновременно в нескольких центрах русской эмиграции стали выходить труды разной политической направленности. Объем этих работ варьировался от ключевых тезисов какой-либо группы в газете или журнале до крупных монографий. По-прежнему подчеркивалась взаимосвязь военных неудач и растущей оппозиционности к власти с плохо функционировавшим режимом. Так, по мнению представителей левых эсеров, бессмысленная Первая мировая война не сулила русскому народу ничего кроме кровавых жертв и поражений, приводя массы в состояние «все растущего гнева и ярости». Эта война «будила в душе солдата горькие чувства обиды и протеста», поэтому Февраль 1917 г. свершился «во время и вследствие мировой войны»²⁰⁰.

Свои взгляды на внутривнутриполитическую ситуацию в стране в период Первой мировой войны наравне с социалистами развивали анархисты. Наряду с прежними значениями, которые демонстрировали борьбу различных сил за власть в стране, в их концепциях заметно усилилось упорство правящей династии в этом процессе. Так, по мнению М.И. Рубежанина, неудачный ход военных операций создал оппозиционное настроение во всех слоях русского общества, которое повелительно требовало от Николая II резкой перемены правительственного курса реакционной политики²⁰¹. Однако «царица и Распутин» были далеки «от каких-либо уступок». Еще меньшей популярности в стране добавляли некоторые

---

²⁰⁰ Десять лет Октябрьской революции // Знамя борьбы. Берлин, 1927. № 22-23. С. 3.

²⁰¹ Рубежанин М.И. Итоги русской революции (К 10-летию октябрьского переворота — 25 октября 1917 г. — 25 октября 1927 г.) // Пробуждение: ежемесячный орган свободной мысли. Дейтройт, 1927 г. С. 2.

действия самодержавной власти: пост главнокомандующего армией «занял сам царь, мало смысливший в военном деле». Помимо этого, министерская чехарда не выявила ни одной достойной кандидатуры: «на министерских постах появлялись все старые лица, непопулярные, неспособные и не пользующиеся никаким доверием страны»²⁰². Убийство Распутина являлось «грозным предостережением царю», показывая, «что и его может постигнуть подобная... судьба». Но царь продолжал крепко держаться «за свое призрачное самодержавие, обреченное на смерть», вызывая негодование в русском обществе.

В том же году вышел капитальный труд П.Н. Милюкова «Россия на переломе...». По сравнению с «Историей второй русской революции» автор усилил многие негативные моменты последних лет правления Николая II: реакционная политика правительства, упорство царя, роль влияния императрицы и Распутина во время отъезда монарха из столицы на фронт. Для того чтобы продемонстрировать читателям упорство царя автор делал умозаключения на основе выдержек из исторических источников, показывая, что убедить царя сменить форму правления пытались, как представители царской фамилии, так и иностранные дипломаты. Нежелание императора следовать советам рождало мысль о перевороте: «все сильнее становились толки о предстоящей насильственной развязке. О ней особенно стали думать в кругах близких к двору..., в армии. И там, и здесь возлагали особые надежды на государственную думу»²⁰³.

Таким образом, усиление контрастности и полярности многих старых значений закладывало предпосылки для создания в дальнейшем образа Николая II. И если левые авторы стремились максимально очернить портрет власти, то, вполне естественно, в рядах правых происходил противоположный процесс. Стремясь показать безвинность правящей династии, они по-прежнему старались сфокусировать свое внимание на способах расшатывания государственных механизмов страны. И если в начале 1920-х гг. интерес сводился к деятельности

---

²⁰² Там же. С. 2.

²⁰³ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Париж, 1927. С. 20.

общественных организаций, работавших над разрушением политического строя страны, то в конце 1920-х гг. внимание представителей русского зарубежья сместилось от государства и армии непосредственно к царю, а это значит, что при разработке темы стали привлекаться и утверждаться новые значения. Показательным примером будет позиция членов Редакции «Двуглавого орла», высказанная в 1927 г. Согласно коллективному мнению авторов, накануне революции 1917 г. Российской империи оставалось совсем немного времени и сил для победы. Однако «темные силы», «чуя близкую победу» страны, стремились сделать все, чтобы не допустить триумфа России. Для выполнения этой цели «вся энергия была направлена» против самодержавия. Но для свержения монархии «недостаточно было утомления и неохоты народа к продолжению войны, недостаточно было и стихийной тяги крестьянства к земле»²⁰⁴. Нужно было «подорвать тысячелетний авторитет» царской власти путем создания системы «оклеветания, оболгания и опорочения высочайшего авторитета», что было сделано прогрессивным блоком, масонскими ложами и печатными органами. Кроме того, «разрушение» и «поражение» России происходило «под высоким патриотическим лозунгом: “Все для победы!” ». «Ради победы» не только оклеветали императрицу Александру Федоровну, но и сам Николай II «отказался от законной борьбы за Монархию и добровольно отрекся от Престола»²⁰⁵. Именно «этим лживым лозунгом» был одурманен и сбит с верного пути почти весь русский народ.

Утверждению опубликованных значений способствовала позиция Н.Е. Маркова, по мнению которого революция 1917 г. удалась потому, что темная сила сумела посеять в народе отравленное семя гнусной клеветы против Царицы и тем подорвать в самый критический период государственного бытия народную веру в Царя и разрушить единственный авторитет, которым держалось все

---

²⁰⁴ Редакция. Новый прогрессивный блок // Двуглавый орел. Париж, 1927. № 4. С. 1-2.

²⁰⁵ Там же. С. 2.

государство²⁰⁶. «Зловещие слухи», распространяемые «искусной рукой», только и делали, что «дурманили русские головы» и «отравляли русские сердца».

Солидарен с предшествующими авторами был монархист Н.А. Павлов, по мнению которого для оппозиции Распутин являлся хорошим «предлогом», чтобы без конца критиковать действия власти: с этого времени Царская семья стала мишенью определенной клеветы²⁰⁷. «Никакого влияния» на ход событий «старец не имел». «Распутин и недостаток продовольствия» оказались поводом для революции. Строя «на этих “поводах”» свою речь, «Дума произносит слово — “измена”» и старается обвинить во всем власть. Почва для революции уже подготовлена, и момент ее осуществления был не за горами.

Как было отмечено выше, одной из характерных черт дискурса конца 1920-1930-х гг. было пристальное внимание к личности последнего императора из рода Романовых. Повышенный интерес к Николаю II русскими эмигрантами объяснялся по-разному. В частности, М.В. Вишняк в работе «Два пути: Февраль и Октябрь» писал: «ни одна форма правления не дает стольких оснований для пристального внимания к личности правителей, как абсолютизм, ибо самодержец — не символ строя, а самый строй. От него исходят и в нем сосредотачиваются — формально и фактически — все начала и концы государства. Его личностью определяется социальный уклад, быт, иногда самый образ мыслей в стране»²⁰⁸.

Образ царя создавался представителями русского зарубежья разными способами. Во-первых, читателям преподносился развернутый портрет императора. Опираясь на дневниковые записи Николая II, вслед за левыми авторами, Вишняк давал не самую лучшую характеристику правителю: «Николай II был человек весьма ограниченных возможностей. Положительные его качества не выходили за пределы домашнего очага»²⁰⁹.

Во-вторых, образ царя складывался из его действий и отношений ко многим явлениям, которые объясняли некоторые события и процессы того времени:

---

²⁰⁶ Марков Н.Е. Торжество разрушителей России // Двуглавый орел. Париж, 1929. № 25. С. 1196.

²⁰⁷ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris: Imprimerie D'ART VOTAIRE, 1927. С. 11.

²⁰⁸ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные Записки, 1931. С. 14-15.

²⁰⁹ Там же. С. 18.

«отвращение к государственному управлению, отвлекавшему от более для него дорогого семейного уюта, сохранилось до самого отречения. Царя утомляют доклады, ему нестерпимо надоедают министры, представляющиеся придворные дамы, военные, иностранные дипломаты...»²¹⁰. Или другой пример – поражения на фронте можно было легко обосновать недостатком умений у императора: «царь интересовался военным делом. И кавалерийским полком он командовал с гораздо большей охотой, нежели управлял великой империей. У него накопилось с годами не мало сведений, но не было никаких знаний»²¹¹.

Тот же прием использовал В.М. Чернов, говоря о последнем императоре из рода Романовых: «все его реакции на события были вялы и как бы автоматичны. Не человек, а бледная копия. И власть в его руках в решительные моменты была “не власть, а бледная тень власти”»²¹².

В-третьих, для создания образа Николая II представители русского зарубежья не раз прибегали к фактам, что было одной из тенденций развития дискурса 1930-х гг.: «об умственном уровне и духовных запросах царя можно судить... по тому, что с “Войной и Миром”, например, он впервые ознакомился лишь в Тобольске, уже перестав быть царем»²¹³. Под фактом могли подразумеваться как общеизвестные сведения, не требующие доказательств, так и исторические источники. Например, для создания образа царя В.М. Чернов использовал пометки Николая II на различных докладах, отчетах и предложениях губернаторов, министров, представителей общественности. Замечания приводились следующего рода: «Когда захочу, тогда и отменю»; «оставить без всякого последствия». Тем самым подчеркивалось упорство царя в решении важнейших государственных вопросов.

И, наконец, в-четвертых, фигура Николая II рассматривалась в тесной связи с политической системой того времени. Таким образом, царская чета становилась частью правящего режима. Отсюда использование в работе, как определенных,

---

²¹⁰ Там же. С. 19.

²¹¹ Там же. С. 19.

²¹² Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 98.

²¹³ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные Записки, 1931. С. 19-20.

уже устоявшихся значений, связанных с Александрой Федоровной, Распутиным, министерской чехардой и др., так и новых. Например, большую популярность приобрела микротема, связанная со сменой главнокомандующего в 1915 г., которая ранее практически не фигурировала в историческом дискурсе. Левые авторы из этого факта старались вывести следующее значение, согласно которому возложение на себя Николаем II звания Верховного главнокомандующего неминуемо должно было привести к падению духа в вооруженных силах и, как следствие этого, к поражениям в армии. Подобные размышления можно встретить у В.М. Чернова: когда царь сместил в разгаре войны Николая Николаевича и встал у руля армии, «то едва ли не все приближенные пришли в ужас... потому, что боялись упадка духа в солдатах и стране, где глухая молва твердила о царе-неудачнике, чье присутствие не принесет счастья войску»²¹⁴.

В центре внимания оказывалась не только личность Николая II, но и императрицы. Так, по мнению М.В. Вишняка, Александра Федоровна вмешивалась во все дела управления государством: она смещала и увольняла министров, назначала Верховного главнокомандующего, воздействовала на ход стратегических операций как на суше, так и на море²¹⁵. Негативные последствия действий императрицы отмечал В.М. Чернов: она «немилосердно разгоняла вокруг него всех, кто обладал хоть сколько-нибудь самостоятельной индивидуальностью»²¹⁶. Все это дало «солидные основания» для выдвижения в 1916 г. «броской формулы» лидером цензовой общественности П.Н. Милюковым – «глупость или измена», которая получила в стране широкий резонанс.

Другой способ обоснования необходимости наступления Февраля 1917 г. в 1930-х гг. базировался на психологической составляющей революционного процесса. Для примера можно обратиться к концепции В.М. Волина, по мнению которого «взрыв» в феврале 1917 г. «был вызван не столько» поражениями на фронте, «бездарностью и непопулярностью» самодержца, постоянными «слухами об измене двора», сколько «полным развалом хозяйства». Развивая эту мысль,

---

²¹⁴ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 97.

²¹⁵ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные Записки, 1931. С. 28.

²¹⁶ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 116.

автор констатировал, что финансовые и экономические трудности, «вызванные необходимостью содержать миллионные армии на огромном протяжении фронта» и в то же время проблема поддержания «нормальной жизни» в тылу, конечно, были присущи «всем воюющим странам» и «требовали неимоверного напряжения сил». С этой задачей везде «более или менее успешно справлялись», но только не в Российской империи, «где не умели ничего предвидеть, предупредить, организовать». Процесс распада государства в период перед февральской революцией 1917 г., осуществился бы «еще быстрее, если бы не усилия... живых сил страны», подразумевая под ними «спонтанно возникшие организации», такие как: «Союз городов», «Военно-промышленный комитет», а также земства и городские управы. Эти объединения сыграли в отечественной истории двойную роль: с одной стороны, они оказались способны «в определенной степени...удовлетворить самые насущные потребности армии и страны», а, с другой – страна и армия «осознали не только полное банкротство царизма, но и наличие сил, прекрасно способных заменить его»²¹⁷.

То, что автор высоко оценивал деятельность общественных организаций по снабжению армии, было не новым для дискурса, особенно для представителей левых взглядов. Однако пафосное заключение, которое вытекало из этого значения, отличалось от предыдущих умозаключений: подобного рода «моральная подготовка» населения и армии к падению царизма и его замене другими общественными силами оказала значительное воздействие на умы. Она знаменовала собой завершение предреволюционного процесса, заложила последний камень в фундамент подготовки грядущих событий²¹⁸.

Подобный способ конструирования революционного процесса 1930-х гг. (использование фактов и отрывков из исторических источников, выстраивание нарратива вокруг правящей династии и ключевых фигур представителей власти, создание образа Николая II и др.) был характерен для всех авторов русского зарубежья независимо от их социально-политической принадлежности. Такую

---

²¹⁷ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М.: Праксис, 2005. С. 88.

²¹⁸ Там же. С. 88.

модель презентации исторических значений полностью использовали монархисты: С.С. Ольденбург, И.П. Якобий и др. Эти авторы стремились побороть значения, выдвинутые левыми авторами. Так, по мнению С.С. Ольденбурга, начало войны вызвало огромный патриотический подъем в стране, включая даже ту часть русской интеллигенции, которая относилась враждебно к правительству и власти. Об этом же свидетельствовал И.П. Якобий: Первая мировая война, пробудившая по всей России «волну патриотического чувства», оппозицией была враждебно встречена: глава партии кадетов в газете «Речь» «разразился» «неприличной статьей против Сербии»; социалисты «всех оттенков» в своих газетах «развивали идею активного пораженчества».

Однако уже в начале 1915 г., констатировал С.С. Ольденбург, «в обывательских массах» стала проявляться «некоторая усталость от войны». Дело в том, что в то время «обывательские надежды» возлагались больше на «неизбежность голода в Германии», чем «на чисто военные успехи». Введение хлебных карточек в Германии было воспринято в России «как признак близкого крушения врага».

Но эти прогнозы не увенчались успехом. В то же время русскую армию поджидал другой вид «голода», проявивший себя в недостатке военного снабжения. Ольденбург видит причину дефицита оружия в том, что в правительстве, как и в обществе, господствовало мнение, что «война будет короткой», поэтому военное ведомство во главе с Сухомлиновым «не проявило за первые месяцы войны достаточной заботы об усилении производства военного снабжения... Казалось бесполезным тратить средства на постройку заводов, которые могли бы начать работать, в лучшем случае через полтора или два года»²¹⁹. Пытаясь «скрыть это слабое место от глаз врага», представители военного ведомства были вынуждены держать этот факт в секрете и от русского общества, навлекая впоследствии на себя «тяжелые нарекания, доходившие до обвинения в измене». «Особенно ярко» нехватка снарядов и ружей проявилась в конце весны-начала лета 1915 г., когда немецкие войска перешли в наступление.

---

²¹⁹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 547.

Это событие «оказало самое деморализующее действие» на солдат. Сразу же пошли разговоры о том, «что это – измена, что армию нарочно оставляют без снарядов», что генералы и министры являются изменниками.

Летом 1915 г. «толки об измене» и шедшие с фронта «вести о невероятном возмущении офицерства» вынудили Николая II «расстаться с В.А. Сухомлиновым» и встать во главе армии. Однако в интерпретации Ольденбурга, Николай II согласился на этот шаг, только в угоду «настроениям общества», хотя император «был совершенно убежден» в невинности министра. «Официальное признание возможности подобного факта» не только поставило в недоумение союзников; но и принятая мера «расшатывала дух страны, сеяла в народе сомнения в высших носителях власти и способствовала зарождению толков о дальнейших “изменах”. Эта уступка “общественному мнению” имела только самые вредные последствия»²²⁰.

Здесь стоит отметить общую тенденцию монархистов показать через различные действия власти стремление императора идти навстречу общества. Так, по мнению И.П. Якобия, оппозиция, сконцентрированная в стенах Думы, без конца вела штурм власти: под ее напором уволены были Маклаков и Горемыкин. Николай II на протяжении войны придерживался политики примирения с Думой, выполняя ее требования. Многие уступки, сделанные императором, «не только не смягчили оппозиции, но вызвали ее на все новые и новые выходки»²²¹.

Наряду с левыми авторами крайние правые не могли не упустить из вида микротему, связанную с принятием Николаем II должности верховного главнокомандующего. Разница была лишь в том, что в отличие от левых правые стремились доказать значение, согласно которому это смена не привела к отрицательным последствиям. Обосновывалось это по-разному. Например, В.Н. Хрусталева в 1930 г. исходил из особенностей современной обстановки, полагая, что «современная война требует мобилизации» всех отраслей государственной жизни страны. Поэтому для продуктивного ведения военных операций

---

²²⁰ Там же. С. 580.

²²¹ Якобий И.П. Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 100.

необходимо «объединение высшей военной и государственной власти в одних руках»²²², следовательно, Николай II принял верное решение.

С.С. Ольденбург, работая как историк, стремился обосновать поступок царя исходя из конкретных данных (отсутствия на линии фронта неповиновения армии или какие-либо эксцессы, связанные с этим действием): произошедшая смена Верховного командования в армии, «вопреки паническим заявлениям в столицах» «была воспринята, как должное» и не вызвала возмущения в среде солдат и офицеров.

С.С. Ольденбург дал свой взгляд на события и атмосферу в стране, царившую осенью 1916 г., когда военные тяготы стали ощущаться «всем населением России». «Продовольственное положение еще оставалось сносным», однако цены резко подскочили, и в народе «возникал страх как бы зимой не пришлось испытать голод»²²³. «Раздавались жалобы» и на расстройство транспорта в стране (хотя транспорт в тот год «был...повсюду слабым местом: французская Палата посвятила несколько закрытых заседаний тому же вопросу о “кризисе перевозок”»²²⁴). Однако военное положение значительно улучшилось по сравнению с предшествующим годом: «не только не было уступлено лишней пяди русской земли», но, наоборот, было отвоевано много новых территорий. Русская армия в течение всей кампании 1916 г. «была снабжена удовлетворительно», а привлечение материалов статистики дало автору сделать вывод, что к концу того же года «производство военного снабжения увеличилось в огромных, поразительных размерах»²²⁵, а в 1917 г. военная мощь России «должна была достигнуть высшей точки».

К концу 1916 г. «дух воинского устава...был крепок», т.к. мог «поддерживать дисциплину в восьмимиллионной солдатской массе», а количество дезертиров «оставалось ничтожным». В народных слоях и армии престиж власти царя «противостоял явлениям распада». Подобного нельзя было

---

²²² Хрусталеv В.Н. Пролог трагедии: к истории противодействия принятию Государем Императором Николаем II Верховного Главнокомандования. Париж, 1930. С. 21.

²²³ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 587-588.

²²⁴ Там же. С. 588.

²²⁵ Там же. С. 590.

сказать о столице: в городском пролетариате «этот престиж уже почти исчез», а общество вместе с высшими слоями «с самоубийственным рвением работало над разрушением веры в Царскую власть, раздувая недочеты, повторяя сплетни и наветы, подавая пример неуважения»²²⁶. Эта работа ставила себе одну цель – «добиться перемены строя». Общество соединило патриотический настрой первых дней войны со старыми стремлениями интеллигенции при помощи формулы: «это нужно для победы».

Важно отметить тот факт, что в концепции автора существенную роль в наступлении Февраля 1917 г. играл психологический аспект: Первая мировая война «перевернула психологию народа», стерев грань о добре и зле. Вместе «с героизмом и жертвенностью, война порождала психологию: “добро есть то, что содействует успеху”»²²⁷. Подобная «военная психология» и стала предвестником революционных потрясений.

Разные ответы давались монархистами по поводу того, почему Николай II не предпринимал крутых мер против оппозиции. В интерпретации Ольденбурга, Николай II «знал больше», нежели «политические деятели», поэтому «общее положение» Государю виделось «гораздо яснее», чем им. В связи с этим царь, как и в предшествующие годы войны, считал, что «нет иного пути, кроме войны до победы», в то же время, полагая, что «главная опасность» находилась не на фронте, а в «самой России». В концепции Якобия для успешного окончания войны и устранения недостатков в армии необходимо было «выиграть время», поэтому Николай II не хотел наносить «сокрушительный удар» «крамольной шайке», предпочитая войти в соглашение с оппозицией. По мнению И.Л. Солоневича, Николай II для переломной эпохи являлся «недостаточно энергичным» человеком. «Ошибки», совершенные им в результате правления, исходили из «недостаточной решимости» и даже «недостаточной жестокости»: «убийц Распутина нужно было повесить обязательно»²²⁸. Подобного рода «безнаказанность» сводила силу власти к нулю, вследствие чего складывалось

---

²²⁶ Там же. С. 598.

²²⁷ Там же. С. 545.

²²⁸ Солоневич И.Л. Белая империя. Статьи 1936-1940 гг. М.: Москва, 1997. С. 25.

убеждение, что «теперь можно делать что угодно».

Как было сказано не раз, что в начале 1930-х гг. усилилось внимание представителей русского зарубежья к фактам, следствием которого стало то, что в исторический нарратив вкраплялся фактографический материал, который подкреплял то или иное значение. Однако цель использования такого приема была у авторов различной. В большинстве случаев этот способ употреблялся для фиксации прежних смыслов или опровержении старых. Говоря о монархистах, большую роль в разработке этого направления принадлежала И.Л. Солоневичу, многочисленные статьи которого строились исключительно по такому принципу. Например, автор стремился побороть чередой фактов, не требующих доказательств, сложившееся у левой части русской эмиграции мнение, сводящееся к тому, что Николай II был плохим полководцем. По версии И.Л. Солоневича, Петр Великий шведов «пустил» «до Полтавы». Александр Благословенный отдал Москву французам, «Сталин Гениальнейший» немцев пустил «до Волги». Николай II, не являясь «ни великим, ни благословенным, ни гениальнейшим», перевооружая русскую армию «на ходу», «немцев дальше Царства Польского все-таки не пустил»²²⁹. Тем не менее, «Сталин был гением, Николай II – бездарностью»²³⁰.

Между тем, по мере развития дискурса революционный процесс стал содержать в себе большое количество преувеличений и мифов, развеять которые взялся С.П. Мельгунов, который под фактом понимал информацию, содержащуюся в исторических источниках.

Одним из спорных мест в дискурсе было наличие или отсутствие измены в стране. По мнению историка, первые неудачи на фронте повысили градус нервозности «той части русского общества, которая безоговорочно пыталась слиться с правительством в своем патриотическом порыве»²³¹. Сразу же нашли «виновников» – военное ведомство в лице Сухомлинова «легкомысленно»

---

²²⁹ Солоневич И.Л. К новой эмиграции, а также – и к старой // Загадка и разгадка России. М.: ФонДИВ, 2008. С. 422.

²³⁰ Там же. С. 422.

²³¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 64.

заверившего, что страна «готова к войне». Тогда же и было брошено и быстро подхвачено обвинение в «измене». Политический режим России «был не годный» и «не мог соответствовать грозным событиям», развернувшимся «на мировой арене». Но обвинять правительство в измене, т.е. в том, что оно сознательно не готовило страну к мировой войне – бессмысленно, т.к. невозможно доказать, что сама власть намеренно провоцировала войну. Недостаток снабжения объяснялся автором всеобщим заблуждением, что война не могла долго длиться.

С.П. Мельгунов очень осторожен в своих оценках, стараясь занять срединную позицию. Такая трактовка объясняется тем, что революционный процесс 1917 г. – явление сложное и многослойное, поэтому объяснить его однозначно довольно трудно. Помимо этого, зачастую при описании общественных настроений тех лет привлекались материалы периодики и эго-документы, содержащие в себе полярную оценку одних и тех же явлений. Показательным примером можно считать отношение автора к обстановке в стране в 1915-1916 гг. «Долгие месяцы войны» без следа развеяли «шовинистический дурман». «Материальная тягость» военного времени, сильнее ощущаемая необеспеченными классами, без труда обострила «классовые противоречия». Большевистская пропаганда пожинала обильные плоды: в городах и деревнях агенты правительства фиксируют грозные крики: «Долой войну» и «жажду скорейшего мира», свидетельствующие о пораженческом настроении низов общества. Кроме пораженческого, растет погромное настроение, усиливающееся продовольственной проблемой: волнения на этой почве наблюдались «уже с весны 1915 г. почти в каждом городе»²³². Несмотря на то что не было и энтузиазма у русской армии, тем не менее следует признать, что она «сохраняла свою мощь». Поэтому «узел завязавшейся драмы» находился не в армии, а в тылу «где озлобление масс... достигало уже “исключительных размеров”»²³³.

В оценке С.П. Мельгунова, общее положение Российской империи представлялось современникам гораздо более трагичным, чем это было в

---

²³² Там же. С. 76.

²³³ Там же. С. 79.

действительности. Причем ситуация в тылу намного быстрее побуждала «организовать» общество, чем события на фронте. Однако «русская общественность» в годы войны «оказалась столь же раздробленной, как и в прежние годы». Дистанция между умеренными и левыми с каждым днем все увеличивалась, а блок «национального объединения» был «слеплен довольно искусственно» из отдельных требований и программ. Единственная объединяющая мысль состояла в «отрицательном отношении к политике монарха и на признании, что без перемены в правительственном составе невозможно ни “остановить немцев”, ни предотвратить “бессмысленные восстания”»²³⁴. Поэтому у либеральной части общества не было «строго продуманного плана действия»: «атаки на правительство» не носили последовательного характера, а «шаги были противоречивы». Таким образом, либеральная общественность находилась «в заколдованном круге колебаний между поддержкой власти и ее штурмом, между успокоением стихии и ее возбуждением»²³⁵.

Спорным местом в историческом дискурсе были значения, связанные с личностью Николая II. С.П. Мельгунов дал читателям свою интерпретацию исторических событий тех лет. В концепции автора после первых военных неудач в 1915 г. верховная власть под давлением «со стороны общественности» «шла боле или менее на уступки». Постоянную смену министров как раз и можно объяснить уступками верховной власти, «правда не достигших целей и часто неудачных по существу»²³⁶. Разрыв между властью и обществом углублялся по мере нарастания болезненной мистики, окружавшей царскую чету. По мнению Мельгунова, мистика особенно привлекала царицу, одним из проявлений которой была «вера в человека», в частности, в силу Распутина. Однако политическое влияние «Друга» на исторический ход развития событий было «сильно преувеличено». Во-первых, «далеко не всегда» император «послушно следовал указаниям» Распутина. Во-вторых, не малая доля вины лежит и на самом обществе, оценивавшего действия верховной власти и царской семьи. Например,

---

²³⁴ Там же. С. 82.

²³⁵ Там же. С. 89.

²³⁶ Там же. С. 95.

в годы войны у Николая II не было чувства «отталкивания от Думы», стремившейся встать на пути его самодержавия. Но «в посещении царем Думы увидали только “маневр”, внушенный Распутиным»²³⁷. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что Александра Федоровна, «с болезненной уже мнительностью», «видела в общественной оппозиции только стремление дискредитировать все, что близко к царской семье»²³⁸.

Постепенно «нравственный престиж» монархии «был разрушен» Распутиным, а «безответственное слово» «измена», брошенное П.Н. Милюковым 1 ноября 1916 г., «разрушало последний национальный авторитет царского имени»²³⁹. «Штурмовой сигнал» лидера партии кадетов автор склонен интерпретировать иначе, чем лидер прогрессивного блока. С.П. Мельгунов объяснял решительный шаг Милюкова тем, что последний «был в действительности очень далек от мысли о возможности близкой революции. Угроза “революцией” для него была только средством воздействия на власть...»²⁴⁰.

Таким образом, работы С.П. Мельгунова были посвящены развенчанию тех основных мифов, которые господствовали в русском зарубежье. При этом автор был очень осторожен в своих оценках, зачастую занимая срединную позицию. Однако нельзя сказать, что после выхода в свет работы Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту...» мифы окончательно исчезли. Напротив, дискурс 1930-х гг. наполнен трудами авторов, создающих определенный образ власти и ее правителя в глазах читателей, а создание образа никогда не обходится без искажений, преувеличений и красок, не всегда имеющих общего с действительностью.

---

²³⁷ Там же. С. 103.

²³⁸ Там же. С. 102.

²³⁹ Там же. С. 116.

²⁴⁰ Там же. С. 120.

Глава 2. Революционный процесс после Февраля 1917 года в историческом дискурсе русской эмиграции

Параграф 2.1. Проблема двоевластия в трудах авторов русского зарубежья

Февраль 1917 г. открыл новую страницу в отечественной истории. Все те, кто, либо пассивно, а кто и с радостью, приняли отречение Николая II и падение монархии, вынуждены были потом, продолжая свою жизнь в изгнании, на страницах работ, рассчитанных на широкую аудиторию, попытаться выстроить единую модель революционного процесса с марта по октябрь 1917 г. Проблемные вопросы, заостренные революцией и пути их решения, встали в центре внимания русского зарубежья. Однако политические взгляды соотечественников, а также некоторые ключевые моменты, о которых речь пойдет ниже, помешали создать единую версию исторических событий 1917 г. Одной из первых проблем, родившейся еще в период осуществления Февраля 1917 г., был вопрос о двоевластии, от ответа на который зависело решение других вопросов.

При анализе проблемы двоевластия на первый план выдвигался вопрос о влиянии того или иного политического учреждения на ход исторических событий, а также причины падения авторитета правительственной власти. В концепции монархиста П. Васильева Временное правительство в течение 1917 г. не имело «никакого влияния на ход событий», поэтому двоевластия в стране, практически, не существовало. Для закрепления этого значения автор прибегает к сравнению: «обращение (*Милюкова и Родзянко* – курсив мой – Д.П.) к народу – “граждане” – звучало натянуто, тускло и фальшиво, тогда как обращение Керенского, Чхеидзе и других социалистов – “товарищи” – раздавалось смело, громко и горделиво и находило яркий отклик в толпе. И мудрено ли, что Милюков и Родзянко все более тщательно прятались за спины Керенского, Чхеидзе и других “товарищей”, пока эти “товарищи” не стали стыдиться общества г.г. “общественных деятелей”

дореволюционного периода...»²⁴¹. Следствием этого стало то, что «буржуазные элементы» довольно быстро «уступили свое место» представителям революционной демократии, а после того как коалиционное Временное правительство сменилось «однородным социалистическим кабинетом», тогда «“народное правотворчество” в области социализма пошло гигантскими шагами к своему логическому концу – ленинскому коммунизму»²⁴².

Другое «значение» попытался зафиксировать М.В. Родзянко. Председатель Государственной Думы ставил в укор Временному правительству то, что оно «слишком преувеличивало значение своей популярности, силы и влияния» в стране и «не учло» того факта, что революционно настроенные элементы не были готовы «предоставить всю полноту власти Временному Правительству», а намерены были атаковать его. Кроме того, Временное правительство не только «проявило слабость и бесхарактерность, не сумело справиться с этим двоевластием и подчинить себе, своей верховной власти, все оттенки политической мысли»²⁴³, но и «чутко прислушивалось к мнениям и прениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», «обнаружив сильный крен в его сторону».

Не оставались в стороне от этой проблемы и левые авторы. Например, Г.И. Кваша, затрагивая проблему двоевластия, рассматривал ее через анализ структуры Временного правительства. Именно в ней он видел причину слабости государственного учреждения. Новое правительство было парадоксально как по форме, так и по содержанию: «формально совершенно независимое, оно фактически находилось в полной зависимости от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов»²⁴⁴. К тому же кабинет князя Львова, как и кабинет Керенского, являлись «коалиционными по форме, некоалиционными по существу». Исходя из политических и классовых соображений, автор полагал, что работа кабинета князя Львова была бы продуктивнее, если бы он изначально «был составлен из

---

²⁴¹ Васильев П. Первые дни революции // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 2. С. 88.

²⁴² Там же. С. 88.

²⁴³ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 48.

²⁴⁴ Кваша Г.И. Очерки русской революции. Нью-Йорк, 1919. С. 62.

более левых элементов»: «социалисты-министры», позволяя бы себе большую самостоятельность, не опасались бы обвинений в контрреволюционности, а «демагогические нападки» представителей крайне левых взглядов оставались бы без внимания; в то же время, Совет Рабочих Депутатов, как и массы в целом, «не относились бы с такой подозрительностью» «к своим людям», возглавляющим правительственную власть. Кабинет князя Львова, не укрепляя своего положения в стране, «шел на поводу» у Совета, в результате чего «громкая страна», которую он «формально представлял», оставалась «без центральной власти» и в скором времени начала «обнаруживать явные признаки распада».

Таким образом, к началу 1920-х гг. в историческом дискурсе русского зарубежья были зафиксированы основные значения, вытекавшие из критики правительственной власти, которые были развиты и дополнены позже: слабость Временного правительства и влияние Совета, представляющего интересы широких слоев населения, которые объяснялись представителями русской диаспоры по-разному. Однако борьба между двумя учреждениями пока еще не показывалась.

Большой вклад в разработку темы внес П.Н. Миллюков. Он одним из первых попытался показать революционный процесс 1917 г. через призму борьбы между двумя институтами власти. Лидер партии кадетов, исходя из тех же соображений, что и предшествующие представители русской эмиграции, объяснял причины давления и контроля Совета рабочих и солдатских депутатов над Временным правительством. В концепции автора, Совет отталкивался от общепризнанного догмата марксизма, утверждающего, что «в настоящее время возможна только “буржуазная”, а не социалистическая революция», следовательно, революционная демократия должна контролировать деятельность буржуазного правительства, не давая ему «препятствовать организационным задачам “демократии”». Однако, подчеркивает Миллюков, программа и задачи Временного правительства «были надпартийные, общие всем партиям», не защищающие чьи-либо одни, классовые, интересы. Родившаяся в Совете формула «постольку-поскольку» (революционная демократия будет поддерживать правительственную власть постольку, поскольку

политика Временного правительства не будет противоречить интересам Совета) была для новой власти не опасна, т.к. Временное правительство не собиралось «изменять своей программе, а напротив, убежденно и добросовестно ее осуществляло»²⁴⁵.

Лидер партии кадетов одним из первых показал способ, с помощью которого Совет оказывал давление на правительственную власть, а также итог его воздействия. С первого дня революционного процесса в Совете были представители, которые не доверяли Временному правительству, желая на него воздействовать и осуществлять те или иные требования «революционной демократии». Для этой цели была создана Контактная комиссия, значительная часть пожеланий которой, по версии историка, удовлетворялась. Только некоторые просьбы были отклонены, в частности, «требование об ассигновке 10 миллионов на нужды демократических организаций»²⁴⁶.

Принимая во внимание исторический дискурс, П.Н. Милуков не мог не ответить на ту критику, которой подвергались действия правительственной власти. Лидер партии кадетов предложил свою версию объяснения того, почему Временное правительство не смогло разрешить обострившиеся в стране проблемы. И виной тому на начальном этапе революционного процесса в период с марта по октябрь 1917 г. была не столько деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов, сколько то, что перед Временным правительством встал вопрос о местной системе управления, «от решения которого зависел весь дальнейший ход революции»²⁴⁷. В начале революционного процесса систему старого административного аппарата заменили «местные “комитеты”, “советы” и другие организации из представителей общественных элементов». Представители местной власти требовали от центра «однообразных деректив», но министерство внутренних дел, в лице князя Г.Е. Львова, придерживалось другого мнения, относя подобного рода заявления «к старой психологии», и предлагало, чтобы население само, без участия центра, выбрало на местах своих представителей.

---

²⁴⁵ Милуков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 66.

²⁴⁶ Там же. С. 67.

²⁴⁷ Там же. С. 60.

Сложившаяся в министерстве внутренних дел позиция привела «к систематическому бездействию... ведомства» и вела к санкционированию революционного правотворчества. «Население» страны, «предоставленное самому себе» и полностью «лишенное защиты со стороны» центра, неизбежно вынуждено было «подчиниться управлению партийных организаций, которые приобрели в новых местных комитетах могучее средство влияния и пропаганды определенных идей, льстивших интересам и инстинктам масс, а потому и наиболее для них приемлемых»²⁴⁸.

Помимо этого, захват власти «социалистическими партиями», которые стремились «организовать “демократию”» с целью «осуществления своих партийных лозунгов», мешали Временному правительству проводить в жизнь намеченную им программу. Для Исполнительного Комитета Совета правительственная власть была «главной мишенью». Таким образом, в кадетской версии революционного процесса 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов постоянно оказывал давление на Временное правительство. Так, в повествовании П.Н. Милюкова, до уличного апрельского выступления Совет «хотя бы номинально», но «признавал *над собой*» правительственную власть. Производимый им «”контроль” и “давление”» на Временное правительство «были фактическими, но не обоснованными на праве». Правительственная власть же воспринимала Совет как «”поддержку” влиятельной, но все же частной организации». Однако сразу после апрельских событий выяснился условный характер поддержки Совета, укладывающийся в формулу «постольку-поскольку». Однако автор на страницах своего труда отрицал подготовку народного движения Советом в апреле 1917 г., т.к. он предпочитал только оказывать «давление», а не «занимать место правительства»: для руководителей совета лозунг «Долой Временное Правительство» «был неприемлем», поэтому и винить их в движении не приходится.

Как видно из вышесказанного, при первом составе Временного правительства борьба велась между Советом и правительством, однако, в период

---

²⁴⁸ Там же. С. 61-62.

правления коалиционной власти, борьба происходит уже между Советом и Петроградскими рабочими организациями. В этой борьбе Временное правительство «оттесняется на второй план». Под сильным воздействием «слева», «вожди Совета» окончательно перестают считаться с ним: Совет продолжал «распоряжаться по своему усмотрению» петроградским гарнизоном; «постановления Съезда Советов... становятся выше не только административных органов, но даже и судебной власти»²⁴⁹. Правительственная власть «начинает просто контрассигнировать намеченные им (*Советом* — курсив мой — Д.П.) меры». В концепции автора, практически осуществился переход власти от министерства к Совету, который «оказывается бессильным применить свою власть к единственной грозящей ему серьезной опасности слева». Важно отметить тот факт, что в новых исторических реалиях поменялись причины неудач Временного правительства: новая коалиционная власть столкнулась с тем, что претворению в жизнь их идеалов мешала не злая воля «буржуазной власти», а действительность. Кроме того, «безответственные элементы интеллигенции», а вместе с ними и «толпа», всегда критикующие любую власть, стали наносить свои удары коалиционному правительству.

Таким образом, лидер партии кадетов значительно обогатил исторический дискурс русского зарубежья. Помимо того, что автор представил свой взгляд на проблему двоевластия, пытаясь зафиксировать новые значения (в частности, борьбу между двумя институтами власти), труд П.Н. Милюкова расширил дискурс. Это произошло за счет того, что лидер партии кадетов перешел от констатации авторской позиции (что было характерно до него) к анализу проблемы. Новая модель повествования и подачи материала проявилась в детализации исторического процесса, привлечении исторических источников, объяснении различного рода явлений (причем одно и то же явление могло интерпретироваться по-разному в зависимости от описываемого хронологического периода). Все это способствовало тому, что вектор революционного процесса 1917 г. усложнился.

---

²⁴⁹ Там же. С. 164.

Дальнейшие работы русского зарубежья стали вносить некоторые нюансы в разработку проблемы. Тему борьбы двух институтов власти вслед за П.Н. Милюковым развил П.Я. Рысс, полагавший, что в февральские дни было создано Временное правительство, «одновременно» с которым возникло, «по образцу 1905 года», еще одно, «параллельное» ему, правительство — Совет рабочих и солдатских депутатов. Говоря о двоевластии, автор показал этапы возрастания влияния Совета на страну по мере развития революционного процесса 1917 г. Усиление роли Совета происходило в силу «двух причин». С одной стороны, Совет входили лица рабочих, крестьян и армии, «что придавало ему характер выражения и воли народа»²⁵⁰. С другой стороны, «желая руководить страной» и составить себе прочную и надежную опору, Совет «давал» массам «ряд широких обещаний», не осознавая той ответственности, которую он брал на себя. Со временем стало ясно, что совместная работа представителей либеральных и социалистических течений долго не продлится, т.к. Совет, представляющий собой «говорливое и безответственное собрание», вскоре «съест молчаливое и доктринерское правительство». Однако Временное правительство, уважающее права и свободу человека, «было слабо и неэнергично» в своих действиях.

Важно отметить тот факт, что в отличие от Милюкова, П.Я. Рысс приписывал организацию «похода» против Временного правительства Совету, который «сверг» министра иностранных дел, приведя лозунг «долой Милюкова» в исполнение. В начале 1920-х гг. представители русской эмиграции в своих трудах стали наиболее точно указывать момент, когда Временное правительство окончательно утратило влияние в стране. Так, в концепции П.Я. Рысса после апрельского кризиса власть в России стала целиком принадлежать Совету, не только «назначавшему министров», но и «руководившему правительством».

Основываясь на двух вышерассмотренных работах, можно сделать вывод, что авторы русского зарубежья попытались зафиксировать новые «значения» в историческом дискурсе: борьбу между двумя институтами власти, а также своеобразную роль апрельского кризиса власти, основной итог которого сводился

---

²⁵⁰ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 57.

к утрате влияния в стране власти Временного правительства. Однако некоторые из этих значений попытались оспорить другие представители русской эмиграции. В частности, в труде неизвестного автора «Временное правительство...»²⁵¹ была поставлена под сомнение борьба двух институтов власти. Проводя свой «опыт анализа» через призму психологии, публицист фокусировал свое внимание на проблеме «соглашения», произошедшего между правительственной властью и Советом рабочих и солдатских депутатов. Так, в авторской концепции Временное правительство «приняло власть “по соглашению”» с депутатами из Совета, «смысл» которого «сводится к простому дозволению со стороны» советской демократии. Члены правительства, «предоставленные сами себе, испугавшиеся за себя» и оказавшиеся «в водовороте, извратившем сразу все перспективы», не решили идти на конфликт, а выбрали «соглашение» с вождями Совета, в которых еще «вчера» «бросали» «обвинения и упреки». «Эту психологию» учли и «оценили... по достоинству» руководители Совета, которые тотчас же «поставили» свои «условия» таким образом, что «каждое принимаемое» правительственной властью «условие рождало несколько новых». Поэтому «борьбы» между Временным правительством и Советом «не было», но «состоялось “соглашение”».

Несмотря на вышесказанное, автор не оспаривал другого значения. По версии публициста, первый острый конфликт между двумя институтами власти произошел после опубликования ноты министром иностранных дел П.Н. Милюковым. Текст ноты окончательно «вывел из себя» «трудовую демократию», которая под «гарантиями и санкциями» увидела противоположное «аннексиям и контрибуциям». 20 апреля 1917 г. Временному правительству предложено было провести заседание с Исполнительным Комитетом Совета. «Результатом» переговоров «явилось “разъяснение”» Временного правительства, смысл которого сводился к уступке в пользу Совета, обращая последний «в глазах широких народных масс населения, в единственный источник власти». Этот, благоприятный для Совета, факт «трудовая демократия» стремилась быстро

---

²⁵¹ Временное правительство (опыт анализа) // Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 7-61.

закрепить, выпустив ряд статей. Так Совет рабочих и солдатских депутатов окончательно подмял под себя Временное правительство.

Значение борьбы между двумя институтами власти, которое попытались зафиксировать П.Н. Милюков и П.Я. Рысс, было опровергнуто левыми авторами, наиболее активно начавших публиковать свои труды в начале 1920-х гг. Во многом исходя из политических и классовых соображений, эта часть русской эмиграции представила свою версию исторических событий тех дней. При разработке моделей революционного процесса 1917 г. эсеры, меньшевики и анархисты исходили из убеждения, что политическая линия либералов не только не соответствовала грозным вызовам времени, но и не находила поддержки у народных масс. Поэтому борьба между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов в трудах, как правило, не показывалась, т.к. последний, представляющий интересы страны, был могущественнее правительственной власти. Показательным примером будут служить работы Е.А. Сталинского. По его мнению, мартовская революция отодвинула либеральные партии «на задний план», выдвинув на авансцену партии социалистов. И чем быстрее шло развитие революции, тем все дальше от авансцены политической жизни отдалялись либералы. В этом факте автор статьи усматривал «непреодолимую логику истории»: «бурные волны революции выносили на гребне своем партии труда и социализма, программы которых, рассчитанные на революцию, более соответствовали ее властным требованиям»²⁵². Крах либерализма в 1917 г. заключался в том, что либеральная тактика и программа «была приспособлена к царскому режиму и рассчитана на его эволюцию»²⁵³. Она не олицетворялась «с вековыми требованиями и чаяниями народа», и поэтому была «чужда массам»: разрешить «грозные проблемы», обостренные самодержавием и поставленные второй русской революцией, было уже не под силу либералам.

---

²⁵² Сталинский Е.А. Кому принадлежит будущее // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 3. С. 1.

²⁵³ Там же. С. 1.

Не так категорично, как у Е.А. Сталинского, но в том же ключе рассматривалась проблема двоевластия эсерами в Меморандуме²⁵⁴ их партии. По мнению авторов, тайные социалистические организации, преобразуясь в «открытые политические партии», быстро становятся «властительницами дум» населения», и поэтому были вынуждены разделять ответственность «за ход дел» в государстве с Временным правительством. Социалистические партии в коалиционном правительстве «пробовали проводить свою политику». Однако коалиция с цензовыми элементами оказалась недолгой: переустройство страны на федеративных началах, проведение аграрной реформы и скорейший выход России из войны встретил «упорное сопротивление» буржуазии, парализовавшее деятельность всего правительства.

Между тем в первой половине 1920-х гг. на стороне центристов по вопросу существования в стране двоевластия оказались представители, принадлежащие к военным кругам. Наличие в стране двоевластия в период с марта по октябрь 1917 г. было признано А.И. Спиридовичем в работе «История большевизма в России...»²⁵⁵ констатировавшего, что первый конфликт между двумя институтами власти разгорелся во второй половине апреля 1917 г., которым незамедлительно воспользовались большевики. И только энергичные действия Совета смогли положить конец уличному выступлению. Начиная с лета 1917 г. ситуация изменилась: постоянная критика правительственной власти, исходящая со стороны социал-демократов, сильно дискредитировало учреждение в глазах общества. Слабость и бессилие правительственной власти показывалась автором через тот факт, что во время июльского кризиса власти именно Совет пытался справиться с большевистской авантюрой, а не Временное правительство. Дальнейшие события и ухудшение внутривластной ситуации в стране окончательно дискредитировали Временное правительство в глазах населения, сведя его роль и влияние в России практически к нулю.

---

²⁵⁴ Заграничная делегация П.С.Р. Зензинов, Рубанович, Русанов, Сухомлин, Чернов. Меморандум Заграничной Делегации Партии Социалистов-Революционеров // Революционная Россия. Берлин, 1922. № 19. С. 1-11.

²⁵⁵ Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883-1903-1917 гг. Париж, 1922.

Таким образом, А.И. Спиридович, констатируя двоевластие, не показывал борьбу между правительственной властью и Советом рабочих и солдатских депутатов, т.к. вектор борьбы разворачивался между двумя институтами власти и большевиками. Альтернативную версию развития революционного процесса 1917 г. попытался представить в 1925 г. генерал П.И. Залесский в работе «Возмездие. (Причины русской катастрофы)»²⁵⁶, где автор утверждал, что с первых дней Февральской революции «образовалось самозванное учреждение, именовавшееся “Совет солдатских и рабочих депутатов”», которые незамедлительно «сделались *фактическими* управителями страны». В сложившейся ситуации Временное правительство стало «только декорацией, ширмой, за которой всеми делами управляли господа “советчики”»²⁵⁷. Последние устремились «по всей стране» создавать «такие же “советы”» с целью организации «на местах преданных исполнителей их “повелений”». Помимо агитации, захлестнувшей Россию, «началась... смена всех властей, захват казенного имущества и решительное тяготение к казенным денежным сундукам»²⁵⁸. На решительные действия, которые смогли бы прекратить деяния Совета, Временное правительство не было способно.

Стоит отметить тот факт, что пытаясь зафиксировать определенные значения в историческом дискурсе, правая часть русской диаспоры в исследуемый период времени исходила из тех же соображений, что и левая. Показательным примером будет служить работа М.К. Дитерихса, полагавшего, что в конце февраля 1917 г. на политической арене самочинно выступили две революционные организации. Члены Государственной Думы, «принимая на себя распорядительную власть», не смогли угадать «настроения народа», а после Февраля 1917 г. их деяния «не отвечали желаниям народа». Еще в момент свершения Февральской революции 1917 г. «думские руководители», осознав свое бессилие перед разразившимися событиями, «для спасения “своей революции” и сохранения “своего первенства”» вынуждены были «идти на

---

²⁵⁶ Залесский П.И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925.

²⁵⁷ Там же. С. 212.

²⁵⁸ Там же. С. 212.

соглашательство с народными руководителями на известных компромиссных условиях». С этого момента «они вступили на первую ступень лестницы непоследовательности и противоречия между словом и делом, проявившихся затем во всей последующей их деятельности»²⁵⁹.

Как видно из вышесказанного, представители, принадлежащие к военным кругам, признавали наличие двоевластия в стране. Однако они не были солидарны по вопросу борьбы между этими двумя учреждениями. Между тем многие авторы показывали причины и этапы падения популярности правительственной власти в стране, что свидетельствовало о сложности и динамичности развития вектора революционного процесса 1917 г. Это явилось характерной чертой дискурса 1920-х гг., которая отличала его от того момента, когда он только зарождался.

Если обратиться к трудам монархистов, то оценка деятельности и роли Временного правительства в политической жизни страны в их исторических версиях начала 1920-х гг. не изменилась по сравнению с работами, увидевшими свет на стадии зарождения дискурса. Так, например, С.Н. Дурасович, написавший свою работу под псевдонимом Ювенал в 1921 г., полагал, что Временное правительство явилось фикцией и жалкой игрушкой в руках петроградского совета рабочих и солдатских депутатов²⁶⁰. Это видно по деятельности новой правительственной власти, чьи акты «носят характер произвольных распоряжений, которые сегодня издаются, а завтра отменяются, не внося решительно ничего в жизнь страны»²⁶¹.

Подобные суждения можно было встретить и у монархиста Экли: «комитет Государственной Думы и едва успевшее народиться Временное Правительство с места же утратили всякое значение и были вынуждены в каждом своем выступлении считаться с волею “пролетариата”, представители которого,

---

²⁵⁹ Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. М.: Дарь, 2006. С. 503.

²⁶⁰ Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 13.

²⁶¹ Там же. С. 14.

завладевшие и помещениями самой Думы, оказались более решительными и сильными»²⁶².

Солидарен с Экли был Ю.М. Одинзгоев, полагавший, что уже во время Февральской революции 1917 г. представители Государственной думы «ни одного мгновения» не обладали властью, которая сразу же «оказалась узурпированной» «самочинно» организовавшимися представителями Совета. Временное правительство, с первых дней своего образования, сделалось «марионеткой в руках более активного, действительного правительства, быстро сконструировавшегося “Совета рабочих и солдатских депутатов”», который «не раз и не два давал понять Временному Правительству, что оно терпимо постольку, поскольку идет на поводу у “революционного пролетариата”»²⁶³.

Таким образом, в трудах монархистов наличие двоевластия признавалось, однако борьбы между двумя институтами власти не наблюдалось, т.к. Временное правительство, в исторических версиях монархистов, с первых дней своего существования не обладало влиянием и силой, следовательно, не пользовалось популярностью в стране. Более того, сама правительственная власть полностью подпала под влияние Совета рабочих и солдатских депутатов, который целиком подчинил ее себе. Подобного рода оценка у правого крыла русского зарубежья, скорее всего, проистекала из неприятия Февраля 1917 г., поэтому вполне закономерно, что та власть, которая была повинна в свержении монархии, автоматически попадала в немилость. В этом сказались те основные значения, которые зафиксировали и отстаивали монархисты в своих работах.

По мере развития исторического дискурса менялись его некоторые компоненты. Так, в 1925 г. Е.А. Сталинский, выбирая новую модель исторического нарратива, решил предложить читателям совершенно новые значения, пытаясь рассмотреть проблему через призму борьбы не двух институтов власти, а двух социально-политических течений: либерализма и социализма. В соответствии с его точкой зрения, программа либерализма,

---

²⁶² Экли. Из недавнего прошлого. (Историческая справка) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 174.

²⁶³ Одинзгоев Ю.М. В дни царства антихриста. Сумерки христианства. Б.м., 1923. С. 19.

приспособленная к самодержавию, менее всего отвечала социальному содержанию и радикальным лозунгам 1917 г., поэтому революционный процесс «менее всего» мог «подпасть под идеологическое влияние либерализма». Следовательно, «социализм и сделался идеологией русской революции»²⁶⁴ даже не столько потому, что «социалистические партии были единственной революционной силой в стране», а по причине восприимчивости масс «к социалистической пропаганде». Не умевший справиться с решением «революционных задач» либерализм «был отброшен на второй план».

Анализируя события лета 1917 г., Е.А. Сталинский пытался зафиксировать новые значения. По его мнению, когда социализм, наиболее полно отражающий социальные интересы активных сил революции (пролетариата, крестьянства и демократической интеллигенции), стал играть ведущую роль в революционном процессе 1917 г., тогда либеральные партии начали сразу сливаться «с крупно-капиталистическими кругами», становясь не только их «политическими вождями», но и «в оппозицию к революции». Автор констатировал, что коалиция была лишь ширмой, прикрывавшей яростную борьбу, происходившую в стране между цензовиками и социалистами²⁶⁵. Самую идею белой авантюры и частичное финансирование корниловского мятежа Е.А. Сталинский приписывал торгово-промышленному классу и некоторым лидерам партии кадетов. Поэтому накал политических страстей пришелся не на апрель 1917 г., как у предшествовавших до него представителей, а на конец лета того же года. Интересно отметить тот факт, что автор намеренно не говорил о «двоевластии» и не вводил этот термин в своей работе, выбрав именно такой ракурс для раскрытия проблемы. Это объясняется тем, что Е.А. Сталинский характеризовал создавшееся положение следующим образом: «социалисты отказывались принять власть, теоретически считая, что программа революции может быть только буржуазной, – буржуазия не могла встать во главе революции, потому что фактически требования

---

²⁶⁴ Сталинский Е.А. Пути революции. Прага: Воля России, 1925. С. 119.

²⁶⁵ Там же. С. 122.

революционных масс угрожали ее классовому господству и потому что она не была революционна»²⁶⁶.

Пересмотреть некоторые положения и внести поправки в свою концепцию, тем самым обогатив исторический дискурс, решил П.Н. Милюков. Спустя десять лет после свершения роковых событий лидер партии кадетов представил широкой публике еще один капитальный труд. Если сравнить работу «История второй русской революции» с трудом «Россия на переломе», то можно заметить, что Милюков в своей последней работе перестал рассматривать революционный процесс 1917 г. через призму борьбы двух институтов власти, поскольку автор стал отталкиваться от тезиса, согласно которому до создания коалиционного правительства «“двоевластия” еще не было»²⁶⁷. Отсюда вытекал тот факт, что во время Февральской революции левые партии были «совершенно неподготовленными, чтобы взять власть» в свои руки. Поэтому они вынуждены были ограничиться определенной «степенью контроля и “давления” над “буржуазным” временным правительством».

Важно отметить то, что если в начале 20-х гг. прошлого столетия автор интерпретировал «давление» и «контроль» Совета над Временным правительством, как один из элементов борьбы, то теперь, не отказываясь от этих значений, П.Н. Милюков стал подавать их читателям в другом свете. Новую интерпретацию фактографического материала можно объяснить тем, что то значение (в частности, борьба между двумя институтами власти), которое лидер партии кадетов пытался зафиксировать в русском зарубежье, по мере развития дискурса оказалось трудно закрепить. Исходя из этого П.Н. Милюков, позднее, вынужден был сгладить элемент борьбы. Остальные основные положения концепции остались прежними.

В 30-40-х гг. XX столетия в историческом дискурсе наметились новые тенденции. Однако этому влиянию были подвержены не все работы представителей русского зарубежья. Например, позиция монархистов на

---

²⁶⁶ Там же. С. 149.

²⁶⁷ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 48.

исследуемую проблему не изменилась даже в этот промежуток времени: их работы продолжали транслировать прежние значения. Достаточно обратиться к работе С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II», где можно встретить такую цитату: «фактическая власть принадлежала крайним левым: Суханов и Стеклов были могущественнее, чем Родзянко»²⁶⁸. Следовательно, проблема двоевластия намеренно не разрабатывалась. Несмотря на то, что эта фраза относится к февралю-марту 1917 г., нет сомнений, что сила Совета распространялась не только в первые дни революции, но и на протяжении всего революционного процесса 1917 г.

Большой вклад в разработку исторического дискурса внесла работа А.Ф. Керенского «Политика Временного Правительства»²⁶⁹. Уже по названию статьи видно, что революционный процесс 1917 г. будет подаваться через призму политической линии правительственной власти, которая в труде автора была показана положительно. Керенский очень пафосно характеризует деятельность правительственной власти первого состава, который «разработал великую аграрную реформу..., подготовил положение о самоуправлении земств и городов на основе всеобщего избирательного права..., ввел 8-ми часовой рабочий день на всех казенных заводах..., выработал основы избирательного закона для Учредительного Собрания и т.д. И всю эту грандиозную законодательную работу..., “буржуазное” Временное Правительство выполнило вне всякого давления со стороны советской демократии»²⁷⁰.

Положительная оценка деятельности правительственной власти в 1917 г. породила волну работ, пересматривающих позицию А.Ф. Керенского. Показательным примером будет служить работа В.М. Чернова «Рождение революционной России...», в которой политика и сила первого состава Временного правительства характеризовались следующими словами: «оно

---

²⁶⁸ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. С. 633.

²⁶⁹ Керенский А.Ф. Политика Временного Правительства // Современные записки. Париж, 1932. Т. L. С. 403-424.

²⁷⁰ Там же. С. 418.

продержалось всего два месяца и не оправдало ничьих надежд»²⁷¹. Таким образом, основной тезис А.Ф. Керенского был подвергнут критике.

Продолжая анализировать работу В.М. Чернова, следует отметить, что в отличие от трудов монархистов, автор склонен был объяснять слабость Временного правительства тем, что в момент свершения февральской революции «думские деятели» не могли влиять на ход исторических событий, поскольку не обладали всей полнотой власти. Несмотря на это, антагонизма между властью и обществом в первое время не существовало: «всенародный энтузиазм по случаю падения старого режима был так велик, что преемники его у государственного руля буквально были окачены целым ливнем приветственных телеграмм, говоривших о доверии, о поддержке...»²⁷².

Однако ситуация менялась по мере развития революционного процесса. Этому способствовал, с одной стороны, тот факт, что первый состав Временного правительства «был явным анахронизмом», т.к. «был... наскоро слаженной переделкой сданного историей в архив проекта “правительства Его Величества”»²⁷³. Стоит заметить, что это значение уже было зафиксировано эсерами на самой ранней стадии развития исторического дискурса (в частности, подобные рассуждения можно встретить у Г.И. Кваши, опубликовавшего свою работу еще в 1919 г.). С другой стороны, в решении многих вопросов «правительство обнаружило бесхарактерность и медлительность, поистине загадочную». Показательным примером можно считать реакцию власти на требование рабочих ввести восьмичасовой рабочий день. В то время как члены правительства предпочли «остаться пассивными наблюдателями», Совет «безболезненно» разрешил рабочий вопрос, что «доставило Совету небывалую популярность в рабочей среде и надолго укрепило его авторитет»²⁷⁴. В этом случае подобного рода интерпретация исторических фактов для полемике была новой.

---

²⁷¹ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 337.

²⁷² Там же. С. 341.

²⁷³ Там же. С. 329.

²⁷⁴ Там же. С. 296.

Повествуя о Совете рабочих и солдатских депутатов, автор выделял несколько причин, почему представители «советской демократии» не отважились в те минуты взять власть. В роковые дни 1917 г. Совету «не хватало программного единодушия», а многие его члены были не только «абсолютно незнакомы с техникой государственного управления и аппаратом его», но и находились «в далеком изгнании», были «для широкого общественного мнения загадочными незнакомцами»²⁷⁵. Поэтому представители Совета предпочли «свалить» «обузу власти» «со своих плеч на плечи цензовиков». Продержавшись два месяца Временное правительство «не оправдало ничьих ожиданий», а сам революционный процесс проходил «мимо него».

Стандартный набор определенных значений можно найти в работах авторов, занимающих крайние левые позиции. В то время наиболее полно проблема двоевластия в анархической среде за рубежом была представлена В.М. Волиным. Исходя из политических и классовых позиций, автор полагал, что сформированное Временное правительство было «откровенно буржуазным и консервативным», в планы которого входило то, что оно «сможет использовать переходный период» между свержением самодержавия и созывом Учредительного Собрания с тем, чтобы «успокоить, привести к дисциплине и повиновению народные массы, если они вдруг проявят слишком горячее желание выйти за предначертанные новой властью пределы»²⁷⁶. После этого необходимо было «при помощи закулисных маневров обеспечить “нормальные” выборы в Учредительное Собрание», для создания в дальнейшем буржуазной власти. Поэтому Временное правительство не было готово решать те вопросы, которые встали на повестке дня.

Эта мысль иллюстрировалась автором рядом примеров, в частности решением власти аграрного и рабочего вопросов. Несмотря на то, что подобный прием для исторического дискурса был уже не новым, тем не менее, он способствовал его усложнению. По мысли Волина, на протяжении длительного

---

²⁷⁵ Там же. С. 245.

²⁷⁶ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ Праксис, 2005. С. 93.

времени, крестьяне стремились владеть землей, а революция сделала это желание «неодолимым». Временное правительство выбрало в этом вопросе «тактику выжидания», полагая, что «ловкими и хитроумными маневрами сумеет все уладить»²⁷⁷. Призывы новой власти «потерпеть и дожидаться Учредительного Собрания» не имели шансов на успех и «оказались напрасными». Рабочий вопрос ожидала та же участь: в ходе революции рабочие массы желали приобрести «максимум благосостояния и прав». Естественно, что Временное правительство стремилось «свести их права к минимуму». Таким образом, определенный политический курс и медлительность правительственной власти автор склонен был объяснять классовой природой ее членов, а решение Временным правительством крестьянского и рабочего вопроса выступали в дискурсе в роли аргументов, подтверждающих авторское положение о том природе и намерениях правительственной власти.

Между тем, по мнению В.М. Волина, самым серьезным препятствием для Временного правительства стало «возрождение рабочих Советов». Программы и идеология Советов сильно различались, а зачастую и вовсе «противоречили проектам» правительства, поэтому между ними «возникло соперничество». Однако автор, показывая наличие двоевластия в стране, отказывался признавать борьбу между ними: «правительству пришлось... терпеть своего грозного соперника и даже “заигрывать” с ним»²⁷⁸. Пытаясь объяснить тот факт, что Временное правительство не принимало решительные действия против Совета, автор предлагал свою собственную интерпретацию событий тех дней. Правительственная власть могла бы предпринять кардинальные меры против Совета, но вести открытую борьбу с «организованными рабочими» сразу же после февральской революции, (т.е. тогда, когда уже была провозглашена полная свобода слова, организации и общественной деятельности) Временному правительству «было невозможно».

---

²⁷⁷ Там же. С. 97.

²⁷⁸ Там же. С. 98.

Важно отметить то, что В.М. Волин, анализируя кризисы правительственной власти, отказывался выделять узловой момент революционного процесса. Этот факт, скорее всего можно объяснить тем, что автор изначально исходил из убеждения, что между двумя институтами власти отсутствовала борьба. Согласно его мнению, вскоре Временное правительство первого состава наглядно «продемонстрировало свое смехотворное и гибельное бессилие»²⁷⁹: оно «виляло», «колебалось» и «тянуло» с разрешением всех насущных проблем в стране. Нарастало всеобщее недовольство и критика власти. Уже через два месяца, 6 мая 1917 г. на смену ему пришло коалиционное правительство с участием социалистов. Опираясь на буржуазию, Временное правительство второго состава не было способно решить «все более углубившиеся проблемы», вследствие чего оно подверглось «мощным нападкам слева» и вскоре («2 июля») уступило место третьему, а затем и четвертому правительствам.

После Второй мировой войны С.П. Мельгунов в работе «Мартовские дни 1917 года» показал иной взгляд на проблему двоевластия. По мнению автора, с первых дней революции, рядом с Временным правительством выросли Советы, которые представлялись в глазах одних, силой враждебной, в представлении других – параллельной правительству. Историк сразу же пытался показать читателям, что излагает события революционного процесса 1917 г. максимально объективно. С этой целью он вводил в текст следующую фразу: «в сознании демократической общественности» господствовало убеждение, что рождение Временного правительства «связано с волеизъявлением двух организаций», которые являлись выразителями интересов «противоположных слоев населения – и капиталистических, и трудовых»²⁸⁰. Таким образом, он сразу отрекся от политических пристрастий и классового подхода при анализе проблемы.

Признавая наличие двоевластия в стране, С.П. Мельгунов задавался вопросом, почему оно возникло. Основную причину этого политического явления

---

²⁷⁹ Там же. С. 99.

²⁸⁰ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 545.

в России в 1917 г. автор видел в том, что Временное правительство, с самого начала революционного процесса, не смогло «занять определенной позиции» в силу «„дефективности“ происхождения революционной власти», – родившаяся «из горнила революции», но в форме, несоответствующей самой революции. Это положение приводило к внутренней неустойчивости политического здания страны. Фигура А.Ф. Керенского, вошедшего в правительство с целью «контроля власти в смысле ее демократичности, давая некоторую иллюзию классового сотрудничества»²⁸¹, еще сильнее «подчеркивало несоответствие» новой власти. Подобного рода конструкция власти в скором времени неизбежно должна была приводить к конфликту «между реальной действительностью и идеологической фикцией»²⁸², что неминуемо вело к двоевластию. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что произрастание двоевластия из «дефективности происхождения революционной власти» являлось общим местом для эсеров, поэтому здесь историк не внес ничего нового, а только в очередной раз подтвердил старое значение.

Позиция автора, изложенная выше, неоднократно иллюстрировалась разными способами решения правительственной властью и Советом рабочих и солдатских депутатов некоторых вопросов, обостренных революцией. Представители русского зарубежья, придерживающиеся левых взглядов, в 30-е годы XX столетия в историческом дискурсе, повествуя о двоевластии или о внутренней политике России 1917 г., особое внимание уделяли решению рабочему и крестьянского вопроса. Это было характерной чертой дискурса того времени. Мельгунов, собирая материал для своего труда еще до Второй мировой войны, не мог не остановиться на тех же моментах, что и его предшественники.

Одно из первых требований, выдвинутых рабочими в начале революционного процесса 1917 г. в столице, было введение восьмичасового рабочего дня. В концепции автора этот лозунг, родившийся «под влиянием» большевистской пропаганды, а «не по инициативе Совета», захлестнул всю

---

²⁸¹ Там же. С. 532.

²⁸² Там же. С. 532.

Россию. Требования сократить рабочий день удовлетворялись либо путем «соглашения с организациями фабрикантов и заводчиков», либо вводились пролетариатом «явочным “революционным порядком”» с санкцией местного Совета. По мысли Мельгунова, действия Совета в урегулировании создавшихся конфликтов трудно квалифицировать как сознательное проявление «самочинного законодательства». Для подтверждения выдвинутого положения автор опирался на исторические источники. В данном случае он воспользовался «формулировкой», возникшей «на одном из московских собраний: “Мы вводим 8-часовой рабочий день... и требуем от Совета раб. деп. вынести резолюцию о его введении, а от Временного правительства поставить свой штампель”»²⁸³. Верховная власть, от которой требовалось «поставить свой штампель», «бездействовала». Это значение («медлительность» Временного правительства), если вспомнить дискурс предшествующих лет, уже было зафиксировано ранее, в частности В. Черновым, и усилено позднее Волиным. Однако авторы, закрепляя новое положение, все-таки не стремились объяснить источник этого явления. Эту работу выполнил за них Мельгунов, полагая, что бессилие власти вытекало по причине отсутствия у Временного Правительства «определенной экономической» программы, которую необходимо было осуществить в переходный период до Учредительного Собрания. «Медлительность» и «нерешительность» Временного Правительства понижала его «авторитет» в глазах рабочей массы. Этот вывод, опять-таки не был новым, в отличие от следующего: бездействие центра неизбежно приводило к анархии в провинции и увеличению «революционного правотворчества». Это, по мнению автора, явилось второй причиной двоевластия. Здесь можно видеть фиксацию еще одного значения.

Похожую функцию в историческом нарративе призван был выполнить анализ решения аграрного вопроса: Временное правительство в «переходный период» также не имело четкой программы и в земельном вопросе. В концепции С.П. Мельгунова деревня, в начале революционного процесса, «не подавала еще

---

²⁸³ Там же. С. 566.

громко своего голоса»²⁸⁴. В течение марта, анархические выпады и двоевластие в провинции «не могли грозить» новой власти «большими осложнениями», поэтому «на первых порах» Временное правительство «могло укрыться» за формулой ожидания созыва Учредительного Собрания. Сложившуюся атмосферу в деревне разрушила «волна дезертиров», которые выступали на селе в роли «осведомителей» о случившемся в столице перевороте, вследствие чего была высока вероятность того, что «молва» о даровой земле «может сорвать фронт».

Обещания правительства «собрать материал для Учредительного Собрания» не могли остановить разрастающиеся анархические выступления в деревне, которые в апреле месяце становились все интенсивнее. 21 апреля 1917 г. Временным правительством было опубликовано «положение о Главном и местных земельных комитетах», призывавшее население «к воздержанию от самовольных действий в области земельных отношений» и «спокойно...готовиться к приходу» созыва Учредительного Собрания, которое «и установит новый земельный строй»²⁸⁵. И только почти через месяц, 20 мая 1917 г., уже при новом составе правительства, декларация Главного земельного комитета сообщала, что земельный вопрос, вероятно, будет решен путем перехода всей сельскохозяйственной земли «в пользование трудового земледельческого населения»²⁸⁶.

Как видно из вышесказанного, медлительность Временного правительства проявилась и в аграрном вопросе: только к маю месяцу удалось выработать «общую платформу», стремившуюся объединить различные слои населения. Подобного нельзя было сказать о Советах: уже 3 апреля 1917 г. была составлена резолюция, говорившая о необходимости перестроить «земельные отношения» путем передачи земли трудящимся, в тоже время, признавая, что «окончательное разрешение» аграрного вопроса остается за Учредительным Собранием. Совет рекомендовал правительственной власти издать декрет о прекращении земельных сделок до созыва Учредительного собрания и создать комитеты «на местах» для

---

²⁸⁴ Там же. С. 575.

²⁸⁵ Там же. С. 579.

²⁸⁶ Там же. С. 579.

урегулирования конфликтных ситуаций «между частными владельцами и крестьянами». Кроме указанной выше функции комитеты должны были «бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса»²⁸⁷. Таким образом, «реалистическая платформа» Совета «была далека от аграрного максимализма» и от сознательного проявления двоевластия. Новая платформа, выработанная на Совещании Советов, объединившая сторонников революционной демократии, придерживающихся различных политических течений, была противопоставлена аморфной правительственной декларации.

Важно отметить тот факт, что С.П. Мельгунов внес немало нового в исторический дискурс. Во-первых, в отличие от предшествующих авторов, историк анализировал обе программы, касающиеся решения одних и тех же вопросов. Этот способ подачи исторического материала был призван не только подтвердить основные положения авторской концепции, но и постараться сделать выводы максимально объективными. Во-вторых, говоря о тех или иных явлениях, или констатируя определенное значение, Мельгунов всегда останавливался свое внимание на их причинах, причем выделял не одну, а сразу комплекс причин. Этот факт, скорее всего, можно объяснить не столько скрупулезностью историка, сколько тем, что по мере развития дискурса значительно детализировался и усложнился революционный процесс. Следовательно, необходимо было учитывать все значения и точки зрения, высказанные ранее. Подобный прием не только способствовал многофакторности революционного процесса, но и обогащению дискурса. Показательным примером будет служить выделение причин постепенной активизации деревни, в результате чего на селе разрастается «бытовое двоевластие». С одной стороны, «исконная тяга» крестьянства к помещичьей земле в течение революционного процесса возрастала. Однако «аграрные беспорядки», в первые месяцы революции, были зафиксированы лишь «в отдельных местностях» по причине «недружелюбного отношения» между помещиками и крестьянами или из-за сильно ощутимого земельного голода. Поэтому, если в целом охарактеризовать крестьянские настроения на начальном

---

²⁸⁷ Там же. С. 588.

этапе революционного процесса, то они были «скорее миролюбивыми и соглашательскими», чем враждебными. До октябрьского переворота, крестьянская психология, в целом, не усвоила «упрощенную схему», данную Лениным: «грабь награбленное», также, как она и не смирилась с заверениями Временного правительства «ждать разрешения земельного вопроса до созыва Учредительного Собрания»²⁸⁸. С другой стороны, «максималистическая агитация» демагогов «черного передела» постоянно сеяла анархию в деревне. Борьбаться с ней можно было только путем выдвижения конкретной программы, которой у правительства не было. И, наконец, с третьей стороны, «реальные жизненные потребности», такие как: проведение и контроль сельскохозяйственных работ, выполнение крестьянами определенных обязательств и др. Все это, в свою очередь, требовало урегулирования спорных вопросов, и принятие решительных мер. Отсутствие программы у правительственной власти приводило к расцвету правотворчества на местах.

Анализируя проблему двоевластия, необходимо остановиться на вопросе борьбы между двумя институтами власти. С.П. Мельгунов, констатируя двоевластие в стране, отказывался признавать борьбу между ними. Во-первых, по версии историка, Временное правительство, с момента своего существования, было настроено дружелюбно по отношению к Совету. Протокол заседания правительства от 4 марта 1917 г. фиксирует необходимость «считаться с мнением Совета». Во-вторых, в интерпретации С.П. Мельгунова, Временное правительство почти всегда шло на соглашение с Советом, поскольку «пожелания» демократии обычно «сводились к нудным и мелочным претензиям», которые не касались жизненно важных для страны вопросов.

Как было показано выше, то значение, которое пытался зафиксировать А.Ф. Керенский, сводившееся к положительной роли и оценки действий Временного правительства, не смогло закрепиться в историческом дискурсе русского зарубежья. Вслед за «левыми» авторами С.П. Мельгунов достаточно высоко оценивал деятельность Совета, который все чаще вмешивался в сферу

---

²⁸⁸ Там же. С. 592.

государственного управления. Однако его вмешательство в первые дни революционного хаоса было «неизбежно» в силу «проявления» «множества фактов» анархии на местах. С помощью Советов удалось предотвратить разрастание революционного пожара в провинции, что обеспечило легкий и безболезненный переход страны от самодержавия к республике. Бурное развитие «местного правотворчества» вытекало не только из революционной стихии, а было следствием медлительности нового правительства в решении насущных для страны социальных вопросов. По мере активных действий, которые выполнял Совет – решение продовольственного вопроса на местах, урегулирование «экономических конфликтов» и др., – авторитет революционного органа «значительно вырос в глазах населения»²⁸⁹. «Двоевластие», установившееся в стране, «проходило “сверху донизу”», но одновременно с этим Совет, в интерпретации С.П. Мельгунова, все же не обладал «фактической полнотой власти».

Параграф 2.2. Решение военного вопроса в интерпретации русского зарубежья

По мере развития революционных событий в 1917 г. военный вопрос стал одним из наиболее острых. В связи с тем, что революция 1917 года разразилась в момент Первой мировой войны и продолжала развиваться на этом грозном фоне, решение военного вопроса новой властью было в центре внимания представителей русской эмиграции.

На первый план вышла проблема виновности в разложении русской армии. В меньшинстве были те, кто возлагал всю вину за разложение фронта на революцию 1917 г. Подобную мысль можно найти у М.В. Родзянко, что революция сразу смела все традиционные устои в Армии, не успев создать новые, и спустила вековое политическое знамя²⁹⁰. Не понимая «цели дальнейшей

---

²⁸⁹ Там же. С. 593.

²⁹⁰ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 58.

борьбы», солдатская масса, испытывая на себе «влияние преступной пропаганды», начала «самовольное обратное шествие по домам». В сложившейся ситуации Временное правительство ничего сделать не смогло, т.к. «войска Петроградского гарнизона» готовы были поддерживать «его “постольку-поскольку”», его деятельность была согласована с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов»²⁹¹. Таким образом, автор полностью снял ответственность с членов Временного правительства и высших кругов армии, что вполне объяснимо.

Иначе представлялись события тех дней представителю из военных кругов В.М. Пронину, который рассматривал причины поражения русской армии через призму действий Л.Г. Корнилова и политической линии Временного правительства в военном вопросе. В концепции автора войска петроградского гарнизона не являли собой «грозной для врага» силы, а вовлеченные в политику, были орудием борьбы в руках левых партий. Совет рабочих и солдатских депутатов, «руководимый подкупленными русскими изменниками», не только выпустил приказ №1, разрушавший дисциплину в строю, но и «проводил среди войск большевистские идеи». Кроме того, «при попустительстве» Временного правительства большевики продолжали делать «свое гнусное дело». Правительственная власть, опасаясь угрозы «окончательной разрухи страны и армии», вынуждена была назначить Верховным главнокомандующим генерала Л.Г. Корнилова. Однако, в концепции автора Керенский, поддерживаемый Советом и получая от него различные директивы и указания, вступил в открытую борьбу с Корниловым. В.М. Пронин свидетельствует, что за исключением введения смертной казни на фронте и военно-революционных судах «все проекты генерала Корнилова о поднятии боеспособности армии и оздоровлении тыла, под тем или иным предлогом тормозились и откладывались...»²⁹², поскольку «Керенский умышленно не желал их проводить». Нежелание членов Временного правительства осуществить меры, предлагаемые генералом Корниловым, привели к окончательному развалу фронта.

---

²⁹¹ Там же. С. 53.

²⁹² Пронин В.М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. С. 20.

В тот период времени начали высказываться по этой проблеме представители правого крыла русского зарубежья. Причины поражения фронта были изучены монархистами менее детально вследствие того, что после падения самодержавия, осуществившегося в момент свершения Февраля 1917 г., дальнейшее развитие событий представлялось им менее значимым. Однако в их работах можно отметить фиксацию тех значений, которые сыграли важную роль для дальнейшего развития дискурса. В первую очередь речь идет об отрицательном отношении к приказу №1. Показательным примером может служить тезис П. Васильева, согласно которому вышедший приказ №1 сразу уничтожил вооруженные силы Российской империи, заменив их «революционными бандами». Этот документ упразднил воинский устав, заменив последний «якобы сознательной дисциплиной демократического войска, самоуправляющегося на выборных началах»²⁹³.

Еще одно «значение» попытался зафиксировать монархист В.Ф. Иванов. Фокусируя свое внимание на символах, автор писал, что развал русского фронта после Февраля 1917 г. произошел не по причине «неумелых и глупых распоряжениях наших республиканских министров чиновников», а поскольку устраняя Николая II, «из армии вынули ее душу – Верховного Вождя»²⁹⁴. Император являлся «не только осью национальной жизни русского народа, он был носителем государственной идеи, права, закона и порядка, он был выразителем высшей справедливости на земле»²⁹⁵. После февральской революции 1917 г. судьба российского фронта «была решена».

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть, что первые работы носили характер констатации значений и не были нацелены на детальный анализ исторических событий, вследствие того, что на данном этапе формировались различные элементы и вырабатывались модели дискурса, которые были развиты позднее. Так, в работе Г.И. Кваши начинают встречаться элементы анализа, поскольку впервые были намечены не только способы разложения русской армии,

---

²⁹³ Васильев П. Первые дни революции // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 2. С. 87.

²⁹⁴ Иванов В.Ф. Мученик за Россию: (Памяти императора Николая II). Харбин: Свет, 1920. С. 8.

²⁹⁵ Там же. С. 5.

но и альтернативные пути решения военного вопроса правительственной властью. В 1917 г., повествовал автор, «главным жупелом» партии большевиков была война, который следовало «выбить из их рук» путем честной и открытой постановки военного вопроса. Но Временное правительство «уподоблялось страусу, прячущему голову в песок», не замечая опасности и продолжая «питать иллюзию о продолжении войны». В этой ситуации Временному правительству следовало решить проблему, выбирая один из двух, возможных тогда путей: «либо нужно было ребром поставить вопрос о ликвидации войны, либо следовало, как зеницу ока, оберегать армию от разлагающего влияния свободной пропаганды»²⁹⁶. Тем временем, на протяжении всего революционного процесса 1917 г. армия развращалась разными способами: с одной стороны, «развращение армии началось с известного приказа №1 и продолжалось неуклонно», а, с другой стороны, постоянно прибывающие на линию фронта, «десятками вагонов», агитаторы подрывали дисциплину в строю. Все усиливающееся разложение вооруженных сил России привело к тому, что, «когда Керенский стал премьером, армии, собственно говоря, уже не было»²⁹⁷.

Помимо этого Г.И. Кваша сделал акцент на психологическом аспекте рассматриваемой проблемы, что дало новый толчок для развития дискурса. Согласно его мнению, в психологии членов Государственной Думы утвердилась пагубная мысль, согласно которой «революция — это фактор, благоприятный для продолжения войны»²⁹⁸. Однако этот тезис был очень далек «от дум и чаяний» русского народа. Непонимание правительственной властью народных настроений привело к уличному протесту в столице 21 апреля 1917 г., вызванному обнародованием министром иностранных дел ноты о Константинополе и проливах.

Кроме того автор старался зафиксировать более точно и тот момент, когда вооруженные силы России перестали существовать. В концепции Г.И. Кваши летом 1917 г. ситуация ухудшилась: «целые полки» начали покидать «позиции»;

---

²⁹⁶ Кваша Г.И. Очерки русской революции. Нью-Йорк, 1919. С. 43.

²⁹⁷ Там же. С. 43.

²⁹⁸ Там же. С. 41.

«на всех перекрестках» велись разговоры о том, что осенью 1917 г. произойдет окончательный срыв фронта. Армии, фактически, «уже не было», а правительство продолжало «заниматься декламацией». Таким образом, разложение фронта, в интерпретации автора, осуществилось «до захвата власти “большевиками”». На их «долю... выпала страшная и позорная роль запротоколировать это кошмарное событие, вбить последний гвоздь в гроб русской армии»²⁹⁹.

В начале 1920-х гг. в дискурсе русского зарубежья начала возобладать линия анализа исторических событий через призму целей и задач различных движущих сил, участвовавших в революционном процессе 1917 г. Как было показано выше одним из первых это сделал Г.И. Кваша. Впоследствии такую модель применил П.Б. Струве, который обращал внимание на тот факт, что Февраль 1917 г. был осуществлен «солдатскими массами», поэтому революция «была не патриотическим взрывом, а самовольно погромной демобилизацией и была направлена против продолжения войны, т.е. была сделана ради прекращения войны»³⁰⁰. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в революционном процессе 1917 г. имел большой успех «бессмысленный лозунг: “без аннексий и контрибуций”». Совсем по-другому мыслили члены Государственной думы: произнося свои пламенные речи, они «наивно думали», что «народные массы», совершив революцию, «произвели *ее* (курсив мой – Д.П.) во имя более успешного продолжения войны». Таким образом, революция сразу же стала «крушением» не только государства, но и русской армии, а «патриотическая идея революции оказалась каким-то интеллигентским недоразумением перед лицом этой самовольно-погромной демобилизации»³⁰¹.

Подобная модель не была чужда и монархистам. Показательным примером явилась позиция Ювенала, который считал, что устроители мартовской революции «были уверены (иные делали вид, что уверены), что они организуют революцию» с целью доведения войны до победного конца, в то время как «народно-солдатская масса» поддержала ее «*только потому*, что видела в ней

---

²⁹⁹ Там же. С. 45.

³⁰⁰ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 31.

³⁰¹ Там же. С. 31.

единственную возможность выхода из опустылевшей бесконечной войны»³⁰². Поэтому новая революционная армия с первых дней Февраля начала переводить себя «на мирное положение», произведя «вихревой развал фронта»: «краса и гордость революции» — Кронштадтские и Петроградские гарнизоны — «в первую очередь отказались выступить на фронт».

В 1921 г. начинают выходить первые работы, которые переходили от констатации и обозначения определенной авторской позиции к анализу военного вопроса 1917 г. Подобный факт можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, к этому году уже накопился определенный опыт и зафиксировались основные значения дискурса, которые необходимо было либо закрепить, либо опровергнуть, либо развить. С другой стороны, к 1921 г. гражданская война в России шла на убыль, поэтому сам 1917 г. стал восприниматься уже не как настоящее, а как прошлое, что, в свою очередь, требовало по-иному взглянуть на поставленную проблему.

В работе неизвестного автора «Временное правительство...» расстройство фронта показано через призму взаимоотношения двух институтов власти — Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, — стремившихся проводить каждый свою политическую линию. Так, распоряжения, исходящие из Совета, проходили «путем простого настояния». Исполнительный Комитет Советов отправлял на фронт для поддержания революционного духа в строю комиссаров, которые посылались «по соглашению» с военным министром Временного правительства Гучковым, т.е. лица назначались правительством, но рекомендовал комиссаров Совет. «Единственное», на что Гучков не дал своего согласия — на принятие декларации прав солдата.

Еще одним показательным примером, демонстрирующим взаимоотношения между правительственной властью и Советом рабочих и солдатских депутатов, можно считать издание текста приказа №1. Автор, говоря о военном вопросе, учитывал опубликованные до него работы и старался не упустить из виду не только движущие силы революционного процесса, но и рассмотреть их через

---

³⁰² Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 13.

призму восприятия отдельных социально-политических групп. Сочетание этих двух аспектов было новым для дискурса, что дало повод изменить постановку исследуемого вопроса. Автор предлагал учесть то обстоятельство, что «революционный переворот был осуществлен запасными частями Петроградского гарнизона, а завершён фронтовыми генералами», поэтому на первый план автоматически выдвигался не столько вопрос о самой войне, сколько вопрос «об армии, о том, как она расценит положение, чем захочет вознаградить себя, куда примкнет, и вообще какова будет эта новая армия в этом новом государстве»³⁰³. Правительственная власть ничего кроме «ободряющих призывов», чередующихся с «напоминанием о долге, о родине, о чести умереть за благо свободной России» предложить не могла. В то время как «трудовая демократия» решила немедленно «взять быка за рога», «бросив в армию знаменитый “приказ №1”», совершенно не задумываясь над тем, к каким последствиям «для вопроса о продолжении войны» может иметь издание этого документа. Временное правительство не только «не вступило с ним в борьбу», и даже, признав текст документа, «прониклось основными мыслями приказа». Тем не менее, подмечал автор, Временное правительство «не разделяло... всего этого», но т.к. оно с самого начала выбрало путь уступок, следовательно, должно было «неизбежно» «запутаться»: «спасая частности, оно теряло целое, не разделяя принципов, оно ставило свою печать на мерах, ведущих к реальному осуществлению этих принципов»³⁰⁴.

Начиная с 1920-х годов, исторический дискурс стал расширяться за счет примеров, которые вставляли в свои труды представители русской эмиграции. «Первым следствием» такой политики, продолжал автор, явились хладнокровные и методические расправы над офицерами, а также изменение условий армейской жизни. «Политические митинги» заменили учения «по боевой подготовке», «центр интересов» сместился «с окопов... к комитетам, выборам, комиссарам, депутатам», а «мысль» солдата сосредоточивалась не над тем, как победить врага, а над тем, как не остаться «обделенным» при раздаче или захвате помещичьей

---

³⁰³ Временное Правительство: (опыт анализа) // Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 24.

³⁰⁴ Там же. С. 28.

земли. Поэтому сразу же возросло дезертирство и отпуски домой на временную побывку: «уже во второй половине марта железные дороги во всех концах России были буквально запружены солдатами»³⁰⁵.

Помимо примеров, используемых авторами при анализе военного вопроса, усложнению дискурса способствовала детализация революционного процесса 1917 г., выразившаяся не только в использовании более мелких исторических событий, но и в подробном разборе разных точек зрения субъектов революционного процесса. Подобная форма изложения материала была новой для дискурса. Продолжая свой анализ, автор утверждал, что «истинная точка зрения» представителей революционной демократии на войну выяснилась «позднее»: она высказывалась отдельными лицами едва ли не сразу после февральского переворота, но четко сформулирована и преподнесена Временному правительству, «как требование», которому нужно было немедленно «подчиниться», значительно позже и совпала с нотой Милюкова.

5 марта 1917 г. Милюков отправил «державам ноту», в которой говорилось, что новая власть верна союзникам и выполнит все «взятые на себя обязательства». Текст ноты произвел «прекрасное впечатление» за границей. Но «через три недели» Временное правительство сочло нужным сделать обращение к гражданам, которое было попыткой «скользнуть между Сциллой и Харибдой, между уже определившимися различиями на понимание лозунга “война до конца”»³⁰⁶. Необходимо было «уверить» страны Антанты, «что все обстоит благополучно», и параллельно с этим «уверить» революционную демократию, что правительственная власть не так далеко ушла «от ее понимания целей войны». Временное правительство пыталось соорудить «из слов» «такой фасад, который как бы примирял лозунг “война до конца”» и соединял в себе союзные обязательства «с протестами “трудовой демократии”». Но если союзные державы еще питали надежду, то «трудовая демократия» не дала себя обмануть. «Противоречие», возникшее между двумя взглядами на войну, «вскрылось» во

---

³⁰⁵ Там же. С. 29.

³⁰⁶ Там же. С. 32.

второй половине апреля 1917 г., когда выстроенный «из слов фасад рухнул и раздавил тех, кто его сооружал». В связи с тем, что обстоятельства войны становились «все круче и круче», а «поведение “трудовой демократии” все подозрительнее», следовательно, «медлить» дальше было нельзя и правительственной власти пришлось «сказать» союзным державам «нечто более» определенное, чем заявлялось ранее. Подобного заявления было достаточно, чтобы открыть первый правительственный кризис.

Состояние вооруженных сил России в 1917 г. было подробно рассмотрено П.Н. Милюковым. Значительный объем работы и пристальное внимание автора к военному вопросу имели под собой несколько причин. Во-первых, лидер партии кадетов не мог не учитывать опыт, накопленный дискурсом. Во-вторых, в русском зарубежье не раз бросались обвинения в адрес П.Н. Милюкова, как одного из главных участников революционного процесса. Следовательно, лидеру партии кадетов было необходимо предложить свою версию событий 1917 г. В-третьих, от П.Н. Милюкова, в силу его профессии, соединяющей в себе политика и историка, ждали разрешения многих спорных вопросов, накопившихся в русской диаспоре.

Лидер партии кадетов, повествуя о решении военного вопроса, не мог обойти вниманием приказ №1. Он одним из первых в русском зарубежье подверг сомнению негативное воздействие документа на вооруженные силы страны. В повествовании П.Н. Милюкова, этот документ не оказал деморализующего воздействия на армию, т.к. все то, что содержал в себе приказ №1 «было вполне приемлемо». «Со своей стороны», Временное Правительство потребовало от делегатов совета осудить «уже обнаруживавшееся тогда враждебное отношение солдат к офицерству и все виды саботажа революции...»³⁰⁷. Кроме того, автор указал, кто конкретно являлся составителем этого документа. Приказ №1, в интерпретации историка, являл в себе продукт не коллективного творчества Совета, а принадлежал одному лицу, псевдоним которого был «товарищ Максим» («т.е. известный сотрудник “Дня” С.А. Кливанский»). Уже через день эсеры

---

³⁰⁷ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 46.

«осудили», ранее ими подписанную, «прокламацию». 4 марта решено было «расклеить по улицам» воззвание Чхеидзе и Керенского о том, что приказ №1 «не исходит от Совета рабочих депутатов». Однако это заявление так и не было опубликовано в «Известиях», а последовавшие позднее возвания Гучкова и Скобелева «о пагубой розни между офицерами и солдатами» не привели к отмене приказа №1.

К началу 1920-х гг. высказывались разные причины появления ноты П.Н. Милюкова, которая открыла первый правительственный кризис. Лидер партии кадетов, занимая в то время пост министра иностранных дел, подробно изложил свою версию происходящих в то время событий и дал им оценку. Так, П.Н. Милюков в международном вопросе придерживался политики единения с союзниками, при этом «не допуская мысли», что свершившаяся в России революция может как-то «ослабить международное значение» страны и воспрепятствовать принятым ранее обстоятельствам. К тому же лидер партии кадетов всегда «подчеркивал пацифистские цели» войны, сочетая их с национальными интересами России. Естественно, что подобные взгляды министра иностранных дел расходились с руководителями социалистических партий Совета. С начала апреля 1917 г. циммервальдской точки зрения стали придерживаться некоторые члены правительства: А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко и др. Керенским было пущено сообщение в печать, заявляющее, что Временное правительство готовит ноту, обращенную к союзным державам, в которой «более подробно разовьет свой взгляд на задачи и цели нынешней войны»³⁰⁸. Ввиду того, что «никакой ноты не подготавливалось», а вопрос о войне был весьма спешно поднят в правительстве, то Милюков предложил отправить союзным державам послание от 28 марта, сопроводив его нотой. Текст ноты «был принят всеми министрами не исключая и Керенского». День 18 апреля 1917 г. «прошел сравнительно спокойно» и пропаганду большевиков ждал «решительный отпор со стороны большинства уличных ораторов и публики»³⁰⁹. Однако

---

³⁰⁸ Там же. С. 81.

³⁰⁹ Там же. С. 83.

опубликование 20 апреля ноты министра иностранных дел позволило большевикам устроить первую уличную манифестацию вооруженных сил, нацеленную против правительственной власти. Появились и лозунги: «Долой Милюкова» и др. Действия большевиков открыли правительственный кризис власти.

К моменту выхода труда П.Н. Милюкова состояние вооруженных сил России в период с мая по октябрь 1917 г. было освещено слабо: исключение составляли работы, вышедшие из военной среды. П.Н. Милюков впервые попытался более внимательно осветить этот период. Исторический нарратив выстраивался по двум основным линиям. Одна из них состояла в критике действий Временного правительства. Автора не устраивало то, что коалиционное правительство не было однородно: его «двойственность» сказывалась в разработке политического курса страны. Показательным примером может служить позиция, занятая представителями правительственной власти в военном вопросе: «поднятие боеспособности армии путем ее “демократизации” и доведение войны до “демократического” мира, но в согласии с союзниками»³¹⁰. За исполнение первой части задачи взялся лично А.Ф. Керенский, считающий, что усиление боеспособности вооруженных сил лучше всего достичь путем объезда линии фронта и разъяснения армии, за что она борется. Однако, параллельно с этим, армия получила «декларацию прав солдата», окончательно подорвавшую все основы принудительной дисциплины, поэтому все попытки А.Ф. Керенского по поддержанию и усилению боеспособности вооруженных сил оказались неосуществимыми. Провал летнего наступления 1917 г. воочию показал, что методы А.Ф. Керенского по поднятию боеспособности армии не увенчались успехом.

Другая линия строилась вокруг взаимоотношений А.Ф. Керенского и Л.Г. Корнилова. Такая модель повествования уже была предложена представителями из военной среды. Со своей стороны лидер партии кадетов попытался представить события лета 1917 г. в другом свете: в частности, историк указал иную причину

---

³¹⁰ Там же. С. 136.

столкновения двух исторических личностей. По мнению автора, «слезами, как словами» невозможно было помочь армии: здесь «нужны были люди из другого металла». «На фоне общего развала» появился генерал Корнилов — человек «решительный, не признающий никаких юридических тонкостей и прямо идущий к цели, которую раз признал правильной»³¹¹. Когда сформировался новый состав правительства, то «условия Корнилова», ставящие себе цель восстановить боеспособность вооруженных сил России и оздоровить тыл, «были приняты» только «“в принципе”, при чем оговорена была необходимость их дальнейшего детального рассмотрения и детальной разработки»³¹². Однако дальнейшая «разработка» спорных вопросов могла привести только к конфликту Керенского с Корниловым, что случилось в конце августа 1917 г.

П.Н. Милюков точно указывает время и причину, когда вооруженные силы страны окончательно распались. По мнению историка, корниловский мятеж «еще не разрушил» армии до конца. Окончательно покончили с ней меры, предпринятые для ликвидации «корниловщины». В сентябре 1917 г. на место Алексеева, предшественником которого был Корнилов, «явились новые господа положения», стремившиеся оправдать свое назначение в глазах «революционной демократии». Все свои усилия они направили на разорение Ставки, как «последнего гнезда крамолы». Для этого была проведена «чистка ставки и сплошная смена командного состава»³¹³. Результатом этих мер стал тот факт, что в конце октября, когда Временное правительство оказалось под новым ударом большевиков, армия была уже бессильна. Таким образом, историк отодвинул распад армии на более поздний период в отличие от других представителей русского зарубежья.

Исходя из вышесказанного следует сказать, что работа П.Н. Милюкова внесла много нового в исторический дискурс русского зарубежья. Помимо того, что труд историка содержит собственную версию произошедших событий, включение и анализ исторических источников, работа автора ценна тем, что

---

³¹¹ Там же. С. 248.

³¹² Там же. С. 279.

³¹³ Там же. С. 455.

благодаря ей дискурс значительно усложнился еще и за счет детализации исторических событий. Следовательно, вектор революционного процесса 1917 г. стал многообразнее. За внесение нюансов в военный вопрос и разработку новых микротем должны были взяться те люди, которые были участниками боевых действий и знакомы с делами армии.

В начале 1920-х годов в разных центрах русского зарубежья начинали активно высказываться представители из военных кругов. Дискуссия разворачивалась не только на страницах монографий, но и в различных периодических изданиях. Например, в Белграде, составляя «Военный сборник Общества ревнителей военных знаний», редакция издания четко прописала свой взгляд на причины распада русского фронта. Согласно их мнению, характерной чертой русской революции 1917 г. было настойчивое стремление с первых дней ее возникновения расшатать, разрушить и уничтожить армию³¹⁴. В этом процессе приняли участия как «враги армии», так и ее «друзья, ослепленные до потери сознания», идеями «Свободы, Равенства и Братства».

Позднее, многие авторы, публикуя свои статьи в этом сборнике, внесли некоторые нюансы в общую платформу. На момент выхода сборника психологический аспект рассматриваемой проблемы был довольно популярным в русском зарубежье, поэтому многие авторы анализировали военный вопрос через призму психологии. Так, И.Ф. Патронов был склонен считать, что разложение армии произошло из-за введения новой дисциплины, призванной обновить «душу армии», без которой военные силы страны превращаются «в вооруженную и опасную для государства толпу». Сразу же после осуществления государственного переворота в Феврале 1917 г., пошли разговоры о «новой “революционной”, сознательной дисциплине»³¹⁵. Однако, по версии Патронова, ни один правительственный акт, вышедший за 1917 г., не давал конкретных «указаний» в чем заключалась разница между «старорежимной» и «революционной» дисциплиной. Из правительственных речей «революционных

---

³¹⁴ От редакции // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1921. Кн. 1. С. 3.

³¹⁵ Патронов И.Ф. Старая и новая дисциплина // Военный сборник О. Р. В. З. Белград, 1922. № 2. С. 221.

деятелей» следовало, что новая дисциплина состояла «в отрицании принудительного начала, в проведении добровольного, сознательного подчинения солдатской массы во имя новых лозунгов»³¹⁶. Временное правительство, декларируя о новой дисциплине, надеялось, что солдатская масса «во имя свободы и равенства» «пойдет» на смерть «еще отважнее прежнего». Но солдатская масса, вопреки ожиданиям правительственной власти, восприняла новую дисциплину по-другому: «“раньше принуждали повиноваться, а теперь свобода — хотим повиноваться, хотим — нет”»³¹⁷. Таким образом, изменение понятия «воинская дисциплина» привели армию к развалу, превратив ее в вооруженную, «преступную толпу, применившую оружие для грабежей и насилий»³¹⁸.

В.Е. Вязьмитинов также искал причины поражения русской армии не столько в сфере политики, сколько в области психологии. Согласно его мнению, большинство русского офицерства, «захваченного врасплох революцией», «оказалось в беспомощном положении: не будучи обучено умению управлять собою и людьми, оно могло только командовать и приказывать, тогда как в это необычайное время потрясения... требовалось умение подчинять себе волю других и управлять, влияя на окружающих не только силою воинского кодекса, но главным образом, силою духа и психологического умения, приобретаемых лишь тщательным изучением и постоянным упражнением»³¹⁹.

Некоторые авторы стали более подробно изучать исторические события лета 1917 г. Например, Н.Н. Головин сфокусировал свое внимание на неудачи июньского наступления. В концепции автора Февраль 1917 г., пошатнув «военную мощь» России, заставил перейти «к формированию отборных частей», получивших самые «разнообразные наименования: ударных полков, революционных батальонов, взводов и рот смерти»³²⁰. Все эти новые «формирования» были «попытками спасти» вооруженные силы от «начавшейся

---

³¹⁶ Там же. С. 221.

³¹⁷ Там же. С. 221.

³¹⁸ Там же. С. 222.

³¹⁹ Вязьмитинов В.Е. Война и психология // Военный сборник О. Р. В. З. Белград, 1922. Кн. 3. С. 127.

³²⁰ Головин Н.Н. «Современная» война и «красная» вооруженная сила // Там же. С. 17.

гангрены». Эта мера, по мнению Головина, ставила себе одну цель — «способ спасения кадров», которые в дальнейшем могли стать «ядром для новых формирований». Однако высшее командование смотрело на эти силы иначе, решив, что подобного рода формирования вполне могут использоваться для наступления. Таким образом, «вся тяжесть атак при наступлении в июне 1917 г. легла на эти ударные части»³²¹, понесшие огромные потери. После уничтожения этих формирований, «устойчивость армии», «сохраняемая с большим трудом», «рухнула».

После выхода монографий в русском зарубежье и публицистических статей, обогащающих исторический дискурс, представители из военных кругов перешли к выработке единой концепции вектора революционного процесса 1917 г. Как было показано выше, П.Н. Милюков попытался зафиксировать тот факт, что приказ №1 не оказал деморализующего воздействия на вооруженные силы страны. Однако с этим не все смогли согласиться, и в первую очередь персоны из военных кругов. В частности, А.И. Спиридович продолжал утверждать, что составление и распространение текста приказа №1 явилось самой большой и главной услугой, оказанной большевиками Германии. Этот документ положил начало разгрому вооруженных сил страны: подрыв дисциплины, враждебное отношение солдат против офицеров и «моральный разврат» в армии стали замечаться повсеместно. Правительственная власть не только не пыталась хоть как-то оградить армию от влияния приказа №1, но, напротив, «помогла в этом деле большевикам»: распоряжением Временного правительства текст приказа «был передан во все армии по прямому проводу из Главного Управления Генерального Штаба»³²².

Однако в русском зарубежье утвердилось другое объяснение причин разложения фронта: воздействие социал-демократов на вооруженные силы страны. Эту мысль продолжали активно проводить и развивать представители, вышедшие из военных кругов. Большевистский Петроградский Комитет РСДРП,

---

³²¹ Там же. С. 17.

³²² Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883-1903-1917 гг. Париж, 1922. С. 309.

собранный 7 марта 1917 г., постановил просить Совет, чтобы он отправлял на линию фронта «эмиссаров и агитаторов», с целью «преобразования фронта в “организованную на демократических началах революционную армию”»³²³. Так, в начале революционного процесса большевики «не растерялись», увидев развернувшиеся в столице события, а «быстро заложили главные основы по разрушению государственности России по всем уже заранее определенным направлениям»³²⁴. Политический курс Временного правительства «как бы нарочно» способствовал «работе большевиков в желаемом для них направлении». 1 марта 1917 г. полковник Энгельгардт «издал» «Объявление начальника Петроградского гарнизона», текст которого «довольно ясно» противопоставлял солдат офицерам и показывал последних как контрреволюционеров.

Наступление русской армии на юго-западном фронте началось только 18 июня 1917 г., «и в первый же день» вооруженные силы России сумели одержать крупную победу. Но успехи русской армии длились не долго: новая, «одемократизованная», «развращенная» революционными комитетами, советами, прокламациями, приказами и декларациями «армия потерпела поражение, несмотря на весь героизм рядового офицерства и все усилия высшего начальства»³²⁵. После похода генерала Л.Г. Корнилова на Петроград «исчезли последние остатки порядка и дисциплины». В вооруженных силах страны «царил хаос»; «дезертирство возросло до невероятных размеров».

Как видно из вышесказанного в военной среде зафиксировался ряд значений, которые транслировались из работы в работу: отрицательное воздействие на армию как приказа №1, так и деятельности большевиков или Совета рабочих и солдатских депутатов (в зависимости от авторской концепции); слабость правительственной власти и подлость А.Ф. Керенского, чистота намерений генерала Л.Г. Корнилова. Весь этот ряд значений работал на то основное положение, согласно которому высший командный состав армии не был причастен к поражению на фронте. Поколебать сложившиеся утверждения

---

³²³ Там же. С. 310.

³²⁴ Там же. С. 310.

³²⁵ Там же. С. 360.

попытался В.М. Чернов, критикуя не столько действия правительственной власти, сколько поведение и отношение к происходящему генералитета. Отталкиваясь от опыта Французской революции, автор полагал, что в дореволюционное время единство верхов и низов армии достигалось за счет внешней дисциплины, в то время как в эпоху революционных потрясений подобный вид «приспособления армии к вождям» не работает. Следовательно, необходимо было задуматься не о «приспособлении» низов к верхам, а «о подборе вождей к армии». Во время второй русской революции большая часть командного состава «не любила и боялась солдатской массы, а масса не верила, не любила и подозревала своих командиров»³²⁶. Отсюда, по мысли В.М. Чернова, и происходили все беды вооруженных сил России в 1917 г.

К десятилетнему юбилею революции 1917 г. в историческом дискурсе зафиксировалось несколько значений, которые были развиты или пересмотрены в последующих авторских работах. В частности, П.Н. Милюков в труде «Россия на переломе...» внес некоторые поправки в свою концепцию, отраженную им в более ранней работе «История второй русской революции». Так, в труде «Россия на переломе» автор значительно усилил роль и влияние партии большевиков на русские войска в 1917 г., нарастание которого было показано в работе постепенно. Когда сформировалось Временное правительство «армия оставалась здоровой»: политические вести из столицы «вызвали даже подъем настроения на фронте», а пропаганда большевиков «не сразу проникла на фронт». Первые места воздействия пропаганды почувствовали на себе Кронштадт и Гельсингфос – города, находящиеся ближе всего к государственной границе. В них были зафиксированы и первые открытые выступления против новой власти. Используя в своих целях раздражение матросов и солдат, «закулисные руководители» направляли всю ненависть последних «против лучшей части командного состава». Начальники воинских частей только с конца марта 1917 г. «констатировали упадок боевого настроения, понижение “упругости” и боеспособности солдат, увлечение их политическими событиями и нежелание

---

³²⁶ Чернов В.М. Уроки прошлого. Армия и революция // Революционная Россия. Прага, 1926. № 46. С. 17.

идти в бой»³²⁷. По мере развития революционного процесса власть Временного правительства становилась все более слабой и не могла справиться с большевистской пропагандой: уже летом 1917 г. «не дождавшись вождя мира, солдаты начали разрешать вопрос об окончании войны каждый для себя лично»³²⁸, вследствие чего «дезертирство увеличивалось в чрезвычайной степени».

Не оставались в стороне представители, придерживающиеся правых взглядов. Те значения, которые были зафиксированы ими ранее, продолжали переходить из работы в работу: виновность за разложение фронта возлагалась на активных участников революционного процесса 1917 г. Показательным примером послужит труд монархиста Н.А. Павлова «Его Величество Государь Николай II». По мнению автора, «Монархия», «Царь» и «Вера» – это те «символы», без которых «Отечество» остается «без содержания». Вставшие на место императора «неведомый никому шут Керенский» и «генералы, козыряющие новому начальству» сделать ничего не смогли: «армия сдается без боя», поскольку «в истории не было шутов героев, – и такие генералы побеждать не могли»³²⁹.

Если исходить из тех значений, которые транслировались авторами, относящихся к монархистам, то можно сделать вывод, что взгляды этой части русской диаспоры, в основном, не изменились и накануне Второй мировой войны. Так, по мысли И.П. Якобия, еще во время Февраля 1917 г., когда произошла первая победа «уличного марта», представители Совета поспешили выполнить обязательство перед германским генеральным штабом, издав приказ №1. Параллельно с действиями Совета рабочих и солдатских депутатов разложение армии осуществлялся военной комиссией при комитете Государственной Думы. «Окружение нового военного министра» было составлено «почти исключительно из предателей», которые одновременно служили «революции и немецкому главному штабу».

---

³²⁷ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 62.

³²⁸ Там же. С. 96.

³²⁹ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris:Imprimerie D'ART VOLTAIRE, 1927. С. 138.

В том же ключе ведет свое повествование монархист С.С. Ольденбург. По мнению автора, приказ №1, принятый 1 марта 1917 г. на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, привел в ужас всех тех, кто так или иначе был близок к армии: при таком положении дел А.И. Гучков отказывался вступать в новый состав правительства.

Не оставались в стороне и те персоны, которые занимали левые позиции. Здесь, как и в случае с монархистами, из работы в работу перетекали одни и те же значения, свойственные для левой части русской эмиграции. Например, исходя из классового подхода, многие авторы объясняли узловые моменты военного вопроса. В частности, работа М.И. Рубежанина показывала большую пропасть, отделяющую желания народных масс от политической линии Временного правительства. Для «патриотически настроенной русской интеллигенции» и членов Думы свержение самодержавия нужно было для того, чтобы взять власть в свои руки и «довести войну до победного конца». Народные массы, совершая революцию, напротив, стремились как можно скорее закончить войну. Поэтому солдаты единодушно были против каких бы то ни было военных действий, причем, по мнению автора, на их настрой совершенно не повлияла пропаганда и агитация: жажда мира была у всех стихийна. Однако таким настроением не обладало Временное правительство: министр иностранных дел стоял на точке зрения, согласно которой Россия должна была выполнить все обязательства, заключенные с союзниками. По мысли Рубежанина, вместо того, чтобы закончить войну Милюков и Керенский «всеми силами тащили солдат в окопы на фронт»³³⁰. Столкновение двух полярных точек зрения не заставило себя долго ждать: 20-21 апреля «размахивание дипломатическим мечом» привело к первым народным «враждебным» выступлениям против власти.

Классовый подход был присущ работам, увидевшим свет в конце 30-х – начале 40-х гг. прошлого столетия. Показательным примером послужит работа В.М. Волина «Неизвестная революция, 1917-1921». В концепции автора,

---

³³⁰ Рубежанин М.И. Итоги русской революции (К 10-летию октябрьского переворота — 25 октября 1917 г. - 25 октября 1927 г.) // Пробуждение: ежемесячный орган свободной мысли. Детройт, 1927. № 4. С. 4.

прекращение войны и объявление мира было «неприемлемо» для буржуазного и патриотично настроенного правительства, связанного союзными обязательствами с другими державами, и к тому же «считавшего “национальным” позором односторонний разрыв этого договора»³³¹. Кроме того, Временное правительство не учитывало физического и морального настроения армии, воюющей «на пределе сил», а экономическое положение страны и революция «окончательно дезорганизовали ее».

Анархист В.М. Волин склонен был объяснять действия А.Ф. Керенского исключительно его классовой природой, и видел за ними только продолжение политической линии «царского правительства»: все усилия Керенского были нацелены только на продолжение войны до победного конца. Для этого он восстановил в армии смертную казнь и совершил ряд поездок на фронт, произнося «пламенные речи», нацеленные на возрождение боевого энтузиазма солдат. 18 июня 1917 г., по его приказу, началось наступление на фронте, «позорно захлебнувшееся», и вызвавшее бурю негодования в народной среде. Уже через два месяца А.Ф. Керенский растерял « всю свою популярность », а его правительство вскоре постигла та же участь, что и предшествовавшие.

Как видно из проанализированных работ, представители, находящиеся на двух крайних и противоположных позициях, в течение длительного времени транслировали одни и те же значения, которые с годами остались неизменны. Большой вклад в разработку военного вопроса внесли те персоны, которые находились посередине. В частности В.М. Чернов постарался зафиксировать в дискурсе другое значение: пересмотреть негативное отношение к приказу №1, утвердившееся в русской диаспоре. Как было сказано выше, подобную попытку предпринял П.Н. Милюков. Однако лидер партии кадетов ограничился лишь констатацией факта, но ничем не подтвердил его, поэтому он не смог зафиксировать новое значение. Следовательно, необходимо было выбрать другой способ подачи материала. В 1930-х годах за эту задачу взялся В.М. Чернов. Он решил проанализировать каждый пункт этого документа. Вывод автора был

---

³³¹ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ Праксис, 2005. С. 95.

следующим: «большинство пунктов» этого документа «не заключает в себе ровно ничего страшного для людей, знакомых с воинскою дисциплиною современных заграничных армий»³³², поэтому приказ №1 не был причиной разложения русского фронта.

Разбираясь в причинах поражения вооруженных сил России, автор пытался опровергнуть ту версию, которую предложили представители, относящиеся к военным кругам. Это «опровержение» происходило по нескольким пунктам, в том числе и по влиянию приказа №1 на армию. Во-первых, В.М. Чернов сразу оговаривал, что крушение армии заключалось вовсе не в том, что революция и, в частности, Временное правительство начали как-то экспериментировать над армией вопреки всем требованиям военной науки,³³³ а в том, что методы современной войны требовали сверхчеловеческих сил³³⁴. Поэтому все зависело от того, какая страна быстрее дойдет «до отказа». К сожалению, в России процесс разложения совершился «ранее других» стран.

Во-вторых, между представителями Временного правительства и Ставкой «непримиримого противоречия не было». Причина распада фронта крылась в другом. Автор продолжал развивать мысли, высказанные им в предыдущих работах, в частности, ту, что в революционное время командный состав должен был равняться по армейской демократии, или очистить место новому командному составу, ею выделенному³³⁵. Новая власть, образовавшаяся в Феврале 1917, не учитывала этой особенности. Правда, Гучков попытался сделать попытку ««освежения» командного состава», но цели они не достигли. Сменивший его Керенский «даже не приступал» к тем мерам, которые необходимо было сделать.

И, наконец, в-третьих, разногласия между генералитетом и правительственной властью автор склонен был объяснять психологическими причинами. Верхи армии приняли участие в Феврале только потому, что это сможет дать «лучшую организацию войны, большие шансы на победу».

---

³³² Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 395.

³³³ Там же. С. 260.

³³⁴ Там же. С. 259.

³³⁵ Там же. С. 385.

Генералитет, «забыв о событиях в тылу», требовал от Временного правительства, чтобы «все пришло в норму» с целью доведения войны до победного конца. Для любого генерала страна представляла собой «“тыл” его армии, служебный к ней привесок». Поэтому «как только изменился фасад правительственного здания, для командования “инцидент был исчерпан”»³³⁶. Но революция, которая не могла «ограничиться сменой людей», не оставляла страну в спокойном состоянии.

К моменту наступления Второй мировой войны в русском зарубежье накопилось много значений, которые необходимо было подвергнуть анализу и критике. Наиболее яркой фигурой в русском зарубежье в рассматриваемый период был С.П. Мельгунов. Первый вопрос, который пытался разрешить автор, сводился к тому, какие взаимоотношения сложились между новой правительственной властью и Ставкой. С этой целью автор обратился к призывам главнокомандующих, адресованных Временному правительству. По версии С.П. Мельгунова, после окончания Февраля настроения в Ставке были благоприятные для продолжения войны и сотрудничества с новой властью. Весть об отречении Николая II была с легкостью встречена высшим командным составом, т.к. с этой идеей свыклись еще до революции. Это отчетливо видно из призывов, исходящих от высшего командного состава и обращенных к Временному правительству, имевших цель «помочь и поддержать моральный авторитет начальников», чтобы «предотвратить армию от “заразы разложения”, начавшегося в тылу»³³⁷. Но правительственная власть пассивно воспринимала эти призывы. В интерпретации историка, для тыловой части фронта были губительны не самозванные вооруженные делегации, а нижние чины столичного гарнизона, появляющиеся в прифронтовой зоне. Тем не менее, Временное правительство так и не выступило с «решительным протестом» и «запретом» «сепаратных действий самочинных делегаций, против которых взывало фронтовое командование»³³⁸. Вместо того, чтобы с самого начала представителям новой власти свидеться с главнокомандующими в Ставке для «выработки однородной совместной

---

³³⁶ Там же. С. 398.

³³⁷ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 409.

³³⁸ Там же. С. 414.

тактики», правительство ограничилось «командировками офицеров» и «разговорами по юзу».

Помимо привлечения исторических источников, автор прибегал к изучению проблемы, учитывая психологические аспекты. Несмотря на то, что этот вариант конструирования революционного процесса не был новым для русского зарубежья, тем не менее, он иллюстрировал позицию историка, являясь одновременно еще одним аргументом, подтверждающим его концепцию. По мнению С.П. Мельгунова, непосредственная встреча Временного правительства со Ставкой нужна была еще и потому, что, принимая программу и методы, «выдвинутые думским прогрессивным блоком», высший командный состав армии, так же как и представители верховной власти, не смогли сразу осознать, что произошедшая Февральская революция «требовала коренной перемены и тактики и методов воздействия на массу»³³⁹. В этом, по мнению историка, кроется «одна из основных причин» разложения фронта. Показательным примером здесь будет являться история назначения и отставки на пост верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В Пскове, «думские делегаты» «не возразили» против решения Николая II назначить верховным главнокомандующим Николая Николаевича, упуская из вида тот факт, что это назначение «психологически было невозможно и грозило вызвать осложнения»³⁴⁰. Таким образом, само Временное Правительство подготавливало «почву для демагогии», влияние которой на армию в скором времени оказалось роковым.

С.П. Мельгунов, подробно анализируя влияние приказа №1 на вооруженные силы страны, пытался показать, что документ не был причиной разложения русской армии. С этой целью он выработал новую модель подачи исторического материала. Историк разграничил три немаловажных момента в принятии властью того или иного постановления: причины создания документа («задумка» власти), обстоятельства проведения и истинные результаты воздействия постановления (итог «реформы»), и отношение общества к новому закону. Показательным

---

³³⁹ Там же. С. 370.

³⁴⁰ Там же. С. 371.

примером является история с приказом №1. Так, к моменту наступления Февральской революции «никакой непроходимой пропасти» между солдатами и офицерами не существовало. Но «условия», во время которых происходило восстание в столице, – «когда солдатская масса почти всегда выступала без офицерского состава», – вполне естественно вызвали «недоверие к настроениям верховного слоя армии», проявлявшееся у солдат по мере нарастания «страха ответственности за содеянное»³⁴¹ ими деяние в будущем.

В столице уже с 1 марта невозможно было наблюдать «ни одного факта убийства “офицера”». Подобного нельзя было сказать о Кронштадте, откуда вести «о происходивших там насилиях над офицерами» донеслись утром 1 марта 1917 г. до Петрограда. Для успокоения солдатской массы и «был принят в порядке простой митинговой резолюции» без предварительного рассмотрения приказ №1, поэтому его создатели «едва ли задумывались о завтрашнем дне». Сам документ относили к области «положительной революционной пропаганды».

В концепции историка отношение армии и общества к приказу №1 было отрицательное. Сразу после завершения Февральской революции 3 марта 1917 г. раздались протесты со стороны высшего командного состава армии против документа. В глазах общества приказ №1 явился «символом мероприятий, разлагавших армию», и как следствие этого, постоянные требования к власти «о безоговорочном признании его “ошибочным”». Тем не менее, в начале революционного процесса текст приказа №1 «не мог иметь разлагающего влияния», по крайней мере, в столице. Иллюстрацией к этому лучше всего служат тексты протоколов батальонных комитетов, возникшие во время февральской революции и сразу после нее. Они насквозь проникнуты стремлением «внести порядок» после восстания в Петрограде и наладить «железную» дисциплину. Также в них не наблюдается и «ненависти» к «офицерскому мундиру». Таким образом, делал вывод автор, внесение успокоения в столичные гарнизоны и на фронт, наступившее после февральской революции, «нельзя целиком отнести за счет “приказа №1”», но, в любом случае, этот документ «не углубил разрухи».

---

³⁴¹ Там же. С. 131.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к заключению, что причины появления приказа №1 оправдали на первых порах конечный результат, к которому он привел, но этот результат был далек и мало что имел общего с той критикой, постоянно приписывавшей отрицательное воздействие приказа на армию. Этот вывод вытекал из нового способа распределения и подачи материала, что было новым для исторического дискурса русского зарубежья.

Еще одним значением, которое утверждалось по мере развития дискурса, была степень влияния большевиков на вооруженные силы страны. Для представления своей версии происходящего С.П. Мельгунов привлек большое количество исторических источников. В концепции автора на протяжении первых двух месяцев революции воздействие большевистской пропаганды на вооруженные силы, в целом, «было совершенно незначительно». Во-первых, «реальных данных», фиксирующих увеличение дезертирства в революционное время, не имеется. Оставление фронта не носило массового характера, а было временным явлением и исходило из убеждения, что «солдаты на фронте при даровом разделе земли останутся без надела»³⁴², а не из-за нежелания воевать. Во-вторых, принятые на крестьянских собраниях в марте месяце резолюции, (напомним, что армия черпала свои силы, преимущественно, из крестьянства) свидетельствуют о двух основных требованиях – неприкосновенности территории и доведения войны «до победного конца». И, наконец, в-третьих, на основе идущих с фронта требований и резолюций автор доказывал, что пораженчество было для русской армии неприемлемо. Она была полна «военного задора» и желанья воевать. Поэтому «идеологическая платформа циммервальдцев» была чужда массовой психологии не только, когда произошла революция, но и в течение всего марта 1917 г. Для подрыва армии по средствам большевистской пропаганды «нужно было время и благоприятствующие внешние условия»³⁴³, в скором времени в изобилии предоставленные новой властью. Одна из причин крылась в психологическом моменте: Временное правительство пассивно и

---

³⁴² Там же. С. 427.

³⁴³ Там же. С. 434.

безразлично отнеслось к происходящему: оно, так же как и Советы, во многом поддалось самовнушению, что сам факт «импорта» Ленина германцами должен был оттолкнуть от партии общество. На первых порах так оно и было: масса отнеслась к пропаганде враждебно – сработал «здоровый инстинкт самопроизвольного внутреннего протеста»³⁴⁴. Но настроение масс быстро менялось: уже через три недели после приезда Ленина в столицу произошла вооруженная демонстрация, следствием которой стал первый правительственный кризис.

Еще один вопрос, вокруг которого неоднократно разворачивались споры в русском зарубежье, сводился к тому, когда окончательно разложилась армия. По мысли Мельгунова, ситуация на фронте, обрисованная в докладе военного министра А.И. Верховского в преддверии Октября 1917 г., рисовалась катастрофической и была далека от действительности: «тот факт, что немцы до октябрьского переворота все же не решились ослабить свой Восточный фронт, сам за себя говорит»³⁴⁵. Поэтому на момент свершения Октября 1917 г. фронт «не представлял из себя какую-то почти развалившуюся храмину, которую только искусственно поддерживала инерция»³⁴⁶. Таким образом, позиция Мельгунова на этот счет была совершенно новой для дискурса и вытекала из всех основных положений авторской концепции.

Параграф 2.3. Характеристика вектора революционного процесса 1917 г. в трудах представителей русской эмиграции

Кроме двух основных проанализированных проблем, в работах представителей русского зарубежья присутствовали также размышления на разные темы, которые добавляли нюансы в понимание революционного процесса. Poleмика между эмигрантами разразилась вокруг *проблемы виновности за то,*

---

³⁴⁴ Мельгунов С.П. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции // Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 571.

³⁴⁵ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть // Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 110.

³⁴⁶ Там же. С. 250.

что революционный процесс 1917 г. поменял свое направление. Эта проблема напрямую не ставилась, однако она являлась следствием многих причин и органически вытекала из авторских концепций. Первые фрагменты, касающиеся рассматриваемого вопроса, можно встретить у представителей, относящихся к правому крылу русской эмиграции. Уже в 1918 г. в Ростове-на-Дону был опубликован сборник «Монархист», в котором можно найти мысль, что как только «пришла революция», так она «сразу приняла ложное направление», поскольку «пошла под флагом свержения власти Государя – вопреки интересам и желаниям народной массы»³⁴⁷. Народ хотел уничтожить «власть сатрапов-министров, окружавших Царя, но не его власть». Вывод автора, относительно революционного процесса прост: «революция с первого момента приняла антинациональный, противонародный характер и, поэтому, она заранее была обречена на гибель и государственное несчастье»³⁴⁸.

Если предыдущая работа только констатировала, что вектор революционного процесса был извращен, то другая статья, находящаяся в том же сборнике, подробно говорила о том, кто его исказил: «главари революционного движения, злонамеренные товарищи, уничтожили порядок и дисциплину на фронтах, в войсках, в тылу: в управлениях, в школах, на фабриках и заводах»³⁴⁹.

В следующем году ответить на поставленный вопрос попытался М.В. Родзянко. В исторической версии автора виноваты были члены Временного правительства, которые не желали созыва Государственной Думы, как антитезы Совета рабочих и солдатских депутатов. Это учреждение могло бы послужить «буфером для Правительства при напоре на него чрезмерно революционного течения»³⁵⁰. Подобная политика привела к тому, что правительственная власть не сумела создать себе «опоры в более умеренных элементах страны».

Не оставались в стороне от поставленной проблемы представители, вышедшие из военных кругов. Так, по мнению В. Пронина, виновато было

---

³⁴⁷ Нет Царя – Нет Великой России // Монархист. Вып. 1. Ростов н/Д., 1918 . С. 11.

³⁴⁸ Там же. С. 12.

³⁴⁹ Россия необходима Монархия // Там же. С. 5.

³⁵⁰ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 53.

Временное правительство в силу того, что не смогло справиться с пропагандой и разрастающейся анархией. В дальнейшем, когда автор показывал сопротивление А.Ф. Керенского и Л.Г. Корнилова, то вина лежала на первом, т.к. именно он, «поддерживаемый Советом Солдатских и Рабочих Депутатов, получая отсюда указания и директивы», «вступил в борьбу с генералом» и пытался «свалить его».

Таким образом, в самом начале зарождения исторического дискурса вина за искажение вектора революционного процесса 1917 г. подавалась читателям в общих чертах и возлагалась, преимущественно, на ту или иную силу. Помимо этого, у некоторых представителей русского зарубежья вина начинала носить персонифицированный характер. Эта позиция была присуща, в основном, представителям, вышедшим из военной среды.

В 1919 г. свое отношение к затронутой проблеме высказали эсеры. Если обратиться к работе Г.И. Кваши «Очерки русской революции», то некоторую степень вины можно усмотреть в деятельности Временного правительства, поскольку оно взяло неверный политический курс: продолжало вести войну «до победного конца», не оберегая армию от крайне левой пропаганды, не созывало Учредительное Собрание, не решало другие, заостренные революцией, проблемы и т.д. Однако здесь, скорее всего, не столько возложение вины на правительственную власть, сколько констатация ее ошибок и промахов.

Повествуя о революционном процессе 1917 г., автор отталкивался от мысли, что «революция – это чрезвычайно тяжелая и опасная операция, что страна представляет пороховой погреб, и, следовательно, с огнем нужно обращаться осторожно». Исходя из этих соображений, Г.И. Кваша возлагал долю вины на социалистические партии, которые вместо того, чтобы сдерживать массы, наоборот, стремились разжечь их своими речами и посулами.

Солидарен с предшествующим автором был А.А. Штевен, возлагая вину за искажение вектора революционного процесса 1917 г. на социалистов. Автор ставил им в укор то, что они, допуская «некоторую долю демагогии», должны были понимать, «что социалистический рай в России в крайнем случае возможен

лишь в результате упорных усилий целого ряда поколений...»³⁵¹. В скором времени социалистические идеи начали разбиваться о русскую действительность. В результате, в среде социалистов стали возникать «безнадежные метания»: с одной стороны, «патриотические порывы спасти погибающую страну», а с другой, «трусливая боязнь порвать с демагогией, которая явно вела страну к гибели». В этой ситуации, по мысли А.А. Штевена, необходимо было призвать народ к исполнению гражданского долга и железной рукой... подавить демагогию³⁵². Однако социалисты, «не решившись» на этот шаг, отдали «всю страну на потеху демагогов».

Таким образом, отличительной чертой этих двух работ явилось то, что в них впервые вина за искажение вектора революционного процесса 1917 г. была возложена на деяния социалистов, т.е. авторы не постеснялись покритиковать тех, к кому они идейно относились. Вполне возможно, что в этом факте сказалась специфика центра русского зарубежья: удаленность от европейского континента давала возможность высказываться более свободно, чем в других местах.

В начале 20-х гг. прошлого века лидер партии кадетов попытался предложить читателям свою версию. В концепции П.Н. Милюкова до первого кризиса правительственной власти апреля 1917 г. виновных сил две — Совет, постоянно оказывающий давление на Временное правительство, и «темные силы», подразумевая под ними большевиков и немецких агентов, действующих по инструкциям Германии. После апреля и примерно до июля 1917 г. включительно революционный процесс исказили снова две силы — коалиционный состав Временного правительства и большевики. В августе месяце и далее вся вина, почти целиком, ложилась на плечи Керенского.

Другой автор, П.Я. Рысс, так же как и П.Н. Милюков, на протяжении повествования неоднозначен в оценках тех, кто виноват в извращении революционного процесса. С одной стороны, пока Временное правительство первого состава «разрабатывало законопроекты» и пыталось наметить пути

---

³⁵¹ Штевен А.А. Что сейчас всего нужнее России? New York: Издание М.М. Оганесова, 1919. С. 4.

³⁵² Там же. С. 4.

решения спорных вопросов, заостренных революцией 1917 г., нетерпеливый народ, руководимый демагогами и фанатиками, нападал на правительственную власть, обвиняя ее в преступлениях против масс. Правительство сразу же сделалось «отличной мишенью» для всех тех, «кто хотел завоевать популярность». Однако члены социалистических партий, во всем виня власть, не осознавали того факта, «что наступит момент, когда им придется на деле осуществить то, что ими обещалось народу»³⁵³. Не предвидя будущего, они без конца дискредитировали Временное правительство. С другой стороны, повествуя о событиях осени 1917 г., автор возлагал вину уже не столько на социалистов, сколько на Временное правительство, которое не смогло перед лицом опасности слева сплотиться и максимально мобилизовать свои силы, чтобы дать отпор большевикам.

Таким образом, доля вины за искажение революционного процесса 1917 г. каждый раз менялась в зависимости от описываемого хронологического отрезка. Этот факт можно объяснить тем, что к началу 1920-х гг. представители русского зарубежья начали признавать сложность и многообразие революционного процесса в историческом дискурсе. Следствием этого становилось то, что трудно было возложить всю вину на какой-либо один социальный институт, силу или персону.

Отмеченная выше особенность становилась характерной чертой дискурса 1920-х гг.: все чаще авторы русской эмиграции констатировали наличие нескольких сил, искаживших революционный процесс. Например, А.И. Спиридович долю вины за извращение вектора революционного процесса приписывал не только Временному правительству, но и возлагал часть вины на конкретную личность (в июле-августе 1917 г. виновным почти во всем был Керенский, т.к., с одной стороны, покрыл большевиков, совершивших политическое выступление в июле 1917 г., а, с другой стороны, — предал генерала Корнилова, объявив последнего контрреволюционером). Однако эта позиция уже была представлена в историческом дискурсе на этапе его

---

³⁵³ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 97.

зарождения, поэтому ее можно рассматривать как общую платформу для представителей, относящихся к военным кругам, и по своим убеждениям не относящимся к монархистам.

Обвинения, звучащие в адрес Временного правительства, побудили его некоторых представителей, в частности А.Ф. Керенского, представить свой взгляд на затронутую проблему. Согласно его точки зрения виновных сил было несколько: большевики, стремящиеся захватить власть; «вожди революции», не сумевшие «во время распознать своего самого опасного, упорного и безжалостного врага – контрреволюцию, перерядившуюся в рабочую блузу»³⁵⁴; и исторические обстоятельства, когда «в урагане военного лихолетья в один мутный поток смешались две стихии – стихия революции, которой мы служили, и стихия разложения и шкурничества, на которой играли большевики вместе с неприятельскими агентами»³⁵⁵.

Интересна и своеобразна точка зрения И.Ф. Наживина, предложившего читателям иначе взглянуть на минувшие события. В концепции автора виновных сил оказывалось две: с одной стороны, интеллигенция в широком смысле этого слова, которая «видела всю жизнь, как в кривом зеркале», отказываясь воспринимать «человека таким, каков он есть в действительности». Ее мировоззрение становилось источником массы заблуждений, охвативших интеллигенцию и исказивших вектор революционного процесса 1917 г.: «нам казалось, что все люди в существе своем добры..., что требования разума для всякого человека стоят в жизни на первом месте, что все люди чрезвычайно озабочены справедливым устройством жизни, которому мешает только небольшая “кучка насильников”»³⁵⁶. Однако по мере развития второй русской революции выяснилось, что человек по природе своей «труслив, подл, жаден, лжив..., что ничто так мало не интересуется его, как те возвышенные лозунги,

---

³⁵⁴ Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь // Современные записки. Париж, 1922. Т. IX. С. 289.

³⁵⁵ Там же. С.289.

³⁵⁶ Наживин И.Ф. У разбитого корыта (письмо к русской интеллигенции) // Детинец: Сб. первый. Берлин, 1922. С. 155.

которыми мы думали зачаровать его, лозунги свободы, равенства, братства»³⁵⁷. Кроме того, автор ставил в вину интеллигенции и ту модель поведения, которая наблюдалась у нее на протяжении революционного процесса. Для примера можно привести следующую цитату: «встали из глубин народных тысячи и тысячи страшнейших преступников, для которых не было ничего святого, и – что еще страшнее, – встали миллионы трусов и предателей, которые молча терпели все и тем способствовали этим преступникам»³⁵⁸.

Помимо интеллигенции вектор направления революции 1917 г. был извращен разного рода «преступниками». По мере того, как разворачивался революционный процесс рядом с бескорыстными и честными людьми, пытающимися «сделать жизнь людей более свободной, справедливой и теплой», оказались «озлобленные неудачники» и «ловкие карьеристы», для которых революция была «не средством улучшить мир», а стала «профессией, промыслом, средством кормления». Именно они и «взяли всюду и везде первую скрипку в революции». Таким образом, И.Ф. Наживин соединил в своей концепции весь тот опыт, который накопил дискурс: он не только выделил несколько сил, извративших революционный процесс, но и возложил часть вины на интеллигенцию, т.е. взвалил ее на тех, к чьему лагерю он принадлежал. Следует добавить и то, что к середине 20-х гг. XX столетия в русском зарубежье приходит понимание того, что «к такому явлению, как русская катастрофа (революция и ее последствия) нельзя подходить с узким масштабом, возлагая вину на отдельные личности или даже группы людей»³⁵⁹.

Однако нельзя сказать, чтобы отмеченные выше тенденции полностью захватили всех представителей русского зарубежья: немало было и тех, кто по-прежнему старался возложить вину на какую-нибудь одну из сторон. Подобные точки зрения были характерны для всех персон русской эмиграции независимо от их политических взглядов. Например, в концепции монархиста М.К. Дитерихса революционный процесс 1917 г. был искажен членами Временного

---

³⁵⁷ Там же. С. 157.

³⁵⁸ Там же. С. 157.

³⁵⁹ Залесский П.И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 273.

правительства, которые были непоследовательны в своей политической линии «между словом и делом». Эта «непоследовательность явилась тяжелым искупительным крестом, который давил их во всех начинаниях, коверкал и искажал все пути рассудка и сердца, обращал их в жалких рабов достигнутой власти и в конце концов задавил окончательно»³⁶⁰.

Солидарен с предшествующим автором был монархист Экли, считавший, что виноватой во всем оказалась правительственная власть, поскольку Николай II, отрекаясь от престола, «оставил Временному Правительству могучую дисциплинированную и снабженную всем необходимым армию»³⁶¹.

Не отставали от монархистов и меньшевики. В частности, Ф.И. Дан, повествуя об истории последних дней правительственной власти, пытался приписать ей всю вину. По версии автора, Временное правительство «весьма мало руководилось “платформой” 14 августа в тех ее частях», которые были «особенно важны» с точки зрения советской демократии: вопросы войны и мира, земли и др. «двигались... черепашьям темпом» и отодвигались до Учредительного Собрания, которое, «в свою очередь, откладывалось с месяца на месяц во имя совершенства избирательной процедуры»³⁶². Необходимо было принять «решительные акты в области борьбы за мир, перехода помещичьих земель в руки крестьян и ускорения созыва Учредительного Собрания»³⁶³. Только так, по мысли Ф.И. Дана, можно было вести борьбу с большевиками «с некоторыми шансами на успех». Однако Временное правительство «не только “отделяло” себя от “левой” части Совета Республики, но явно шло ей наперекор»³⁶⁴. Таким образом, Временное правительство, взяв неверный политический курс, оказалось свергнутым в результате большевистского восстания, а «печальный опыт» Керенского, нашедший свое отражение в походе на Петроград, еще раз наглядно продемонстрировал ошибочность выбранного пути.

---

³⁶⁰ Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. М.: Дарь, 2006. С. 469.

³⁶¹ Экли. Из недавнего прошлого. (Историческая справка) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 175.

³⁶² Дан Ф.И. К истории последних дней Временного Правительства // Летопись революции. Кн. 1. Берлин-Петербург-Москва: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 166.

³⁶³ Там же. С. 172.

³⁶⁴ Там же. С. 169.

С течением времени свои взгляды пересмотрели кадеты. В концепции менее известного автора Ю.Ф. Семенова вина за искажение вектора революционного процесса 1917 г. возлагалась на партию кадетов, которая «вместо того, чтобы взять инициативу в свои руки и перейти к активным действиям, заняла оборонительное положение, постепенно отступая с позиции на позицию»³⁶⁵. Отказавшись брать инициативу в свои руки, партия кадетов «передала судьбы России в руки социалистов, т.е. практически в руки совета солдатских и рабочих депутатов»³⁶⁶.

Уже через два года после опубликования предыдущей работы лидер партии кадетов, посвящая свою статью к девятой годовщине Февральской революции, попытался объяснить читателям, почему революционный процесс 1917 г. поменял свой вектор. По мнению П.Н. Милюкова, «единодушие», охватившее страну в момент свершения Февраля 1917 г., «довольно скоро прекратилось», порождая «первые разногласия»: одни считали, что «революционная власть недостаточно сильна, чтобы удержать движение в определенном русле государственности», в то время как для других «желание сдержать революцию есть уже посягательства на верховные права народа»³⁶⁷. Подобные «разногласия» привели к «внутренней борьбе», которая «разрушила единый фронт революции и открыла его для врагов», становящихся более «организованными» и активными. В то же время, определенная степень вины лежала и на самой власти, поскольку последняя была настолько «слабой», что выпустила революционный процесс 1917 г. из своих рук, который неминуемо начал сопровождаться всевозможными «эксцессами».

На основании последних двух работ можно заключить, что по мере развития исторического дискурса кадеты начали возлагать часть вины за искажение вектора революционного процесса 1917 г. на самих себя. Меньшей трансформации подверглись труды тех, кто занимал крайние позиции в русском зарубежье. В частности, В.М. Волин вину за искажение революционного процесса 1917 г. возлагал на исторический ход развития страны, а именно на «отсутствие в

---

³⁶⁵ Семенов Ю.Ф. От распада к собиранию // Вестник Русского Национального Комитета. Париж, 1924. С. 10.

³⁶⁶ Там же. С. 10.

³⁶⁷ Милюков П.Н. Десятилетие февральской революции // Последние новости. Париж, 1926. № 1816. С. 1.

России, вплоть до самой революции, широкой сети прочных, имеющих историческое прошлое, прошедших известный путь идейного развития, опыта и борьбы, классово-трудовой организации»³⁶⁸. Этот факт выразился в том, что идеи анархистов, имеющиеся «в достаточном количестве», в виду отсутствия определенных «органов» не смогли «претворяться в жизнь определенными социальными клетками», а «бросались в воздух и рассеивались».

Однако по мере развития дискурса в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. некоторые анархисты стали пересматривать многие положения своих концепций. Так, по мнению анархиста П.А. Аршинова, вся вина за искажение вектора революционного процесса возлагалась, преимущественно, на большевиков, т.к. они смогли «подменить идею социальной революции и социального освобождения масс идеей советской власти»³⁶⁹. Захватив власть в Октябре 1917 г., реализуя на практике «идею советской власти», социал-демократы не только подчинили себе революционный процесс, задушив «социальную революцию рабочих и крестьян», но и «достигли полноты власти и провозгласили свою диктатуру в революционной стране». Все это позволило большевикам «перекроить весь ход русской революции», навязывая России насильственным путем «множество таких экспериментов, которые противны были ее существу». Следует отметить тот факт, что вина за искажение вектора революционного процесса лежала не только на социал-демократов, но и отчасти на самих анархистов, которые не смогли дать отпор большевикам, поскольку находились тогда в «раздробленности» и «дезорганизованности». Анархисты, утопая «в море своих внутренних разногласий», так и «не вышли из кружковой скорлупы на дорогу широких действий и широких лозунгов»³⁷⁰.

Это последнее значение оказалось трудно закрепить в историческом дискурсе: большинство анархистов не видело вины своего лагеря в искажении вектора революционного процесса, поэтому у них на первый план выходили

---

³⁶⁸ Волин В.М. К вопросу о причинах «поражения анархизма» в русской революции // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 5-6. С. 11.

³⁶⁹ Аршинов П.А. Два Октября // Дело труда. Париж, 1927. № 29. С. 3.

³⁷⁰ Там же. С. 4.

совершенно иные значения, отличные от остальных сил, которые предлагали представители русского зарубежья. Учитывая различные трактовки революционного процесса 1917 г., один из авторов писал, что «многие революционные анархисты сваливают очень часто всю ответственность за... ужасы только на партию большевиков, но этот взгляд является очень односторонним. Виноваты, разумеется, больше всего большевики, но виноват также в этом и весь русский народ»³⁷¹. В своей статье автор пояснял, в чем конкретно провинился русский народ: он «не научился создавать новые культурные и экономические ценности» по причине «культурной неподготовленности населения». Русский народ, по мысли эмигранта, являлся «только силой разрушающей», поэтому к созиданию «он не приступал», поскольку не понимал, «как строить эту жизнь». Этот факт стал причиной того, что революционный процесс в России «протекал» в «чудовищных» и «уродливых» формах.

Возложение доли вины за извращение вектора революционного процесса на народ или на исторический ход развития России было свойственно не только анархистам, но и эсерам. Например, по мнению В.М. Чернова, изменение направления вектора революционного процесса произошло в силу вековой отчужденности интеллигенции от народа. Далее, повествуя о событиях сразу после осуществления Февраля 1917, автор довольно образно и эмоционально иллюстрировал выдвинутый им тезис: «организуящие верхи революционной страны и низы впервые настоящим образом вглядываются друг в друга. Но как же плохо идет искание общего языка! Сколько слепоты и бессознательности – снизу, и сколько растерянного, бессильно мудрствующего кунктаторства – сверху?»³⁷².

Тем не менее, влияние дискурса оказывалось сильнее политических пристрастий. Показательным примером может послужить позиция В. Гуревича, по мнению которого вина за искажение вектора революционного процесса лежала на социалистах, «в свое время не проявивших достаточного исторического

---

³⁷¹ Е.Н. Словесная революционность // Пробуждение. Детройт, 1928. № 6. С. 8.

³⁷² Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. Прага, 1927. № 62. С. 9.

чутья». Не одни только «буржуазные политики», но даже «многие социалисты» пытались «вогнать» революцию 1917 г. «в прокрустово ложе буржуазной демократии». Следствием этого стало то, что социалисты не смогли должным образом оценить «возможную роль творческой инициативы и сознательного вмешательства общественной власти в строительство социальной жизни, они (*социалисты* – курсив мой – Д.П.) в своем близоруком упорстве сами отдали массы большевикам...»³⁷³.

Подобные тенденции были характерны не только для «левых», но и для «правых». В монархической среде по-прежнему оставались представители, которые склонялись к старым значениям. Например, по мнению И.А. Ильина, вина за искажение революционного процесса 1917 г. полностью лежала на Временном правительстве, представители которого своими руками разрушили аппарат государственного управления и порядка. Все прежние «места» стали занимать «левые», «независимо от их неопытности, неумения, бездарности, неискренности и авантюризма». Эта мера сильно понизила «качество государственного кадра в стране», в результате чего «распались все силы, способные поддержать порядок, а силам беспорядка были открыты все возможности»³⁷⁴. Помимо этого, члены правительственной власти вместо того, чтобы опираться на «правых», постоянно искали опору «в кругах революционного подполья».

Говоря о 1917 г., нельзя не отметить работы А.Ф. Керенского, опубликованные к двадцатилетию Февральской революции, который пытался доказать, что наравне с крайне левыми (эта мысль у него прослеживалась и раньше), не мало бед нанесли Временному правительству, а вместе с ним и всему ходу развития революционного процесса, «правые», подразумевая под ними белую авантюру в лице генерала Корнилова. По мнению Керенского, «левые» жаждали «“немедленного свержения”» правительственной власти, объясняя это, то нежеланием Временного правительства созывать Учредительное Собрание, то

---

³⁷³ Гуревич В. Будущее социализма в России // Революционная Россия. Прага, 1929. № 72. С. 13.

³⁷⁴ Ильин И.А. Заветы февраля // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / Сост. и комм. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 187.

тем, что правительственная власть пыталась «сдать Петербург» германскому императору». Ленин «знал», что большинство голосов в Учредительном Собрании будет против него, поэтому не стал дожидаться Созыва «хозяина земли русской», назначенного на 28 ноября 1917 г., а решил поскорее захватить власть.

В концепции автора не только «левые», но и «правые» исказили вектор революционного процесса. В связи с тем, что «вековая тяжба» между бариним и мужиком разрешилась «в пользу деревни», то Февраль сразу «возненавидели» те, кто осознал, что «с потерей земли они... теряют и власть». В этом крылась основная причина свержения правительственной власти военным мятежом. Свое политическое выступление генералы объясняли тем, что идя против Временного правительства, они спасают его «от засилия большевистского большинства советов», не принимая во внимание тот факт, что «ни “засилия советов”, ни “большевистского большинства” в них не было и не могло быть»³⁷⁵. Кроме того, «социальные реставраторы», потерпев фиаско в корниловском восстании, продолжали наносить удары Временному правительству, «систематически “клеветать”» на него, подрывая, тем самым, «доверие» в массах к правительственной власти.

В концепции С.П. Мельгунова, вина почти целиком возлагалась на действия правительственной власти. Все то, что было проделано большевиками в период с февраля по октябрь 1917 г. — ведение пропаганды в армии, склонение масс на свою сторону, создание ВРК и т.д. — не было бы возможно, если бы Временное правительство изначально заняло бы определенную позицию, выработало бы программу и не совершало бы тех ошибок, которые каждый раз прибавляли силу большевикам.

Для подтверждения вышесказанной мысли, достаточно обратиться к периоду с июля по октябрь 1917 г. В повествовании С.П. Мельгунова, июльское выступление «на первых порах» подорвало престиж партии большевиков в глазах народа. Однако этими благоприятными условиями, когда усилился авторитет

---

³⁷⁵ Керенский А.Ф. От Октября к Февралю (Доклад, прочитанный А.Ф. Керенским на вечере «Современных Записок» 20 марта 1937 года) // Новая Россия. Париж, 1937. № 24. С. 10.

Временного правительства и ослаб большевистский напор, верховная власть не сумела воспользоваться: страх перед контрреволюцией парализовал правительство. Показательным примером являлось лояльное отношение Временного правительства к партии большевиков, господствовавшее вплоть до Октябрьского переворота. Речь главы правительства во ВЦИКе 13 июля 1917 г. показывала, что Керенский был не чужд «советского» гипноза о предстоящей контрреволюции, т.к. поставил цель «самым беспощадным образом» подавить какие-либо попытки восстановить монархическую форму правления, а не искоренить большевистскую заразу. Члены Временного правительства уже накануне июльского выступления большевиков располагали некоторыми сведениями, которые уличали руководителей большевистского восстания в связях с Германией. Тем не менее, Временное правительство до конца не довело расследование преступной деятельности большевиков, покрыв его «флером... общественного забвения»³⁷⁶: после корниловского похода большевики «получили окончательную амнистию». «Вскрыть большевистский гнойник на русской революции» помешал страх, что размеры антибольшевистского движения, достигнув внушительных масштабов, «сыграют на руку контрреволюции», поэтому Временное правительство для борьбы с большевиками прибегло к «паллиативам», которые не были в силах устранить «заразы». По мере развития революционных событий «в некоторых кругах» создалось убеждение, что правительственная власть, будучи «в зависимости от советов, своим авторитетом покрывало большевиков»³⁷⁷, а деятельность Временного правительства и отношение его к партии большевиков в сентябре-октябре 1917 г., еще больше подтверждало сложившееся убеждение.

Продолжением затронутой выше темы являлась *проблема направленности, динамики и радикализации революционного процесса 1917 г.* Здесь снова, как и в предыдущих рассматриваемых проблемах, не было единства. По мнению М.В. Родзянко, опубликовавшего свой труд в 1919 г., углублял революционный

---

³⁷⁶ Мельгунов С.П. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции // Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 609.

³⁷⁷ Там же. С. 609.

процесс Совет рабочих и солдатских депутатов, который с первых дней своего образования имел определенную программу действий в смысле превращения политически национального переворота в социальную революцию, основанную на беспощадной классовой борьбе под лозунгом «углубления революции»³⁷⁸. Только Временное правительство, создав Государственную Думу как антитезу Совету, и опираясь на нее «могло бы всегда... вести борьбу с провозглашенным принципом “углубления революции”, знаменующим на самом деле лишь развитие национально-политической революции в социально-интернациональную»³⁷⁹.

Одновременно с этой работой вышел труд, написанный от лица представителя, относящегося к военным кругам, в котором была представлена иная точка зрения. В концепции В.М. Пронина правительственная власть не принимала никаких мер, чтобы уберечь Россию от надвигавшейся анархии в стране, тем самым углубляя вектор второй русской революции. Единственный, кто мог предотвратить этот процесс, был генерал Л.Г. Корнилов, но А.Ф. Керенский решительно не хотел проводить меры, предложенные белым генералом. Таким образом, вывод автора прост: «Керенский “углублял революцию”, Корнилов сдерживал ее»³⁸⁰.

В том же году монархист П. Васильев полагал, что революционный процесс углублял Совет рабочих и солдатских депутатов, поскольку с одной стороны, преследовал только одну цель – осуществление социализма в России, а с другой – власть и авторитет Временного правительства были значительно ниже, чем Совета.

Таким образом, в исторических версиях представителей русского зарубежья на начальном этапе зарождения дискурса в зависимости от политических пристрастий авторов фигурировали различные силы, которые либо ускоряли, либо тормозили революционный процесс, но только не те, к которым относился сам автор работы.

Между тем уже тогда начали выходить труды, в которых сами авторы стали

---

³⁷⁸ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 50.

³⁷⁹ Там же. С. 53.

³⁸⁰ Пронин В.М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. С. 19.

«винить» себя в том, что именно они способствовали углублению революционного процесса 1917 г. Такие работы были на протяжении всего дискурса оставались в меньшинстве, и подобную точку зрения можно объяснить спецификой эмигрантского центра или смелостью самого автора. Показательным примером можно считать труд Г.И. Кваши «Очерки русской революции», на страницах которого автор критиковал тактическую линию и модель поведения социалистов. По его мнению, в начале 1917 г. «народные массы были за “социализм”»: социалисты-революционеры и меньшевики пользовались влиянием и популярностью в стране, но, «опьяненные количественным успехом» и «легкой победой», они «переоценили возможности русской революции», продолжая питать иллюзии в массах. «Не встречая ни откуда отпора», они и не пытались направлять и «вразумлять массы, а когда прозрели», – то «массы ушли от них далеко влево». «Старый режим» оставил революции «тяжелое наследство»: экономическую разруху и войну. Несмотря на это, всевозможные агитаторы, «выросшие, как грибы после дождя», продолжали воспевать «наступление золотого века». «Лишенные элементарных основ культуры» народные массы «принимали обещания за разменную монету». Но, чем «ярче» и привлекательнее были лозунги, тем сильнее они вступали в противоречие «с мрачной и безнадежной действительностью». В связи с этим, «прямой долг партийных организаций» был «сдерживать массы», а «не питать иллюзий». Тем временем, социалисты-революционеры и меньшевики, «поддерживая революционное настроение» и еще сильнее «развивая классовое сознание» в массах, «всячески дискредитировали идею власти». Из вышесказанного следовал вывод, что наряду с большевиками радикализации революционного процесса 1917 г. сильно способствовали социалисты.

В начале 1920-х гг. по этой проблеме высказались кадеты. В их версии исторических событий 1917 г. углубляли революционный процесс представители Совета, оказывая систематическое давление на Временное правительство. Однако у П.Н. Милюкова отрицательная роль социалистов прослеживалась только на первых порах, т.е. до апрельского кризиса власти, в то время как у П.Я. Рысса,

«социалисты» своими демагогическими речами углубляли единый вектор революции практически до Октября 1917 г. Большевики же, в концепции П.Я. Рысса, являлись больше следствием неумелых действий социалистов, приведших к сильному полевению масс, чем сознательными «ускорителями» революционного процесса, хотя и большевики, конечно, также способствовали радикализации исторических событий 1917 г. В повествовании П.Н. Милюкова, действия А.Ф. Керенского, а также «зигзагообразная» тактическая линия коалиционного правительства, не всегда импонирующая и понятная массам, способствовала склонению последних на сторону большевиков. В этом, если сильно принизить роль А.Ф. Керенского в радикализации революционных событий, намечалось сходство с П.Я. Рыссом, однако, в концепции лидера партии кадетов, большевики играли все же большую роль в углублении революции, чем у П.Я. Рысса. Солидарны были оба автора лишь в том, что программа Временного правительства первого состава, рассчитанная на сдерживание революционного процесса, не была способна довести его до крайней точки.

Таким образом, в этих трудах были показаны разные силы, ускорявшие революционный процесс 1917 г., в зависимости от описываемого промежутка времени и политической принадлежности самих персон русского зарубежья. Подобный подход можно объяснить тем, что к 20-м гг. XX столетия стало формироваться значение, согласно которому революционный процесс 1917. представлял собой сложное и неоднородное явление, что было новым для исторического дискурса.

Для многих авторов, занимающих левые позиции, непреложным был тот факт, что именно большевики «гнали дело к развязке», ускоряя и углубляя вектор второй русской революции. Иллюстрацией к сказанному, может служить позиция эсеров, высказанная ими в коллективном «Меморандуме». По версии представителей этого крыла русского зарубежья, когда наступал очередной кризис коалиционной власти, то сразу же вставал вопрос о создании социалистического правительства, поддерживаемого всеми течениями русского социализма. При этом позиция большевистской партии оставалась прежней:

находиться в положении «безответственной оппозиции» и толкать другие социалистические группы к разрыву с буржуазной коалицией, рассматривая этот разрыв как новый шаг на пути к монопольному утверждению партии большевиков. Подобная «раскольничья тактика» вынуждала партии социалистов затягивать давно изжившую себя коалицию с «цензовиками», что привело к бесплодной правительственной деятельности и как следствие этого – быстрая потеря Временным правительством популярности, к чему и стремилась партия большевиков, «рассчитывавшая сыграть на естественном нетерпении масс, подогревая и раздувая это нетерпение и планируя захват власти путем “уличного путча”»³⁸¹.

Помешать планам большевистской партии мог только созыв Учредительного Собрания, «в котором чем дальше, тем яснее определялось будущее сильное чисто социалистическое большинство, которое естественным путем означало бы конец коалиции с разбитыми на выборах цензовиками»³⁸². Этот факт, по мысли авторов, побудил «правых» в августе месяце 1917 г., в лице генерала Корнилова, захватить власть и параллельно с этим усилил стремление большевиков силой взять власть «слева», пока, «потерявшее свой авторитет» Временное правительство не уступило свое место Учредительному Собранию. Своей цели большевистская партия достигала путем «самой злостной и необузданной демагогией», включающей разжигание слепых инстинктов социальной ненависти. Результат не заставил себя долго ждать: уже осенью 1917 г. большевики оказались у власти.

Анализируя работы представителей левой части русской эмиграции, стоит отметить тот факт, что в их исторических концепциях, в отличие от правых, на первый план все же выходил вопрос не кто углублял, а кто сдерживал революционные события 1917 г. Этот факт можно объяснить тем, что политическая линия, которую проводили члены правительственной власти, не носила радикальный характер и была далека от построений, господствовавших в

---

³⁸¹ Заграничная делегация П.С.Р. Зензинов, Рубанович, Русанов, Сухомлин, Чернов. Меморандум Заграничной Делегации Партии Социалистов-Революционеров // Революционная Россия. Берлин, 1922. № 19. С. 2.

³⁸² Там же. С. 2.

среде социалистов и анархистов. В меньшинстве были те, кто считал, что тормозом революционного процесса явились сами члены партии эсеров, державшиеся крепко за коалицию с «буржуазными элементами». Показательным примером может служить работа В.М. Чернова, опубликовавшего свой труд под псевдонимом Б. Оленин в 1921 г. Автор пытался показать, что долю вины за искажение вектора революционного процесса должны нести не только большевики, но и социалистические партии, которые так же, как и Временное правительство приближали победу большевизма. По мнению В.М. Чернова, в скором времени, в среде социалистов «наступила тяжелая заминка». «Скептики», «пессимисты» и «малoverы», привыкшие «оглядываться направо», «испугались» стремительности успехов революции и «изо всей силы» принялись тормозить революционный процесс, «хватаясь... за коалицию со вчерашними “революционерами поневоле” из цензовиков, смертельно встревоженных вскрывшимся социальным содержанием революции»³⁸³. Создав «атмосферу нерешительности», они действовали пагубно «на революционную волю трудовой демократии», запугивая и себя и ее то «реальными и вымышленными», то «внутренними и внешними» «опасностями». Полагая, что революция «уже идет на убыль», пройдя свою наивысшую точку, они предлагали социализму и трудовой демократии перейти от «наступления» к «благоразумной обороне». Подобная тактическая линия, занятая верхами партии социалистов-революционеров, привела к смущению в ее низах, вызвав «рост влияния партийных “раскольников слева”». Это обстоятельство сразу придало силу большевистской партии. Даже после выступления генерала Л.Г. Корнилова партия эсеров не нашла в себе способности и смелости «отрешиться от этой самоубийственной тактики», вследствие чего волна революции «перекатилась через наши головы и вынесла на своем гребне, к вершинам власти, опьяненный нежданным поворотом счастья, большевизм»³⁸⁴, быстро приведя его к Октябрю.

Однако другие представители левой части русского зарубежья склонны

---

³⁸³ Оленин Б. Гипноз успеха // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 2. С. 3.

³⁸⁴ Там же. С. 4.

были считать иначе. Так, большинство авторов упрекали Временное правительство за буржуазный характер русской революции 1917 г., который был навязан массам и сильно расходился с желаниями последних. Размышления Е.А. Сталинского тому пример. По его мнению, «непреодолимая логика истории» не была понята и усвоена либералами, особенно кадетами. В их планы входило «ввести революционный поток в узкое русло своих неревolutionных концепций»³⁸⁵, тем самым тормозя и останавливая революционный процесс. Отсюда, вполне естественно, вытекало следствие, что именно Временное правительство являлось тормозом революционного процесса.

Тех же воззрений придерживались анархисты, выступившие в русском зарубежье позднее. По мнению анархиста Г.П. Максимова, революционный процесс тормозили в течение восьми месяцев «болванчики буржуазного манекен-театра», которые «в интересах буржуазии» отправляли «солдатские массы под губительный огонь пушек», «охраняли» от рабочих фабрики, а «землю феодалов-помещиков от крестьян». Однако, в скором времени, революционный процесс принял верное направление: «задержанная искусственно энергия восставших масс, не находя выхода, прорвала плотину и смыла их (членов Временного правительства – курсив мой. Д.П.)»³⁸⁶, в октябре 1917 г.

И если Г.П. Максимов видел причину углубления революции в классовой природе представителей правительственной власти, то Гуго Трой предложил читателям посмотреть на революционный процесс под совершенно иным углом зрения. По его мнению, город, являющийся поставщиком бюрократии, создает элемент, весьма легко находящийся пристанище в большом государственном аппарате, еще не вполне исчезнувшем и не желающем так быстро и просто исчезнуть³⁸⁷. Являя собой «наиболее консервативный и реакционный контингент», этот слой пытался «всеми силами и способами» закрепиться на местах. Именно «эти... элементы препятствуют углублению и расширению революции, боясь потерять свое положение; боясь, что новые события могут стать

---

³⁸⁵ Сталинский Е.А. Кому принадлежит будущее // Революционная Россия Юрьев, 1921. № 3. С. 1.

³⁸⁶ Максимов Г.П. Месяц великих революционных бурь // Рабочий путь. Париж, 1923. № 1. С. 4.

³⁸⁷ Гуго Трой. Некоторые вопросы революции // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 3-4. С. 10.

опасностью для их “постов”»³⁸⁸.

Важно отметить то, что в левой части русской эмиграции было зафиксировано новое значение: теперь не столько политические силы ускоряли или тормозили революционный процесс, сколько определенный слой людей представлял преграду для реализации определенных программ и доктрин. Подобная позиция постепенно стала находить отражение во многих работах представителей русского зарубежья, придерживающихся различных политических воззрений. Например, по мнению В.Б. Ельяшевича, интеллигенция углубляла вектор революционного процесса 1917 г., которая «все более и более пропитывается социализмом». Именно она «вместе с воспитанным ею рабочим классом» направила исторические события 1917 г. в социалистическое русло, способствуя углублению русской революции. Уже во время первого правительственного кризиса в апреле 1917 г. «на плакатах войск» было написано: «долой министров-капиталистов». Этот лозунг в «народной редакции» звучал как «долой буржуев», который на практике стал означать «долой» «помещиков», «фабрикантов», «чиновников», а также экспроприацию производственных предприятий и захват помещичьих земель. Вывод автора следующий: «как только появился и был подхвачен этот лозунг, было сказано то слово (*социализм* – курсив мой – Д.П.), которое неминуемо должно было привести к Октябрьским дням. 25-ое Октября есть логическое и неизбежное следствие 20-го Апреля»³⁸⁹.

По мере развития исторического дискурса стали трансформироваться его некоторые значения: от политических сил и институтов, ускорявших или тормозивших революционный процесс 1917 г., представители русского зарубежья склонялись к мысли, что немалую роль в событиях тех лет играли люди. Например, по мнению генерала П.И. Залесского, ускоряли вектор второй русской революции «немцы» и германские агенты, а также масса «бесчисленных честолюбцев, авантюристов, выскочек и просто жуликов», которые увидели в революционном процессе «широкую возможность обогащения и пролезания к

---

³⁸⁸ Там же. С. 10.

³⁸⁹ Ельяшевич В.Б. Социальные и правовые последствия русской революции // Русская мысль. София, 1921. Кн. VIII-IX. С. 198.

власти». Воспользовавшись слабостью власти, «они бросились во все стороны с факелами, чтобы разжечь костер, усилить пожар России, углубить революцию – дабы легче было потом грабить и легче захватывать власть и все, что с нею связано!»³⁹⁰.

Помимо указанных «общих мест», нашедших отражение в концепциях авторов русской эмиграции, в текстах публицистов был еще один, общий для всех, вопрос, который специально не ставился представителями русского зарубежья, но, так или иначе, присутствовал в их работах. *Проблема рубежа* сводилась к тому, когда России представился последний шанс наладить ситуацию в стране, и когда наступил тот критический момент, после которого России уже неминуемо грозила гибель?

В кругах русской эмиграции не было единого ответа на поставленный выше вопрос, т.к. решение проблемы зависело от времени написания работы. На этапе зарождения дискурса господствовало убеждение, что в революционном процессе 1917 г. можно выделить момент, после которого все попытки поправить положения были безнадежны. За разработку этой проблемы в русском зарубежье взялись те, кто возлагал большие надежды на Февральскую революцию: кадеты и представители, принадлежащие к военной среде. Кроме того, раскрытие этой темы стало возможно только к 20-м гг. XX в., т.е. после того, как в историческом дискурсе зафиксировалось значение, согласно которому революционный процесс 1917 г. был многофакторным и представлял собой сложное и неоднородное явление.

Одними из первых, кто стали высказываться по рассматриваемой проблеме, были представители из военных кругов. Так, в их среде господствовало убеждение, что страну можно было вывести из кризиса, приняв условия и программу Л.Г. Корнилова. Эта мысль наиболее сильно была развита А.И. Спиридовичем. По его мнению, после неудачи июньского наступления русской армии, на Совещании высших военных начальников, собравшихся в Ставке 16 июля, Керенскому, «наивному в военном деле», «была прочитана резкая лекция»,

---

³⁹⁰ Залесский П.И. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 212.

а речи «популярных генералов», прозвучавшие на Московском Государственном Совещании в августе 1917 г., «дополнили ее». Именно тогда Временному правительству предлагались «пути к спасению». Глава правительства «осторожно» пошел на требования, выдвинутые Корниловым, на которого «с надеждой смотрели» как «цензовые элементы», так и «многие социалисты». Содружество вождей армии с правительственной властью при участии «широких общественных кругов» предвещало скорую гибель «левому крылу социализма с его Советами и Комитетами». «По соглашению» Корнилова, Керенского и Савинкова к столице, постепенно, начали стягиваться войска. Однако Керенский, метнувшись «в сторону левой демократии», резко порывает «налаженный с трудом союз» и предает генерала Корнилова, обвиняя последнего в измене. На защиту революции, которая сразу «была объявлена в опасности», призываются рабочие и Советы, и уже 1 сентября был арестован генерал Корнилов. Так, поражение Корнилова открыло мрачные страницы отечественной истории.

В тоже время, работа А.И. Спиридовича «История большевизма в России» показывала, что после провала большевистского восстания в начале июля 1917 г., Временному правительству был предоставлен благоприятный случай, чтобы вывести страну из кризиса, т.к. с подавлением мятежа и оглашением некоторых данных, уличающих большевиков в измене, оно приобрело авторитет в глазах населения. Но действия правительственной власти не способствовали улучшению положения в стране, а, наоборот, еще больше ухудшили его. Эта мысль была для русского зарубежья не новой, поскольку высказывалась раньше другими представителями. Например, Г.И. Кваша полагал, что после ликвидации большевистского выступления в июле 1917 г. Временному правительству следовало начать вести более решительную борьбу с большевиками. Однако это замечание носило, скорее всего, рекомендательный характер.

Кадетская версия революционного процесса 1917 г. была в этом вопросе близка к позиции, исходящей от военных кругов. Например, П.Н. Милюков в работе «История второй русской революции», повествуя о событиях последних двух летних месяцев 1917 г., объединял их под одно общее название «Корнилов

или Ленин?» Для автора этот исторический момент был ключевым, т.к. Керенский, объявив войну генералу и ликвидировав корниловское движение, отдал Россию в руки большевикам. Уже с сентября 1917 г., в концепции лидера партии кадетов, началась «агония власти».

В повествовании П.Я. Рысса, критический момент, после которого России грозила бы неминуемая гибель, сглаживался и четко не прописывался, отодвигаясь на более ранний период. В марте-апреле 1917 г., когда окончательно укрепилось двоевластие и Совет рабочих и солдатских депутатов начал вести свои речи против Временного правительства, то последнему следовало, опираясь на еще верные войсковые части, разогнать Совет. Этот шанс представился правительственной власти еще раз во время первого министерского кризиса: автор работы ставил в вину Милюкову и Временному правительству то, что в те «роковые апрельские дни» министр иностранных дел «не прибеж к хирургии»: опираясь на надежные полки «арестовать Совет». Но не найдя поддержки в правительстве, «Милюков боялся рискнуть». Однако здесь трудно усмотреть критический момент, после которого страну ожидала бы гибель. Позиция П.Я. Рысса, в этом хронологическом отрезке, сходна с П.Н. Милюковым: лидер партии кадетов оценивал программу и все дальнейшие действия первого коалиционного состава правительственной власти критически и не вполне приемлемым для России, однако роковые дни для страны наступили позже.

В интерпретации П.Я. Рысса, агонии власти, в той степени, в какой она присутствовала у П.Н. Милюкова, не наблюдалось, т.к. еще осенью, по мнению первого автора, можно было наладить ситуацию, сплотившись всем партиям от либералов до социалистов вокруг правительства и попытаться дать отпор большевикам.

Таким образом, критический момент для страны наступал по мере развития революционного процесса. В этой связи необходимо отметить работу «Временное правительство...»³⁹¹, в которой можно встретить такую цитату: «все неудачи оно (*Временное правительство* — курсив мой. — Д.П.) могло относить на счет

---

³⁹¹ Временное Правительство (опыт анализа) // Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 7-61.

“гнилого наследия”..., все удаchi могло ставить себе в особую заслугу. Оно пользовалось доверием и симпатиями, к его услугам были все средства и возможности. Едва ли в истории народов можно указать пример более благоприятной конъюнктуры для правительственной работы... Всё, казалось, было им (*членам Временного правительства* — курсив мой — Д.П.) на пользу, они сами были себе во вред»³⁹². Так, основываясь на тексте работы «Временное правительство...», можно заключить, что первые неумелые действия правительственной власти уже к марту 1917 г. привели страну к кризису: «ни одна мера не удавалась, всякий делаемый шаг только ухудшал положение»³⁹³, поэтому если и можно было бы спасти ситуацию, то только на начальном этапе работы нового правительства.

Позднее, по мере движения исторического дискурса, когда стали высказываться представители, придерживающиеся левых взглядов, то в их исторических версиях революционного процесса 1917 г. уже отсутствовал тот момент, после которого власть большевиков была бы неминуема. Так, в концепциях авторов более левого толка (Сталинский, Рубежанин, Волин и др.), Временное правительство, не сумевшее, а иногда и не желавшее, еще в самом начале революционного процесса 1917 г. решить грозные проблемы, обостренные революцией, ждало свержение со стороны крайне левых, поэтому выделить момент, после которого власть большевиков становилась неизбежной — не удастся. Если же, в работах указанных авторов, (например, Рубежанин), и говорилось, что поход генерала Корнилова ускорил падение правительственной власти, то он, действительно, только ускорил, но не предопределил наступление Октября 1917 г.

Если обратиться к работам, написанным после Второй мировой войны, то такого критического момента, после которого власть большевиков была бы неизбежна, практически, не было. Например, в концепции С.П. Мельгунова Временному правительству, после репетиции Октября в июле 1917 г.

---

³⁹² Там же. С. 55.

³⁹³ Там же. С. 59.

представился шанс, которым правительственная власть не сумела воспользоваться, чтобы укрепить свои позиции и авторитет. Но из этого не следует, что после июля-августа 1917 г. власть большевиков в России становилась неминуемой. Более того, по мнению историка, еще в середине октября месяца Временное правительство могло принять меру, которая могла бы предотвратить роковые события Октября 1917 г., – немедленно ликвидировать ВРК, уничтожение которого, «вероятно», не встретило бы даже «вооруженного сопротивления»³⁹⁴.

Решение затронутой выше проблемы ставило еще одну — *проблему фатализма*, которую поднял, одним из первых, П.Н. Милюков, говоря о коалиционной власти после корниловского выступления: «все понимали, что это будет уже последняя попытка сохранить государственность на той позиции “буржуазной революции”, которую все считали необходимой, но слишком немногие проявили готовность защищать последовательно и серьезно. Начиналась агония власти...»³⁹⁵. Уже тогда, по мысли автора, «было ясно», что новое коалиционное правительство «не может рассчитывать на успех» при «агрессивном настроении крайних», при всё разрастающейся анархии в стране, «при полном игнорировании государственных нужд и целей “демократическими организациями”, которые росли, как грибы, и плотным кольцом отрезывали правительство от всякой возможности влияния на массы...»³⁹⁶. В течение последних двух месяцев существования Временного правительства Керенский «проявлял... роковую пассивность, которая, быть может, вытекала из понимания безнадежности положения, но во всяком случае, окончательно эту безнадежность закрепляла»³⁹⁷.

Характеристика внутривластной ситуации в стране в период с конца августа по октябрь 1917 г., изложенная Милюковым, была близка к позиции А.И. Спиридовича. В концепции последнего, осенью 1917 г. почва для критики

---

³⁹⁴ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть // Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 104.

³⁹⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 433.

³⁹⁶ Там же. С. 532.

³⁹⁷ Там же. С. 540.

правительственной власти была благодатная: «повсюду шли беспорядки», вызванные неразрешенными аграрными и продовольственными вопросами. Анархия наблюдалась не только в городах, но и в деревне, где земельный вопрос начал разрешаться крестьянами, согласно их представлениям и желаниям. Временное правительство не смогло справиться с анархией — власть на местах полностью отсутствовала: правительственная власть «эпохи князя Львова» своими руками уничтожила ее и могла наблюдать «плоды своей революционной политики».

Позднее С.П. Мельгунов заставил посмотреть читателей на эту проблему с другой стороны. Так, по его мнению, газетные сведения и свидетельства мемуаристов показывали, что в дни и часы, предвещающие события 25 октября 1917 г., не было «агонии революции», нашедшей отражение в воспоминаниях (характеризующих больше эмигрантское мироощущение, а не предоктябрьские настроения), а была уверенность как в своих силах, так и в слабости противника. По этой же причине отпадал и мемуарный «фатализм», якобы завладевший демократической интеллигенцией, «по которому власть большевиков казалась “точно заранее предначертанной, неизбежной и неумолимой” (с.-р. Соколов) и который порождал пассивность (*правительственной власти* — курсив мой — Д.П.)»³⁹⁸.

Таким образом, «агонию» Временного правительства, явившуюся частью революционного процесса 1917 г., необходимо рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны, на начальном этапе зарождения дискурса агония правительственной власти объяснялась не столько анализом исторических событий, сколько мироощущением авторов, утративших надежду на чужбине, и явилась следствием эмоционального настроения персон. Позднее, по мере развития исторического дискурса и изменения внутривластной ситуации в России, с течением времени отпадала и агония власти.

---

³⁹⁸ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. // Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 100-101.

С другой стороны, эта «агония» Временного правительства не имела ничего общего с фатализмом. Указание авторами «последнего шанса» свидетельствовало, скорее всего, о том, что у каждого представителя русской эмиграции, принявшего революцию, имелась определенная черта или точка, на которой революционный процесс 1917 г. должен был остановиться и дальше не углубляться. Эта «идеальная модель» революционного процесса не позволяла авторам принять дальнейшие, разворачивающиеся в стране, события. С этого момента, в повествовании представителей русского зарубежья, начинала присутствовать общая характеристика революционного процесса 1917 г. в России, выражающаяся в словах: «произвол», «давление», «агония», «катастрофа» и т.д. Например, по мнению монархиста И.П. Якобия, Временное правительство, с момента зарождения и до конца своего существования, продемонстрировало «полную неспособность» справиться с анархией, т.к. в стране после падения монархии не было сильной власти, несущей ответственность, как за ведение войны, так и за управление государством. В тоже время у анархистов описание событий, последующих за Октябрем 1917 г., принимали те же общие черты, характеристику и окраску, что и у монархистов, повествующих о фактах, сразу после Февраля 1917 г. Это еще одно «общее место», объединившее представителей русской эмиграции не зависимо от того, к какому политическому лагерю относился автор.

Характеризуя вектор революционного процесса 1917 года, нельзя не остановиться *на проблеме его завершения*. Как было показано в первой главе диссертации, начальная точка зарождения революционного процесса была у каждого автора своя. Подвижность верхней границы революционного процесса объясняется многими причинами. Одна из них состоит в сложности самих исторических событий, происходящих в стране. Это ощущалось современниками почти сразу после окончания 1917 года: «черный ужас, в который постепенно опускалась наша родина,... представляет собою необычайно сложное сплетение

событий, движущих идей и обстоятельств, в которых нелегко было разобраться самому острому и изощренному государственному уму»³⁹⁹.

Решительные действия большевиков повергли многих в состояние шока, именно от осуждения деяний крайних левых и отталкивались представители русского зарубежья на этапе зарождения дискурса. Некоторые авторы показывали преемственность политической линии социал-демократов с другими деятелями революционного процесса: «зверства, учиненные большевиками, гораздо ужаснее того, что учиняли их революционные предшественники»⁴⁰⁰.

Другие, стремились вселить в читателей надежду на скорейшее завершение революционного процесса, проводя исторические параллели с событиями Смутного времени⁴⁰¹.

Третьи, пытались повествовать читателям о тех людях, которые намеревались противостоять большевикам. С этой целью авторами выбиралась определенная нарративная модель. Показательным примером является работа В.М. Пронина «Генерал Лавр Георгиевич Корнилов», в которой всё повествование выстраивается вокруг исторической персоны генерала, чья жизнь оборвалась в 1918 году, поэтому вполне естественно, что вектор революционных событий автор доводит до этого момента.

По мере развития исторического дискурса на первый план всё чаще выходил анализ самого большевизма, как феномена русской культуры, который появлялся как из под пера правых, так и левых авторов. Например, Ювенал считал, что большевизм является только частью революции, преемственно связанный со всеми другими ее частями, который не являл собой «целостного настроения, и первый июльский, затем второй октябрьский анархо-большевизм... несколько непохожи на нынешний советский милитаризм»⁴⁰². Более умеренные

---

³⁹⁹ Кречетов С. Вещий голос // Орфей. Ростов н/Д., 1919. № 1. С. 45.

⁴⁰⁰ Довольно обмана // Монархист. Вып. 2. Ростов н/Д., 1918. С. 8.

⁴⁰¹ Карачаров П. Две Смуты. Рассказ о том, кто спасал и снова спасет русскую землю. Ростов н/Д., 1919.

⁴⁰² Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 50.

авторы склон были считать также: «большевизм явился бесспорным детищем революции»⁴⁰³.

В том, что большевизм является частью революции, и что революционный процесс еще не завершен, с этой мыслью были согласны, как правые, так и левые авторы. Так, еще в 1920 году В.М. Чернова, критикуя политическую линию большевиков, писал: «Большевизм есть революция. И революция в России не закончена, она продолжается»⁴⁰⁴. Критика большевиков проводилась и по линии сравнения их с якобинцами, что опять же, удлиняло вектор революционного процесса⁴⁰⁵.

В начале 1920-ых гг., по мере развития исторического дискурса революционные события начинают переходить от стадии описания к стадии осмысления. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на верхней границе революционного процесса 1917 г. Так, еще в 1921 г. П.Н. Милюков, повествуя об истории второй русской революции в одноименной работе, доводит вектор до конца октября-ноября 1917 года, когда большевики берут власть в Москве. Такие хронологические рамки объяснялись выбранной автором нарративной моделью, стержнем которой во многом была деятельность Временного правительства, куда входил сам автор. Однако подобное значение оказалось трудно закрепить. Как правые, так и левые авторы предлагали свои версии. В частности, П.Я. Рысс, публикуя свою работу в 1921 году, считал, что октябрьский переворот, как и гражданская война – это лишь эпизоды в истории русской революции, а сама революция еще не завершена⁴⁰⁶.

После завершения гражданской войны в России постепенно стали меняться и взгляды представителей русского зарубежья на длину вектора революционного процесса. Этому, во многом, способствовали анархисты, полагая, что большевики, подавив Кронштадтское восстание и разгромив махновщину, «затравили лучшие соки русской революции». С поражением анархизма в России

---

⁴⁰³ Локоть Т.В. «Завоевания революции». Вена: Детинец, 1921. С. 36.

⁴⁰⁴ Чернов В.М. Революция или контрреволюция. (К третьей годовщине октябрьского переворота) // Приложение к «Революционная Россия». Юрьев, 1920. № 1. С. 3

⁴⁰⁵ Гольденвейзер А.А. Якобинцы и большевики (психологические параллели). Берлин: Мысль, 1922.

⁴⁰⁶ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921.

его представители связывали и окончание революционного процесса, доводя его до 1921 года⁴⁰⁷.

Стоит отметить, что внутри одного центра русского зарубежья господствовали разные точки зрения на момент завершения революционных событий. Для П.П. Сувчинского, писавшего работу в том же году что и П. Аршинов, большевистский период затянулся и всё еще продолжается⁴⁰⁸. Отчасти солидарен с П.П. Сувчинским был И.А. Ильин, полагая, что любая революция – это всегда нарушение и разложение права и мира, а большевизм «был и остается общепризнанным духовным стержнем нынешней революции», приводя к расколу и гражданской войне, являющейся частью революции⁴⁰⁹.

Размышляя о векторе революционного процесса во второй половине 1920-х годов, авторы всё чаще стремились не указывать точную дату конца этого события. Так, П.Н. Милюков, создавая свою версию революционного процесса, вместо термина «революция» в заглавие своей работы выносит более широкое понятие «перелом», в который хронологически входят исторические события, предшествовавшие 1917 году, сам 1917 год, деяния гражданской войны, а также события, выходящие за рамки гражданской войны. И всё же, 1921 год автор считает «поворотным пунктом», поскольку, с одной стороны, ознаменовалось «вырождение белого движения», а «голод 1921 г. обнаружил истощение России под большевистским управлением». А с другой – в стране «начался конструктивный процесс»⁴¹⁰.

В подтверждение сказанного выше можно привести ряд работ представителей русского зарубежья, придерживающихся левых взглядов, опубликованных в год юбилея революции 1917 года, в которых также отсутствует

---

⁴⁰⁷ Аршинов П.А. Анархо-большевизм и его роль в русской революции // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 1. С. 56-59.

⁴⁰⁸ Сувчинский П.П. К преодолению революции // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 30-51.

⁴⁰⁹ Ильин И.А. Большевизм и кризис современного правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 7-26.

⁴¹⁰ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927; Он же. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927.

точная дата конца революционного процесса, распространяющегося на начало 1920-ых годов⁴¹¹.

Верхнюю границу революционного процесса не всегда могли определить и правые авторы. Неприятие революции, как исторического события накладывало свой отпечаток и на авторскую позицию: «Россия переживает кризис, который лишь мелкие и ограниченные умы могут замыкать ее границами»⁴¹². Однако некоторые персоны правого крыла русского зарубежья указывали скорый момент завершения революционных событий в России, отталкиваясь от самой общественной природы человека: «длительность же всякой революции – 25-30 лет...: это просто средний срок жизни того поколения, которое... принялось за грабежи и за убийства». Поскольку это поколение долго не живет, то сменившее его другое поколение уже «не считает себя ответственным за грехи революции»⁴¹³.

И всё же стоит отметить, что некоторые авторы указывали точную дату завершения революционного процесса в России. Так, в концепции Г.П. Федотова 1920 год явился годом окончания революции, поскольку «к этому времени большевизм уже выполнил свою историческую миссию»: «уничтожил... все здание царской, дворянской и интеллигентской России», а также завершил «разгром белых армий»⁴¹⁴. Далее шло уже строительство новой России, чему посвящена у автора отдельная глава. В работе анархиста В.М. Эйхенбаума, писавшего под псевдонимом Волин, также имеется точная дата конца революции: 1921 год – год, когда было подавлено Кронштадтское восстание и разгромлено махновское движение. Этот факт являлся общим местом у анархистов, поэтому здесь нет новизны суждения, а лишь подтверждено и закреплено прежнее значение.

---

⁴¹¹ Десять лет Октябрьской революции // Знамя борьбы. Берлин, 1927. № 22-23. С. 2-16; Рубежанин М.И. Итоги русской революции // Пробуждение. Детройт, 1927. № 4. С. 1-10; Шрейдер Е. Октябрь // Революционная Россия. Прага, 1927. № 61. С. 21-26; Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. Прага, 1927. № 62. С. 7-13 и др.

⁴¹² Уверин. Точка зрения бодрости на катастрофизм положения России. (К вопросу о русском мессианизме) // К христианской монархии. Временник Российского императорского союза. Париж, 1930. С. 26.

⁴¹³ Солоневич И.Л. Большевицкие ступеньки // Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. С. 20

⁴¹⁴ Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. С. 90.

Таким образом, верхняя граница революционного процесса, в подавляющем большинстве выходящая за рамки 1917 года и включающая в себя период гражданской войны, оказалась размыта. Этому способствовало, как сложность самого исторического события, так и определенный этап развития исторического дискурса, а в некоторых случаях и выбранная автором нарративная модель. К тому же, на авторскую позицию влияла и приверженность представителя русского зарубежья к определенному политическому лагерю. Как показано в третьей главе диссертационного исследования еще один фактор, влияющий на хронологические рамки революционного процесса, будет авторское понимание двух ярких моментов революции – Февраля и Октября 1917 г.

Глава 3. Февраль и Октябрь 1917 г. в историческом дискурсе русского зарубежья

Параграф 3.1. Февраль 1917 г. глазами русской эмиграции

После анализа причин крушения отечественной государственности и движения вектора революционного процесса в период с марта по октябрь 1917 г. далее уместно перейти непосредственно к рассмотрению событий Февраля 1917 г. Революционные события конца февраля-начала марта 1917 г. попадали в центр внимания русской эмиграции, пытающейся сформировать для себя ясную и стройную картину свершившихся деяний.

Первые труды вышли из-под пера непосредственных участников революционных событий и были довольно скупы в фактографическом плане. Первый вопрос, возникающий у любого читателя, сводился к тому, с чего и как зарождался Февраль 1917 г. С ответа на него, как правило, и начиналась разработка этой темы. Так, по версии М.В. Родзянко, выступления в столице «начались на почве отсутствия продовольствия», которые «стали быстро» распространяться на «другие города» Российской империи. В Петербурге «своего апогея» волнения достигли 25 февраля.

Если принять во внимание тот факт, что М.В. Родзянко являлся крупной политической фигурой того времени, соответственно, стержнем повествования, вокруг которого будут группироваться факты, станут различные учреждения (в частности, Государственная Дума) и создающаяся в Феврале 1917 г. новая конструкция власти. В этой связи автор не мог не обойти вниманием события 27 февраля, когда был создан Временный Комитет Государственной Думы. Вполне естественно, что в работе фигурировали обстоятельства его появления, обосновывающиеся Родзянко исходя из положения, в котором находился Петроград. Во-первых, обстановка в столице была нестабильной: на улицах города «начиналась форменная резня». Во-вторых, положение осложняло то, что от Николая II, находящегося в Ставке, «никаких распоряжений... не поступало»,

поэтому Петроград «был предоставлен нарождающейся безбрежной анархии» в условиях «полного отсутствия власти». По этой причине «Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию...»⁴¹⁵. Если бы Государственная Дума отказалась от своих намерений, то «сразу наступила бы полная анархия и Отечество погибло бы немедленно». Таким образом, М.В. Родзянко попытался обосновать выступление Государственной Думы и одновременно приписать ей высокую роль.

Говоря о событиях Февраля 1917 г., автор коснулся обстоятельств отречения царя. Так, М.В.Родзянко считал, что при сложившейся внутривластной ситуации единственный выход состоял в отречении Николая II от престола в пользу сына. Для автора не было сомнения, что «эта комбинация» успокоила бы волнения, но Николай II «не поверил указаниям» Родзянко и «запросил» мнения всех главнокомандующих фронтов по этому вопросу. Запрошенные лица «единогласно» дали утвердительный ответ. Автор намеренно выделял в своей работе фрагмент, гласящий, что необходимо «отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, производились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению»⁴¹⁶. Подобная позиция, скорее всего, была занята потому, что сам автор находился долгое время в сношениях с главнокомандующими касательно будущего переворота и действовал с ними заодно.

В том же году начали появляться альтернативные варианты Февраля 1917 г., исходящие как от левых, так и от правых представителей русского зарубежья. Описание и интерпретация событий Февральской революции даны Г.И. Квашой набросками, напоминающими больше манеру повествования в воспоминаниях, нежели публицистических статьях. Автор сразу же отталкивался от тезиса, гласящего, что «революцию никто не устраивал, никто ее не подготовлял»:

---

⁴¹⁵ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 41.

⁴¹⁶ Там же. С. 43.

«простые русские бабы начали революцию. Первый пристав пал от казацкой шашки»⁴¹⁷. Таким образом, «застрельщиками революции» оказались «элементы весьма далекие от сознательного революционного творчества».

Однако если обратиться непосредственно к повествованию революционных деяний, то картина получится несколько иной. Автор, стремясь показать экономический крах в Российской империи, связанный с тем, что в условиях тяжелейшей войны самодержавие не может справиться с вызовами времени, выдвигал на первое место беспорядки, вызванные нехваткой хлеба. По этой причине изложение событий свержения Николая II и его правительства начиналось с 23 февраля 1917 г., когда на улицах Петербурга стала происходить «частичная забастовка рабочих», что уже «не было редкостью» для столицы. Однако отличительной чертой этой забастовки явилось то, что «многие рабочие вышли на улицу вместе с женами и детьми. Рабочие, их жены и дети требовали хлеба»⁴¹⁸. Вскоре к ним «присоединился обыватель». Но в этот день «в хлебных лавках хлеба не оказалось вовсе». 24 февраля в очередях стали громко высказываться протесты, как против правительства, так и против войны. Так зарождалась февральская революция, волны которой, в скором времени, захлестнули весь Петроград.

Автор указывал точную дату, окончательно решившую судьбу «Николая II и его правительства»: 27 февраля 1917 г., когда «на сторону революции» перешел Волынский полк. Этот «пример» оказался «заразительным»: «за Волынским полком на сторону революции Владимирский и Семеновский полки, пулеметные роты и другие»⁴¹⁹. «В течение первых двух дней» крупные города Российской империи «не только без всякого сопротивления, но с величайшей радостью» присоединились к этому движению.

На страницах своей работы Г.И. Кваша предпринял попытку рассмотреть роль и влияние Государственной Думы на события тех дней. Авторская позиция касательно роли Думы в Феврале 1917 г. диктовалась исключительно

---

⁴¹⁷ Кваша Г.И. Очерки русской революции. Нью-Йорк, 1919. С. 16.

⁴¹⁸ Там же. С. 8.

⁴¹⁹ Там же. С. 14.

общественно-политическими взглядами эмигранта, следовательно, была противоположной М.В. Родзянко. Разбираясь в этом вопросе, Г.И. Кваша сразу же начинал с иронии: «Государственная Дума, далекая от революции, как звезды небесные от нас, боявшаяся революции, как огня, стала центром ее»⁴²⁰. Однако этот успех был не долгим. В те дни члены Государственной Думы пользовались высокой популярностью среди населения: М.В. Родзянко «приводил к присяге приходившие к Таврическому Дворцу все новые и новые полки, убеждал их быть верными революции». Однако представители Государственной Думы были «героями на час», поскольку роль этого учреждения, «как и роль Родзянко, была чисто парадная..., представительская». Обывателю тогда «казалось», что Государственная Дума представляла «собой центр революции», поскольку в последних числах февраля «войско подчинялось распоряжениям Родзянко». Однако в тот момент все решала «улица», поэтому как Дума, так и ее председатель «действовали под давлением улицы и штыков», а дальнейшие события, когда Совет полностью завладел положением, наглядно продемонстрировали слабость Государственной Думы.

Еще одна версия Февраля 1917 г. была разработана в среде монархистов. Интересно отметить тот факт, что, например П. Васильев, старался не фиксировать ни точную дату начала революционных событий, ни тем более их причину, поскольку для правых было «неудобным» говорить о беспорядках, возникших на почве продовольствия, т.к. это показывало бы слабость монархии как формы правления. Именно поэтому начало событий было дано монархистом схематично. Так, по мнению автора, в конце февраля 1917 г. на улицах столице уже было «неспокойно: на Выборгской стороне собирались толпы рабочих и пробивались к центру города с целью демонстрации против правительства»⁴²¹. П. Васильев считал, что в период с 26 февраля по 1 марта 1917 г. произошел «процесс распада власти». Между тем автор полагал, что «буквально накануне

---

⁴²⁰ Там же. С. 14.

⁴²¹ Васильев П. Первые дни революции // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 2. С. 83.

революции совершенно не ожидали ее наступления даже ее непосредственные творцы и вдохновители...»⁴²².

Вслед за центристами и левыми представителями русского зарубежья автор утверждал, что переломный момент произошел тогда, когда «солдаты Волынского, а затем и других гвардейских полков частью убили, частью прогнали своих командиров и направили свои ружья против полиции»⁴²³.

Однако, в отличие от других авторов, Государственная Дума в концепции автора начинала играть важную роль в событиях Февраля 1917 г. практически сразу после первых уличных забастовок, а не 27 февраля, когда к стенам Таврического дворца начинала скапливаться толпа. Уже 25 февраля «Государственная Дума становится центром революционного Петербурга: сюда стекаются известия “об успехах революционного движения”, отсюда летят телеграммы главнокомандующим фронтам с директивами, отсюда выезжает делегация для принятия от Царя акта отречения...»⁴²⁴. Подобная позиция вытекала из неприятия правыми самочинных действий думы, поэтому значительный вес этого учреждения показан в работе намеренно, чтобы продемонстрировать ложность выбранного думой пути.

Стоит отметить и то, что работы монархистов конца 1910-х гг. уделяли не так много внимания Февралю 1917 г., в сравнении с левыми авторами и центристами, поскольку не было еще того стержня, вокруг которого можно было группировать факты, создавая нарратив. У кадетов и октябристов роль оси играла Дума, у левых авторов – солдаты и народ. У правых на этапе зарождения исторического дискурса такого центра еще не было.

Заметно отличалась от предшествующих работ позиция лидера партии кадетов, высказанная им в начале 1920-х гг. По мнению П.Н. Милюкова, «первые признаки» волнений в столице были отмечены уже 23 февраля, а на следующий день «мирные митинги уступили место первым вооруженным столкновениям с

---

⁴²² Там же. С. 74.

⁴²³ Там же. С. 84

⁴²⁴ Там же. С. 83.

полицией, сопровождавшимся и первыми жертвами»⁴²⁵. Вслед за Родзянко, историк высоко оценивал роль Думы: вмешательство этого учреждения в исторические события превратило народное выступление в подлинную революцию.

Автор одним из первых четко разграничивал в Феврале 1917 г. два понятия – «восстание» и «революция», – полагая, что последняя началась с 27 февраля и никак не раньше. Это предопределило и компоновку исторического материала: исторические деяния, относящиеся к восстанию, были даны автором схематично, только как факты, а революционным событиям посвящен целый параграф («пять дней революции 27 февраля – 3 марта») в работе «История второй русской революции». Разграничение понятий, введение периодизации и детализация описаний исторических событий – все это говорило о том, что деяния Февраля 1917 г. к началу 1920-х гг. стали выходить на новый уровень: от стадии описания к стадии осмысления.

События 27 февраля автор излагал наиболее скрупулезно, дробя их на утро, день и вечер, плавно переходящий в ночь, а затем и в следующий день. По версии П.Н. Милюкова, «сигнал к началу революции дало, опять-таки, само правительство» несмотря на то, что «в непосредственной близости от Таврического дворца в то же время уже начиналось форменное восстание в казармах Волынского и Литовского полков»⁴²⁶. Фиксируя в работе, что «руководящая рука» исходила не от левых политических партий, историк отмечал, что к двенадцати часам по полудню отчетливо наметились две силы – социалистические партии и члены Государственной Думы, – способные и готовые взять на себя руководство народным движением. Энергичные действия последней заключались в избрании депутатов во Временный комитет, а также в определении роли Государственной Думы в начавшихся революционных событиях. Свои первые задачи Временный комитет видел в «восстановлении порядка и сношение

---

⁴²⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 39-40.

⁴²⁶ Там же. С. 40.

с учреждениями и лицами, имевшими отношение к движению»⁴²⁷, но не в том, чтобы брать всю власть в свои руки или объявлять Думу Учредительным Собранием, т.к. на тот момент еще не была известна обстановка в городе и в стране.

Ситуация прояснилась только к вечеру, когда стал известен «размер революционного движения» и тогда «Временный Комитет Государственной Думы решил... взять в свои руки власть, выпадавшую из рук правительства»⁴²⁸. После «продолжительного обсуждения» ответственность принятого решения была высока, т. к. от «участия или неучастия Думы в руководстве движением зависит его успех или неудача»⁴²⁹.

Описывая события 27 февраля 1917 г., П.Н. Милюков подчеркивал народное доверие к Думе на протяжении войны и как следствие этого, заранее продуманный план действий на случай переворота и его мирное разрешение. Но в ходе Февральской революции выяснилось, что параллельно с Временным комитетом образовался Совет рабочих и солдатских депутатов. Подписание декларации текста на встрече между представителями от Временного комитета и совета в начале марта 1917 г. отчасти явилось причиной, обусловившей неудачный ход развития второй русской революции.

Однако в этой, на первый взгляд, стройной концепции имеется одно существенное противоречие, сводящееся к тому, что трудно однозначно оценить организующую роль членов Государственной Думы в Февральской революции 1917 г., как того хотел П.Н. Милюков. Это противоречие можно проследить на примере нескольких цитат. «Вмешательство Государственной Думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг, и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»⁴³⁰. Здесь четко видно, что руководители именно революции, а не восстания – члены Государственной Думы. Эта цитата, написанная до главы

---

⁴²⁷ Там же. С. 42.

⁴²⁸ Там же. С. 43.

⁴²⁹ Там же. С. 43.

⁴³⁰ Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Вып.1.: Противоречия революции. София, 1921. С. 39.

«Пять дней революции (27 февраля – 3 март)», скорее всего, относится не к событиям 26 и 27 февраля, а является определенным тезисом, который разворачивался в дальнейшем по ходу повествования. Однако то, что она написана во втором, а не в третьем параграфе допускает мысль о руководящей роли членов Государственной Думы в февральских событиях. Но уже в следующей цитате, посвященной событиям полудня 27 февраля, руководителей оказалось двое: Государственная Дума и социалистические партии. «С одной стороны, социалистические партии, подготовлявшие революционные среди солдат, попытались взять на себя руководство движением. С другой стороны, решились стать во главе движения члены Государственной Думы»⁴³¹. Вечером 27 февраля «до успеха было еще далеко: позиция войск не только вне Петрограда и на фронте, но даже и внутри Петрограда и в ближайших его окрестностях далеко еще не выяснилась»⁴³². Из третьей цитаты видно, что в первый день революции (если принимать во внимание 27 февраля 1917 г. ее началом), представители Государственной Думы вообще не знали масштаб революционного движения, следовательно, какие они организаторы революции?

Теперь попытаемся воспользоваться другими работами историка для возможной попытки устранения выявленного противоречия. Но, к сожалению, противоречие не снимается, а еще более усиливается. Например, можно обратиться к статье «Как пришла революция?», где историк пытался ответить на вопрос: «откуда шла организация – в те первые дни и часы, когда социалистическая партия еще не успела овладеть стихийным движением». С одной стороны, автор сразу оговаривал, что «революция 27 февраля была не тем переворотом, который замышлялся, и руководство, которым могло быть удержано в руках инициаторов»⁴³³. С другой стороны, Миллюков настаивал на германском влиянии, активно пытающемся разложить русские войска, поэтому «не найдем ничего априори невероятного в предположении, что уже до 27 февраля эта темная рука сыграла свою роль в перевороте. Я этим объясняю и то

---

⁴³¹ Там же. С. 41.

⁴³² Там же. С. 43.

⁴³³ Миллюков П.Н. Как пришла революция? // Последние новости. 1921. 12 марта. (№ 274).

обстоятельство, что с первых же дней революции какие-то силы упорно ставили на очередь именно разложение армии и пропаганду мира»⁴³⁴. С помощью этой статьи можно попытаться частично разрешить сложившееся противоречие, но окончательно его не снять. Нетрудно заметить, что примерно с 1915 г. наметилось две будущие организационные силы переворота: «левые» и «правые». Первые были больше практиками, вторые – теоретиками. Безусловно, П.Н. Милюкову, как политическому деятелю и активному участнику революционных событий, хотелось показать свой вклад в Февральскую революцию, что вполне естественно (правда больше не персонифицировано, а в лице Государственной Думы и прогрессивного блока). Автор, скорее всего, разделял организацию революции на «первые дни и часы», когда свершилась Февральская революция и ее остальную часть, отдавая пальму первенства организации последующих событий «правым силам»: восстанавливать ход административного аппарата, решать вопросы отречения и будущего устройства государства. Но на подсознательном уровне историк фиксировал невозможность организации переворота правыми силами. Не совсем ясно кого пытались организовать правые силы, если народные массы и армия постоянно находились не в их сфере влияния (в первые часы и в первый день революции члены Государственной Думы даже не знали масштаба развернувшихся событий), а прогрессивная и образованная часть русского общества, тяготевшая к правым идеям, составляла ничтожное меньшинство, роль которого в работе «История второй русской революции» почти не оценена? Исходя из вышесказанного, однозначно оценить организующую роль правых сил (и вообще была ли она) в работах П.Н. Милюкова начала 1920-х гг. практически невозможно.

Позиция другого автора – П.Я. Рысса – несколько отличалась от концепции Милюкова. У Рысса в центре повествования находился народ и его отрицательное отношение к власти и к монархии, а роль Государственной Думы была отодвинута на второй план. Такая «установка» наложила отпечаток на события Февраля 1917 г. Достаточно обратиться к тому, как автор излагал причины

---

⁴³⁴ Там же.

потрясения и его ход. В соответствии с точкой зрения П.Я. Рысса, «нараставшее озлобление» масс в очередях с 22 февраля начало выливаться в беспорядок. К этому времени стала производиться выдача хлеба в уменьшенном объеме. Полиция была уже не в силах справиться с толпой, а казаки «на этот раз к оружию прибегнуть не хотели», о чем уже днем 24 февраля узнал весь город. Этот факт «поднял на ноги и нерешительных, боявшихся активной борьбы», а 25 февраля «море революции кипело по всему городу»⁴³⁵. Однако, по мнению автора, «смысл событий определился» только тогда, когда солдаты Волынского полка, убив своих офицеров, присоединились к митингующему населению. После этого «один полк за другим» начали «присоединяться к революции». «Толпы народа» двигались «к единственному организационному центру» – Государственной Думе. Высокая роль Думы выразилась в следующих авторских словах: «... фактом одиннадцатилетнего своего существования Дума приобрела влияние на народ... Это означало, что народ питал доверие к учреждению, за последние месяцы энергично боровшемуся с властью»⁴³⁶.

«Бескровный характер» событий Февраля 1917 г. подталкивал авторов левого крыла русского зарубежья к тому, чтобы показать слабость как самой власти, так и ее носителя. Николай II, по мнению П.Я. Рысса, пребывая в Ставке, «предавался бездействию». На первую телеграмму Родзянко о даровании народу конституции, император «не отвечал двое суток». И только когда Родзянко телеграфировал в ставку, что «революция в полном ходу, что, во имя родины, надо отказаться от престола», только тогда государь осознал всю серьезность положения. К этому моменту против Николая II была не только «вся армия» и «весь народ», но и генералы, «придворная челядь» и «чиновная знать». Поэтому падение монархии, в интерпретации Рысса, осуществилось довольно быстро и легко.

Выброшенные в исторический дискурс значения тут же решили оспорить монархисты. Во-первых, правыми была пересмотрена роль Думы в Феврале 1917

---

⁴³⁵ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 44.

⁴³⁶ Там же. С. 45.

г. Так, по мнению Ювенала, в тот момент «вся полнота власти» в стране решительно никому «не принадлежала и уже менее всего» Государственной Думе, являющейся «только фикцией и жалкой игрушкой в руках петроградского совета рабочих депутатов»⁴³⁷.

Во-вторых, некоторые авторы стали пересматривать действия носителя власти в Феврале 1917 г. Так, новый подход к революционным событиям 1917 г. в историческом дискурсе продемонстрировал Экли, проанализировав их через призму факта отречения от престола Николая II. Автор полагал, что царь, поступив так, намеренно пожертвовал собою ради спасения страны «от потрясений, которые должны были пагубно отразиться на успехе войны»⁴³⁸, т.к. открытие внутреннего фронта дало бы «немцам гораздо больше выгод, чем былая нехватка снарядов». Деревни и армии на фронте были чужды любые мысли о революции, поскольку туда «работа общественности проникла слабо», поэтому возглавление Государственной Думой «уличный Петроградский бунт» было осуществлено «не волею народа». В концепции Экли этот факт был ясен императору, поэтому Николай II, опасаясь войны междоусобной, предпочел доверить «Свою жизнь и жизнь Своей Семьи» Государственной Думе, у которой «не оказалось власти», а у Временного правительства, как показали последующие события еще и «чести».

Рассмотрение исторических событий Февраля 1917 г. под таким углом зрения было новым для исторического дискурса, однако подобный подход имел один существенный недостаток – Экли, интерпретируя действия царя, не подтвердил свои выводы никакими историческими источниками, поэтому невольно складывается впечатление, что автор подменил мысли Николая II своей позицией. Тем не менее, первые ростки интерпретации действий носителя власти станут тем базисом, на котором в дальнейшем будет создаваться образ Николая II.

В начале 1920-х гг. исторический дискурс русского зарубежья обогатили работы представителей, вышедших из военной среды. Взгляды этих авторов не

---

⁴³⁷ Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 13.

⁴³⁸ Экли. Из недавнего прошлого. (Историческая справка) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 174.

были едины по отношению к февральским событиям и во многом зависели от того, каких воззрений придерживалась та или иная персона. Те, кто поддерживал Февраль 1917 г. тяготели к версиям, изложенными центристами. Показательным примером будет концепция Февраля 1917 г., представленная А.И. Спиридовичем. Возникшие 23 февраля «недоразумения на почве вздорожания и недостатка хлеба» плавно перешли 24-го «в уличные беспорядки, развернувшиеся... вследствие слабости... правительства, в солдатско-рабочий бунт», и далее в революцию. Автор высоко оценивал роль Государственной Думы в Феврале 1917 г., поскольку это учреждение 27 февраля «возглавляет бунт» и «становится центром революции»: «к ней стекаются все восставшие воинские части и рабочие; идут все перешедшие на сторону революции...; отсюда исходят все руководящие указания по революции»⁴³⁹.

Те, кто придерживался монархических позиций, излагали события иначе. Так, в концепции М.К. Дитерихса Николай II, находясь в Ставке, вечером 24 февраля получил «сведения» о начавшихся в городе беспорядках «на почве недостачи хлеба», общий тон которых «не выходил из рамок уже не раз бывших в столице рабочих манифестаций и хулиганских выходов»⁴⁴⁰. Поэтому уличное выступление первых двух дней не представляло собой «серьезной государственной угрозы, но возглавленное... Думой... могло разрастись в опасные внутренние революционные беспорядки...»⁴⁴¹.

Решающим днем по-прежнему оставалось 27 февраля 1917 г., когда представители Государственной Думы от имени народа революционным путем низложили правительство последнего царя из рода Романовых. Однако в концепции автора они не были хозяевами положения. Во-первых, с самого начала члены будущего Временного правительства вынуждены были пойти на соглашение с Советом рабочих и солдатских депутатов, вследствие чего они должны были свернуть с «эволюционного пути» и встать «на чуждый и

---

⁴³⁹ Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883-1903-1917 гг. Париж, 1922. С. 303.

⁴⁴⁰ Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Дарь, 2006. С. 566.

⁴⁴¹ Там же. С. 567.

тернистый для них путь революционный». Во-вторых, Дитерихс вводил в свое повествование следующую поправку, гласящую, что представители Государственной Думы в те дни были «не вождями движения, не свободными руководителями революции, не правомочными вдохновителями ее путей, а восторженными главарями только своих политических партий “права и свободы”». Народ, который являлся движущей силой Февраля 1917 г., в тот момент «был не с ними», поскольку между интеллигенцией и народом существовала «бездонная, мрачная пропасть отчужденности и духа». Этот тезис подтверждался автором тем фактом, что в конце февраля «спокойно было во... всей России». Из этого следовал вывод, что беспорядки в столице были искусственно созданы, поэтому не являлись «возмущением “всея земли”».

М.К. Дитерихс на страницах своего труда попытался оспорить распространенное и утвердившееся значение, согласно которому революционное творчество в столице началось 27 февраля 1917 г., т.е. с того момента, когда Государственная Дума возглавила бунт. Вслед за некоторыми правыми авторами, М.К. Дитерихс полагал, что Дума начала свою деятельность не 27, а 25 февраля, когда на заседании Петроградской Городской Думы представители Государственной Думы выступали со своими «антиправительственными» речами. Однако если принять во внимание еще и «подготовительную работу» «революционного творчества», включающую в себя объезд линий фронта представителями Государственной Думы, чтобы прощупать почву в вооруженных силах и посмотреть, «как отнесутся войска к подобным выступлениям», то начало Февраля отодвинется на более ранний срок, а именно на 1915 г.

Новым для исторического дискурса было еще и то, что автор очень кратко осветил позицию верхов русской армии в Феврале 1917 г. В концепции М.К. Дитерихса в среде высшего командного состава сложился «гражданский взгляд» на самодержавие Николая II, и в этом проявилась солидарность генералитета с интеллигенцией. По этой причине от императора в военной среде ожидали либо «уступок конституционного характера» и сотрудничества с представителями

Думы, либо «решительных действий военной силой, опирающихся на верные части, находившиеся на фронте». Однако царь, как известно, выбрал иной путь.

М.К. Дитерихс попытался ответить на вопрос, почему осуществился Февраль 1917 г.? По версии автора, Николай II был одинок. И его одиночество определялось тем, что «против него было... меньшинство активное и сплоченное в увлечении западничеством, а большинство было пассивным и разобщенным ослаблением в сознании истинного духа русской национальной идее»⁴⁴².

Таким образом, М.К. Дитерихс приоткрыл «завесу» над событиями тех дней. Однако представители, вышедшие из военных кругов, по-прежнему были немногословны, а критика, заставлявшая пересмотреть фактографию, вынуждала некоторых авторов и вовсе не вводить в свой нарратив точные даты. Вот как, например, повествовал о событиях Февраля 1917 г. генерал П.И. Залесский в 1925 г. По его мнению, «на почве недостатка хлеба» в конце февраля 1917 г. на улицах столицы начались беспорядки, созданные «искусственно невидимой рукой». Волнения поддержали войска Петроградского гарнизона, после чего к ним стали примыкать другие воинские части. Тогда же родилась «уверенность в возможность “бескровного” переворота»: «власть перешла в руки Государственной Думы, Царь вскоре отрекся от престола»⁴⁴³. Однако, по мнению автора, такой расклад совершенно не был на руку «немцам» «и их агентам». Они и примкнувшие к ним «авантюристы», «честолюбцы» и «жулики» «бросились во все стороны» раздувать революционный пожар.

Большое количество работ вышло в 1927 г. – к десятилетию Февраля 1917 г., – в которых представители русского зарубежья, придерживающиеся различных взглядов, стремились показать читателям свою версию февральских событий. Так, монархист Н.А. Павлов старался подвергнуть критике многие значения, утвердившиеся в историческом дискурсе. Автор отталкивался от мысли, согласно которой в конце февраля «никакой революции не было». Это положение

---

⁴⁴² Там же. С. 542.

⁴⁴³ Залесский И.П. Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 211.

доказывалось тем, что, во-первых, «революция началась только в стенах Думы»⁴⁴⁴ и от этого учреждения зависел исход последующих событий. Во-вторых, Н.А. Павлов полагал, что народ в те дни никакого участия не принимал: «незначительные толпы» были заметны в некоторых районах столицы, а к зданию самой Думы «скапливался не народ, а сброд, общество, интеллигенция, рабочие и солдаты»⁴⁴⁵.

Новым стало то, что авторский труд был целиком пронизан критикой, направленной на самые разные стороны общественно-политической жизни Российской империи. На страницах работы «Его Величество Государь Николай II» слышны критические замечания в адрес тех, кто по долгу своему должен был защищать монархию: резкой критике были подвержены действия военной и гражданской бюрократии, которые «сразу» «сдались» и «струсили», не пытаясь остановить штурм власти. Так, действия генералов Хабалова и Гурко были оценены крайне негативно, поскольку войска упомянутых выше генералов не совершили «ни одной попытки очистить Невский от толпы». Кроме того, ряд упреков был высказан и народу, т.к. в тот момент не нашлось людей, способных противостоять анархии: «все растворилось, или в интеллигенции, или в снобизме, или в разгуле кутящего и спекулирующего тыла»⁴⁴⁶.

Однако больше всего автора «раздражало» другое – поведение высших кругов командного состава и представителей Государственной Думы. Н.А. Павлов одним из первых резко и открыто говорил о связи армии и думцев. От лица Родзянко, заручившегося «поддержкой в армии» и вступившего с императором «в наглые переговоры», к Государю летит сообщение, «что революция в полном разгаре». Эту «ложь» «никто из бюрократии и военных чинов» не стал опровергать. Помимо этого, генерал Алексеев, запрашивая главнокомандующих фронтов о дальнейшей судьбе страны, не забыл упомянуть генералам, что «Родзянко считает возможным продолжение войны лишь в случае

---

⁴⁴⁴ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris: Imprimerie D'ART VOLTAIRE, 1927. С. 130.

⁴⁴⁵ Там же. С. 131.

⁴⁴⁶ Там же. С. 132.

отречения Государя от Престола»⁴⁴⁷. Автора особенно возмущал тот факт, что генералы «дерзают без спроса своего Государя и Верховного... находить исход войны в Его отречении»⁴⁴⁸.

Вслед за другими монархистами Н.А. Павлов подчеркивал духовное одиночество Николая II. Император остался один, когда «против Него» поднялись главнокомандующие (до этого момента «угрозы» Государственной Думы были Государю «безразличны»); а также, после подписания акта об отречении. Вывод для Н.А. Павлова очевиден – «не Он (Николай II – курсив мой – Д.П.) отрекается, а от Него и тысячелетней России отрекся народ».

Совершенно иную концепцию Февраля 1917 г. в русском зарубежье представил М.И. Рубежанин. По его мнению, когда 27 февраля 1917 г. члены Государственной Думы узнали о роспуске ее царем, на улицах Петрограда уже происходило восстание⁴⁴⁹. Этой мыслью опровергалось положение о руководящей роли Думы в те дни. В противовес монархистам, автор полагал, что в столице в феврале месяце произошла настоящая «народная революция», поскольку уличные демонстрации и забастовки довольно быстро приняли «характер массового стихийного вооруженного выступления», к которому позднее примкнули солдаты Литовского и Волынского полков, «предварительно расправившись с пытавшимися противодействовать офицерами». Об истинно народной революции говорил и тот факт, что «слабая попытка» Протопопова подавить волнения в городе успеха не имела, т.к. «посланные на усмирение бунта казаки стали брататься с рабочими, и перешли на их сторону»⁴⁵⁰.

Критика, исходящая от монархистов, которая постоянно подвергала сомнению организующую роль Государственной Думы в февральских событиях 1917 г., не могла не затронуть и взгляды П.Н. Милюкова. По сравнению с более ранними работами историка в книге «Россия на переломе...», увидевшей свет в 1927 г., автор уже не был склонен придерживаться прежних значений. В

---

⁴⁴⁷ Там же. С. 147.

⁴⁴⁸ Там же. С. 148.

⁴⁴⁹ Рубежанин М.И. Итоги русской революции (К 10-ти летию октябрьского переворота – 25 октября 1917 г. – 25 октября 1927 г.) // Пробуждение. Детройт, 1927. № 4. С. 3.

⁴⁵⁰ Там же. С. 3.

частности, роль Государственной Думы в Феврале 1917 г. была П.Н. Милюковым пересмотрена: «...руководство событиями давно уже ушло от нее (*Государственной Думе* – курсив мой – Д.П.) к более левым течениям. ... Совершился же он (*переворот* – курсив мой – Д.П.), несмотря на все ожидания, неожиданно – и не сверху, а снизу. ... Ее (*революции* – курсив мой – Д.П.) успех был обеспечен не ее внутренней силой, а бессилием противника»⁴⁵¹.

Однако в дискурсе о характере и участниках революции, автор высказал свой взгляд, отличный от других. Новаторство П.Н. Милюкова в этом вопросе состояло в том, что историк сместил акцент с «народной» революции, – когда народ принимает активное участие в революционных событиях, – на «национальную»: «тогда всем было ясно и понятно великое национальное значение этой революции. ... Не даром решительно все политические партии и течения сразу признали эту революцию и тем обеспечили ей немедленный и бескровный успех»⁴⁵².

Мысль П.Н. Милюкова о том, что переворот пришел «неожиданно» для различных политических сил, в 1931 г. развил и укрепил С.П. Мельгунов в книге «На путях к дворцовому перевороту...». В этой работе автор на основе самых различных видов исторических источников приходил к заключению, что «все ждали революции, и она оказалась неожиданностью для всех»⁴⁵³, застав общество «в состоянии растерянности и неподготовленности». Февральские события, в концепции историка, начались сами по себе, поэтому крайне левым партиям «оставалось только вмешиваться в гущу начавшихся рабочих выступлений». Таким образом, можно констатировать, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в историческом дискурсе утверждается новое значение, согласно которому Февраль 1917 г. совершался стихийно, без особо четкого плана действий со стороны организаторов. Это новое суждение привело к тому, что в 30-40-х гг. XX столетия

---

⁴⁵¹ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период революции. Т.1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 27-28.

⁴⁵² Милюков П.Н. Десятилетие февральской революции // Последние новости. 1926. 13 марта. (№ 1816).

⁴⁵³ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 246.

стали иначе рассматриваться и интерпретироваться прежние исторические события.

Однако нельзя сказать, чтобы полностью ушли из дискурса прежние значения. Некоторые работы по-прежнему транслировали старые смыслы. Показательным примером будет работа В.М. Чернова «Рождение революционной России». В ней автор утверждал, что в 20-х числах февраля 1917 г. ни одна «левая» партия не руководила народом на улицах столицы, поскольку в тот момент был «Некто, более могущественный, чем они: Царь-Голод»⁴⁵⁴. Первые беспорядки возникли на почве нехватки продовольствия. Довольно быстро к лозунгам «Хлеба» были добавлены «Долой полицию», «Долой самодержавие» и «Долой войну».

С подобной позицией сразу же не смирились монархисты, которые массово стали опровергать прежнее значение. Они почти единогласно подвергли сомнению значение о том, что в столице в конце февраля 1917 г. начались перебои с поставками хлеба. Так, в концепции И.П. Якобия накануне Февраля 1917 г. «подозрительные личности» будоражили население слухами о том, что скоро транспорт придет в полное расстройство и наступит голод, поэтому перепуганное население «приступом берет булочные». Однако перебоев с хлебом не было (в столице имелось в наличии «более полумиллиона пудов муки»). На следующий день генерал Хабалов на стенах улиц «расклеивает об этом объявления». Тем не менее, это сообщение действует успокаивающе «на желудки, но не на головы».

Позицию И.П. Якобия подкрепляла и дополняла работа С.С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II». В середине месяца случились «сильные снежные заносы», снижающие «движение» и пропускную способность поездов. Грозящее расстройство транспорта ставило под вопрос снабжение столицы продовольствием. На этой почве по Петрограду поползли «слухи, что скоро хлеба не будет вовсе». «Обыватели» стали спешно скупать хлеб, что, в конечном счете, привело к его нехватки. Из хлебных «хвостов» начали «образовываться первые

---

⁴⁵⁴ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 215.

кучки недовольных», состоящие, преимущественно, «из женщин и детей», которые не могли представлять угрозу для самодержавия.

Схожие заявления доносились и от людей, вышедших из военной среды. Так, по мнению П.П. Петрова, в 20-х числах февраля голода в столице Российской империи не намечалось, запасы продовольствия «были достаточными», но в связи «с расстройством транспорта» распространились слухи о голоде в ближайшее время, поэтому население Петрограда стремилось запастись хлебом «впрок», что и вызвало нехватку последнего.

При всей полярности значений, которые рождались из-под пера, как левых, так и правых представителей русского зарубежья, было то, что их объединяло. Это определенный этап развития дискурса и функциональная единица того или иного значения. Необходимость показать наличие голода в Петрограде для «левых» объяснялась тем, что они хотели продемонстрировать значимость революционных выступлений и несостоятельность политического режима. В противоположность им, интерес монархистов к подобной микротеме возник, как ответная реакция на утвердившиеся значения, так и, скорее всего, по причине того, чтобы показать бессмысленность начавшихся в столице беспорядков. Кроме того, для монархистов так же важным было еще раз продемонстрировать полезность самодержавия как формы правления: благодаря действиям власти даже в период самой тяжелой войны Российская империя не знала голода, хоть и были некоторые трудности с поставками. Эту позицию как нельзя лучше отразил И.Л. Солоневич, в концепции которого накануне Февраля 1917 г. «еды в России было сколько угодно – продовольственный экспорт был прекращен, – и только в Петрограде были некоторые перебои»⁴⁵⁵. Однако, констатировал автор, в феврале 1917 г. в столице, как и в других городах Российской империи, «действительно начались хлебные перебои», обостренные слухами, что хлеба скоро не будет вовсе. Поэтому обыватель спешил «закупать и сушить хлеб в запас».

Позиция правых по этому вопросу, впоследствии, смягчила некоторые формулировки даже у крайних левых авторов, которые перестали быть так

---

⁴⁵⁵ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 361.

категоричны в своих суждениях, касательно хлебных поставок. Например, анархист В.М. Волин в 1940 г. писал, что начавшиеся волнения в Петрограде были спровоцированы «главным образом нехваткой продовольствия»⁴⁵⁶. Этим он и ограничился, отказавшись развивать этот тезис дальше.

Другой характерной чертой исторического дискурса 1930-х гг. стал пересмотр общего вектора развития исторических событий Февраля 1917 г. Здесь, помимо споров о продовольственном вопросе, представители русского зарубежья стремились продемонстрировать отсутствие единого центра, координирующего массы. Такой взгляд был присущ всем без исключения представителям русской эмиграции. С той лишь только разницей, что у «левых» подобное значение «работало» на то, чтобы показать стихийность намерений и единодушный народный порыв, в то время как у «правых» то же значение было призвано показать слабость бунтующих.

Так, В.М. Чернов писал, что в начале Февраля 1917 г. не большевики, не меньшевики, не “рабочая группа” и не социалисты-революционеры, будь то порознь или сообща, вывели рабочих Петрограда на улицах⁴⁵⁷. 23 и 24 февраля вся столица была «ареной бесчисленного количества манифестаций и уличных митингов». Однако, после того как «была брошена» в массы «идея воссоздания Совета», так сразу же «движение сделалось всеобщим». И все же, автору важно было показать факт образования Совета рабочих и солдатских депутатов в февральской революции.

27 февраля 1917 г. Чернов считал поворотным событием в истории Февраля, т.к. «из тюрем... народом были освобождены незадолго перед тем арестованные члены Рабочей Группы»⁴⁵⁸, которые смогли образовать Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, полностью перехвативший инициативу у думцев. Из этой позиции следует, что важность момента диктовалась отнюдь не тем, что «на сторону» восставшего населения «стали переходить некоторые воинские части». И уж тем более не тем, что

---

⁴⁵⁶ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ «Праксис», 2005. С. 89.

⁴⁵⁷ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 215.

⁴⁵⁸ Там же. С. 216.

Государственная Дума начинала возглавлять восстание. Стоит отметить, что как раз в этом вопросе автор придерживался того мнения, согласно которому «революция, с первых дней своего шествия по улицам Петрограда, шла “мимо Думы”»⁴⁵⁹. Оно доказывалось, во-первых, тем, что лозунги, выдвинутые народом, были противоположны идеям Думы. А, во-вторых, этому учреждению помогла «слепая... власть»: «узнав о “разгоне” Государственной Думы и ее отказе подчиниться – толпы народа, тысячи, чуть ли не десятки тысяч, со всех сторон устремляются к Государственной Думе»⁴⁶⁰. Однако даже в тот момент Дума не могла влиять на события.

Иначе виделись события монархисту И.П. Якобию, в концепции которого 24 февраля 1917 г. уличные выступления не выходили за рамки «хулиганства толпы». И даже утром 25 февраля толпе еще не был присущ характер «мрачного, революционного одушевления», однако с каждым часом толпа «возвышает и свой голос». В тот день генерал Хабалов, виляя и колеблясь, «упускает драгоценное время» «и только в 4 часа 40 минут» извещает Ставку телеграммой о текущих событиях в столице. Обстановка с Петрограде накалилась 26 февраля. Вечером правительство отважилось «принять две важные меры...: роспуск Думы и объявление осадного положения». Показывая слабость уличного выступления, автор резюмировал, что «будь это решение принято на два дня раньше, все могло бы быть спасено»⁴⁶¹.

Если говорить об исторических событиях в столице, то решающим моментом для И.П. Якобия было 27 февраля, когда Дума, не подчиняясь указу о роспуске, «открыто становится на сторону мятежа». Однако ее поддержка различными элементами, можно сказать, была не вполне сознательной, поскольку после того, как капитулировало правительство, солдаты обратились к Думе, как «к единственной законной власти».

Схожее повествование можно встретить и у некоторых представителей, относящихся к военной среде. Так, по мнению П.П. Петрова, в последующие два

---

⁴⁵⁹ Там же. С. 183.

⁴⁶⁰ Там же. С. 185.

⁴⁶¹ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 133.

дня (24 и 25 февраля) количество недовольных и бастующих увеличилось, но эти уличные волнения еще сами по себе не были «серьезной государственной угрозой», но возглавленные Думой привели к тяжелым последствиям. Поворотный момент к худшему наступил 26 февраля, когда начались «волнения в войсках». Уличные волнения в столице можно было быстро ликвидировать, если бы у военной власти в распоряжении находилось бы «надежное ядро войск», а не «запасные батальоны, взбаламученные уличной пропагандой и речами в Государственной и Городской Думе»⁴⁶².

Вслед за другими авторами «роковой день» в отечественной истории в концепции П.П. Петрова наступил 27 февраля, когда Государственная Дума возглавила движение и на сторону восставших перешли солдаты столичных гарнизонов. С этого момента «бунт превратился в революцию», а «Дума стала своеобразным центром притяжения».

В анархической концепции февральских дней, представленной В.М. Волиным, уже 25 февраля «события приняли критический оборот: столичные рабочие, чувствуя солидарность с народом всей страны..., вышли на улицы и решительно отказались расходиться»⁴⁶³. И все же, общий тон выступлений был мирным. Войска, находящиеся в казармах Петербурга и окрестностях столицы, сохраняли нейтралитет: они пока еще «не решались встать на сторону Революции», а власти, в свою очередь, «не осмеливались направлять их на ее подавление».

Сигнал, «которого все ждали», чтобы перейти в наступление, дало правительство 26 февраля, объявив Государственную Думу распущенной. «Достаточно мирная» манифестация «приняла характер революционного движения»: манифестанты повсюду начали «атаковать полицейских». Тогда же и правительство «бросило против восставших все столичные силы охраны порядка». Подчеркивая масштабность и монументальность выступлений, Волин констатировал, что в течение всего дня 26 февраля «шли жаркие бои».

---

⁴⁶² Петров П.П. Крушение императорской России: 20 лет спустя о Февральской революции. Харбин, 1938. С. 51.

⁴⁶³ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ «Праксис», 2005. С. 89.

Однако «решающие события», по мнению Волина, свершились лишь 27 февраля, когда «целые подразделения столичного гарнизона», перестав подчиняться самодержавию, перешли на сторону восставших. Сломив сопротивление полиции и Императорской Гвардии, бунтующие «заняли несколько важных стратегических пунктов» и «собрались» у здания Таврического Дворца.

На основе представленных концепций можно сделать несколько выводов об особенностях исторического дискурса русского зарубежья 1930-х – начала 1940-х гг. Во-первых, Февраль 1917 г. стал подаваться читателям как нарратив: историческое повествование ведется последовательно от конца февраля к марту 1917 г., а не фрагментами, показывая позицию автора по тому или иному спорному вопросу, как было до этого. Подобный способ подачи исторического материала стал возможен, скорее всего, лишь тогда, когда был преодолен первый этап развития дискурса: выделение определенных тем и проблем, и закрепление значений путем активного обсуждения спорных моментов на страницах печатных изданий. Впоследствии, эти значения дополнялись и комбинировались на усмотрение автора в единое целое.

Во-вторых, изменения коснулись общего вектора развития Февраля 1917 г. При анализе исторических событий представители русского зарубежья помимо 27 февраля стали акцентировать свое внимание на предыдущем дне, считая его в чем-то «поворотным» моментом, поскольку именно 26 февраля обстановка в столице Российской империи сильно «накалилась». Однако накал страстей виделся всем по-разному. Подобное можно сказать и о событиях 27 февраля. Авторы были единодушны в том, что этот день стал решающим в Феврале 1917 г., однако его значимость интерпретировалась каждым по-своему. Так, например, монархисты, относясь пренебрежительно к Государственной Думе, старались подчеркнуть преступность деяний этого учреждения, которое открыто встало на сторону мятежа. Более левые авторы акцентировали внимание читателей на том, что войска отказались подчиняться правительственной власти, проявив свою солидарность с массами в том, что самодержавие как форма правления больше не

соответствовала вызовам времени. Однако возникали и необычные трактовки знаменательной даты, например, для В.М. Чернова важнее было, что в этот день оформился Совет рабочих и солдатских депутатов, который смог организовать массы и был впоследствии проводником народных чаяний.

В-третьих, благодаря работам монархистов Февраль 1917 г. в 1930-е годы получил вторую пространственно-временную плоскость: если раньше действие Февраля 1917 г. разворачивалось, преимущественно, в Петрограде и лишь изредка в Ставке и в Пскове, то теперь, помимо Петрограда эти места начали активно фигурировать в трудах русской эмиграции. Дело в том, что в силу разных причин на первый план в 1930-е гг. выходила личность Николая II, следовательно, Февраль 1917 г. начинал выстраиваться вокруг носителя власти. Это была та ось, которую «нашли» монархисты, и вокруг которой стало строиться все повествование. В свою очередь подобный факт вполне может объяснить то, почему работы представителей русского зарубежья, занимающих правые позиции, позднее других начали преподносить читателям Февраль 1917 г. исключительно как нарратив.

Рассмотрение Февраля 1917 г. под таким углом зрения имело свои последствия. Так, февральская революция получила еще одно измерение. Это, в частности, сказалось на дате начала февральских событий: отчет стал вестись не от 23 февраля, а от 22-го, – в этот день царь покинул Петроград и выехал в Ставку. Отъезд императора сразу спровоцировал волнения в столице. Подобную мысль можно встретить у многих монархистов (И.П. Якобий, С.С. Ольденбург и др.).

Другим следствием этого процесса было то, что в Феврале 1917 г. начали возникать новые проблемы, которые требовали своего решения. На первый план еще острее вышел вопрос, сводящийся к тому, что делал царь в Ставке и предпринял ли он какие-либо действия для подавления мятежа? В концепции монархиста И.П. Якобия, в Ставке впервые узнали о беспорядках в столице только 25 февраля 1917 г. из телеграмм генерала Хабалова и министра внутренних дел. Автор констатировал, что несмотря на оптимистические

уверения в телеграмме военного министра, Государь как будто почувствовал надвигающуюся грозу мятежа и повелел Хабалову прекратить беспорядки⁴⁶⁴. Уже на следующий день, 26 февраля, генералом Хабаловым была отправлена новая телеграмма все того же «успокоительного содержания». И только вечером М.В. Родзянко посылает телеграмму о том, что «восстание расстается, надо немедленно идти на уступки, иначе все погибло»⁴⁶⁵. В интерпретации И.П. Якобия, 26 февраля «является решительным» днем в борьбе между Николаем II и революцией, «между победой и поражением». В тот же день государь принял решение любыми силами «подавить восстание, чтобы спасти фронт, чтобы продолжать войну, чтобы сохранить честь Родины»⁴⁶⁶.

Схожее повествование можно встретить у П.П. Петрова. На основе анализа телеграмм генерала Хабалова автор делал вывод, что Государю столичные волнения продолжали представляться не серьезными, искусственно созданными и раздуваемыми, во всяком случае не опасными для государства, местными⁴⁶⁷. Тем не менее, Николай II передал председателю министров приказ о перерыве заседаний Государственной Думы. К вечеру 26 февраля, когда выяснился масштаб беспорядков, царь решил выехать в столицу, поскольку понял, что «военные власти» по причине отсутствия у них «должной твердости, связи и единений» между собой не способны справиться с мятежом.

Заметно отличалась от вышеизложенной версии позиция, занятая в этом вопросе С.С. Ольденбургом. По мнению автора, сообщение о выступлениях в Петрограде Николай II, прибывая в Ставке, получил 25 февраля и сразу принял «ряд энергичных мер», телеграфируя генералу Хабалову, чтобы последний прекратил беспорядки. Вечером 27 февраля, когда стал известен размер развернувшихся событий, император распорядился отправить генерала Иванова в столицу для ликвидации мятежа и восстановления порядка. Распорядившись об

---

⁴⁶⁴ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Б.м., 1938. С. 140.

⁴⁶⁵ Там же. С. 140.

⁴⁶⁶ Там же. С. 143.

⁴⁶⁷ Петров П.П. Крушение императорской России: 20 лет спустя о Февральской революции. Харбин, 1938. С. 59.

отправке воинских частей в Петроград, Николай II решил поехать в Царское Село, но его «отъезд из Ставки оказался роковым».

Таким образом, можно сделать вывод, что если говорить о событиях в Ставке, то большинство авторов выделяло значимый для февральской революции день не 27 февраля, а 26-ое, когда царь осознал всю силу и опасность выступлений.

Еще один проблемный вопрос был связан с обстоятельствами отречения императора от престола. На первый план все ярче выходила дилемма: было ли оказано на Николая II воздействие со стороны генералитета? В этом вопросе не было единства. Так, некоторые монархисты (И.П. Якобий, Н.Е. Марков, И.Л. Солоневич и др.) подчеркивали факт давления высшим командным составом армии на царя. Это преследовало разные функции. С одной стороны, придерживаясь подобного взгляда и усиливая факт влияния на императора, большинство авторов таким способом хотели показать одиночество самодержца. Вот как характеризовал опору царя в ответственный момент И.П. Якобий: «Государь был окружен бездарностями, царедворцами, хотя и честными, но слабыми и эгоистичными... Само же правительство состояло из круглых нулей... Ставка Верховного Главнокомандующего... почти вся стояла за государственный переворот»⁴⁶⁸.

С другой стороны, некоторые авторы стремились продемонстрировать преступность намерений военной власти. Для примера можно рассмотреть концепцию Н.Е. Маркова, в которой в ночь с 1-го на 2-е марта главнокомандующие армий «решились открыто нарушить долг верности» Николаю II и «вступить в переговоры» с Председателем Государственной Думы. Тогда же «начальники Императорской Армии» самочинно «отдали приказы о возвращении назад» тех частей, которые по требованию императора были отправлены на «усмирение запасных батальонов в Петрограде, поднявших мятеж – чтобы не идти в окопы»⁴⁶⁹. Отгалкиваясь от материалов ответа генерала

---

⁴⁶⁸ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 143.

⁴⁶⁹ Марков Н.Е. Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин: Наш путь, 1938. С. 37.

Данилова по проводу из Пскова в Ставку, Марков делал вывод, что Рузский, «без разрешения спавшего в вагоне» императора, вернул «верные полки», отправленные с Северо-Западного фронта «на усмирение» беспорядков в столице. Генерал Алексеев разослал телеграмму главнокомандующим о безвыходности положения, в которой «будто бы очутилась армия в тылу из-за захвата революционерами железных дорог и источников снабжения»⁴⁷⁰.

Такой же позиции придерживался И.Л. Солоневич. В концепции автора приказ царя об отправке войск в столицу «был сорван: генерал Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь генералу Иванову, но и вернуть обратно в Двинской район уже отправленные эшелоны»⁴⁷¹. Утром 2 марта Алексеев «сколачивает единый фронт генералитета уже не для ответственного министерства, а с требованием отречения»⁴⁷². Таким образом, решения генералов, выраженные в телеграммах для Николая II, свидетельствовали как об отказе поддержки, так и об отказе повиновения императору. Это и стремились продемонстрировать представители русского зарубежья. За счет этого образ Николая II получался еще более светлым, идеальным и возвышенным.

Однако не все авторы, придерживающиеся монархических взглядов, были столь категоричны в своих суждениях. Не отрицая факт давления, некоторые представители русского зарубежья склонны были объяснить действия высшего командного состава армии неосведомленностью положением дел в Петрограде. Естественно, что особенно сильно эту мысль развивали представители, вышедшие из военной среды, поскольку именно от них ждали объяснения подобных действий. Например, П.П. Петров писал, что ни Ставка, ни Государь не имели «правильного представления, что происходит в Петрограде». Позднее, этот тезис был развит историком С.С. Ольденбургом, по мнению которого, высший командный состав армии имел «совершенно ложное представление о происшедшем»: они были уверены, что в столице «действует монархическое

---

⁴⁷⁰ Там же. С. 43.

⁴⁷¹ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 369.

⁴⁷² Там же. С. 371.

Временное правительство, во главе с Родзянко», сумевшее быстро восстановить порядок. Генералы, поверившие председателю Государственной Думы о необходимости отречения императора от престола, поддержали позицию Родзянко. В этой обстановке «возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались, телеграммы верноподданных Ему не сообщались»⁴⁷³. Поэтому царь вынужден был составить манифест об отречении.

Заострение внимания на определенных проблемах и как следствие этого – утверждение новых значений путем дискурса не могло не отразиться в работах левых авторов. В среде анархистов поставленный вопрос был кратко освещен В.М. Волиным. По мнению автора, для подавления мятежа в столице «по приказу царя» было спешно отозвано с фронта «несколько воинских подразделений». Однако они «не смогли прибыть к месту назначения», т.к. «с одной стороны, их отказались перевозить железнодорожники; с другой, солдаты перестали повиноваться офицерам и перешли на сторону Революции»⁴⁷⁴.

Направлявшийся в Петербург царский поезд «был остановлен на станции Дно», вследствие чего ему пришлось следовать обратно в Псков, где император «принял делегацию Думы и военачальников», поддержавших революцию. Царю «пришлось признать очевидное». Так завершился «первый акт победоносной революции». На основе представленной концепции видно, что левые авторы, так же, как и правые, стремились показать одиночество Николая II, однако его источником, в отличие от монархистов, служило то, что народ вместе с армией отвернулся от императора. Этот факт сказался как в авторской интерпретации отказа поддержки государя высшим командным составом армии, так и в причинах того, почему верные царю войска не добрались до Петрограда.

Переломить сложившуюся тенденцию отчасти удалось после Второй мировой войны. С.П. Мельгунов попытался «развенчать» сложившиеся в русском зарубежье определенные значения. По мнению автора, в Ставке даже «у самых предусмотрительных людей» не было чувства катастрофы, о которой вечером 26

---

⁴⁷³ Ольденбург С.С. Царствование императора Николай II. Спб.: Петрополь, 1991. С. 641.

⁴⁷⁴ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: Праксис, 2005. С. 91-92.

февраля телеграфировал Родзянко. Обстановка в Ставке до 27 февраля понималась только как бунт, который следует немедленно подавить силой. По этой причине историк не склонен «приписывать инициативу посылки Иванова» в столицу лично Николаю II, поскольку в распоряжении верховных главнокомандующих имелись телеграммы из Петрограда, из которых следовало, что в городе бунт, нуждающийся в подавлении военной силы.

Вслед за другими авторами С.П. Мельгунов попытался разобраться в вопросе о том, было ли оказано давление на императора со стороны высших чинов армии. 28 февраля 1917 г. генерал Алексеев разослал телеграмму всем главнокомандующим фронтами «с обзором событий в Петербурге 26-28 февраля». Внутривосточная ситуация в столице была преподнесена как «военный мятеж», который следовало немедленно подавить. «О необходимости хотя бы косвенно поддержать “революционное правительство” нет и речи»⁴⁷⁵.

По свидетельству С.П. Мельгунова, вопрос об отречении остро встал «только в Пскове», куда прибыл Николай II. Следует заметить, что автор не видел намеренно направляющей руки в том, что император не доехал до Петербурга. С одной стороны, «схема захвата Царя в пути в целях принуждения его к отказу от престола, скорее всего, произвольно взята из неосуществившегося дореволюционного проекта дворцового переворота»⁴⁷⁶. С другой стороны, «сомнительно даже», что новая власть «принимала меры не допустить приезд Царя в Петербург...». Скорее всего, «не хитроумный план» Временного Правительства «привел» императора в Псков. «“Западня” была в происходивших событиях»⁴⁷⁷.

Возникшая в Пскове проблема отречения требовала незамедлительного решения, которое «диктовалось...реальными требованиями фронта», нуждающимися в определенности политической позиции верховной власти. Историк писал: «можно допустить, что это произошло почти бессознательно для верховного командования». Кроме того, автор даже не был склонен приписывать

---

⁴⁷⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Айрис-прес, 2008. С. 236.

⁴⁷⁶ Там же. С. 262.

⁴⁷⁷ Там же. С. 267.

генералу Алексееву «инициативу обращения к командующим фронтами в целях побороть нерешительность и двойственность Царя»⁴⁷⁸. Проанализировав телеграммы Родзянко, Мельгунов пришел к выводу, что и Родзянко не говорил об отречении, как о чем-то необходимом: «грозное требование отречения... становится определенным требованием». В этой фразе нельзя усмотреть формы «категорического императива».

Таким образом, Февраль 1917 г. не был един, а принимал различные конфигурации по мере движения и трансформации исторического дискурса. Помимо этого, неоднозначность оценок и разнообразие подходов к изучению февральских событий значительно усложнило Февраль 1917 г.

Параграф 3.2. Октябрь 1917 г. глазами русской эмиграции

Следствием событий, разворачивающихся с марта по октябрь 1917 г., явился захват власти, осуществленный партией большевиков осенью того же года, поэтому после анализа событий Февраля 1917 г. вполне логично перейти к изучению Октября. Однако сразу стоит отметить, что количество работ, непосредственно посвященных разбору октябрьских событий в среде русского зарубежья, оказалось в разы меньше, чем трудов, касающихся Февраля 1917 г. Этот факт осознавали сами эмигранты и пытались давать ему объяснение. Например, у П.Я. Рысса можно обнаружить такие строки: «восстания и перевороты – самое незначительное, самое неинтересное в общем ходе революции. Важны зарождение и развитие процессов, их историческая сущность и психологическая правда... А перевороты и восстания – это батальная социология, бесформенная динамика движения...»⁴⁷⁹.

И все же, несмотря на такое отношение к Октябрю и скупость фактов, тем не менее в начале 1920-х гг. можно обнаружить первые версии одного из главных моментов революционного процесса. Отличительной чертой этих трудов на

---

⁴⁷⁸ Там же. С. 279.

⁴⁷⁹ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 139.

стадии зарождения дискурса стало то, что они были полны осуждения и критики, летящей в адрес тех, кто должен был спасти страну от надвигающейся грозы. При этом некоторые авторы не прочь были дать «советы», как следовало поступить накануне решающих событий. Так, по мнению П.Я. Рысса, в сложившейся ситуации необходимо было сплотиться всем течениям от умеренных социалистов до либералов и тогда, «быть может, не трудно было бы найти и военную силу». Вместо желания объединиться «против общего врага» партии продолжали вести «игру в политику»: меньшевики и эсеры по-прежнему бранили и отталкивали от себя буржуазию, стремясь «обнаружить перед не верившей им страной принципиальную свою левизну».

В концепции П.Я. Рысса большевики накануне и во время восстания представляли собой грозную силу: военно-революционный комитет постоянно поддерживал связь «с воинскими частями», а 25 октября тот же комитет вместе с кронштадтскими матросами без труда овладели столицей, не встречая «сопротивления со стороны власти». В противовес восставшим в исторической версии была продемонстрирована слабость правительственной опоры. Это достигалось, во-первых, за счет фиксации тех немногочисленных сил, кто участвовал в защите Зимнего дворца – юнкера, «несколько десятков учеников военных училищ» и ударный женский батальон. Во-вторых, в авторской оценке их действий: «это была не защита правительства, которого военная среда не терпела из-за Керенского, а желание уберечь Россию от позора и гибели»⁴⁸⁰. Естественно, что при таком раскладе сил борьба не могла продлиться долго: «окруженные со всех сторон яростной толпой солдат», защитники Временного правительства «принуждены были сдаться» вместе с правительственной властью. Таким образом, государственный переворот в столице «произошел почти без кровопролития и сопротивления».

Труд П.Я. Рысса так же полон осуждения тактической линии эсеров и меньшевиков перед Октябрем 1917 г. и во время его осуществления: «эти люди... взывали к чувствам..., что было излишне, и не имели мужества выйти на улицу и

---

⁴⁸⁰ Там же. С. 144.

с оружием в руках пытаться победить – или умереть»⁴⁸¹. Потеря авторитета правительственной власти в глазах народа и «непопулярность» в военных кругах имени Керенского предопределили исход событий. За исключением Москвы, «повсюду происходило одно и то же»: рабочие и солдаты занимали государственные учреждения, а небольшие «кучки офицеров и юнкеров» производили «незначительное сопротивление». Кроме того, на установление власти большевиков в октябрьские дни не последнюю роль сыграло отсутствие идеи, т.е. во имя чего сражаться: «правительство было низложено и сидело в тюрьме, Керенский бежал, большевики были господами положения»⁴⁸².

Схожие мысли можно встретить, если обратиться к концепции П.Н. Милюкова. Однако, в отличие от труда П.Я. Рысса, в работе историка усилены некоторые моменты. Дело в том, что отличительной чертой дискурса на этапе зарождения было то, что в центре повествования находилась проблема виновности в том, что большевики сумели взять власть в свои руки. Возлагая вину на определенную персону, лидер партии кадетов осуществлял это через анализ позиции, модели поведения и тактической линии некоторых участников революционного процесса. Так, описывая события накануне Октября 1917 г., исторические факты группировались историком, преимущественно, вокруг фигуры Керенского, на которого во многом и возлагалась ответственность за приход к власти большевиков. В концепции П.Н. Милюкова к угрозе выступления социал-демократов Керенский отнесся «крайне легко». На запросы членов Временного правительства о том, какие действия для противоборства большевикам осуществлены, Керенский отвечал уклончиво: «меры приняты, опасаться нечего, военное положение дает достаточные средства обороны в случае надобности»⁴⁸³. Кроме того, глава правительства был даже рад грядущему восстанию, рассматривая его как наилучший способ «окончательно разделаться с большевиками».

---

⁴⁸¹ Там же. С. 147.

⁴⁸² Там же. С. 151.

⁴⁸³ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 603.

Поступки главы правительства подверглись осуждению П.Н. Милюковым и тогда, когда А.Ф. Керенский беседовал с казаками об оказании правительству военной помощи в случае, если большевики начнут штурмовать власть. Скорее всего, отмечал автор, разговор с Керенским оставил неприятное впечатление у казаков, т.к. последние высказались за невмешательство в ход борьбы. Таким образом, в правых кругах не отсутствовало желание защищать правительство, однако действия Керенского погасили энтузиазм защитников.

Критике лидера партии кадетов подверглись не только деяния исторических деятелей, но и тактическая линия некоторых государственных учреждений накануне 25 октября 1917 г. В концепции историка 24 октября на заседании Совета Республики министр-председатель выступил со своей «последней речью». В сложившихся условиях поддержка предпарламента «уже немного стоила», но «для армии и для провинции та или другая позиция, занятая в конфликте Советом республики, была очень важна»⁴⁸⁴. В ответственный момент предпарламент не пришел на помощь Временному правительству. Виной тому тактическая линия, занятая членами предпарламента: «связанность его руководящего центра отвлеченными идеологиями, отдававшими его в жертву левой демагогии, и в результате — нерешительность и растерянность перед важнейшими вопросами, требовавшими неотложного и ясного решения»⁴⁸⁵.

Если перейти непосредственно к анализу событий 25 октября, изложенных Милюковым, то успеху восстания способствовало несколько причин. Во-первых, незначительное количество и слабость защитников Зимнего дворца в сравнении с отрядами ВРК: основную силу составляли юнкера и рота ударного женского батальона. К ним также примкнули инвалиды-георгиевские кавалеры и отряд «стариков» казаков, в то время как казачьи полки держались нейтралитета. По мере развития событий энтузиазм у защитников Зимнего дворца падал, что и предопределило исход событий: в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. оборона Зимнего дворца закончилась — Временное правительство перестало

---

⁴⁸⁴ Там же. С. 604.

⁴⁸⁵ Там же. С. 605.

существовать. Во-вторых, отсутствие главы правительства в ответственный момент: утром 25 октября произошел отъезд Керенского из Петербурга, и министр-председатель возложил свои обязанности на А.И. Коновалова. И, наконец, в-третьих, историк одним из первых обратился к психологической атмосфере членов Временного правительства накануне Октября 1917 г. и пришел к заключению, что еще вечером 24 октября положение правительственной власти не казалось катастрофическим, следовательно, решительные меры не были предприняты.

Между тем, фиксация наличия нескольких факторов, предопределивших исход Октября, была не единственным новаторством П.Н. Милюкова. Большую ценность для дискурса имело то, что Октябрь практически сразу приобрел несколько пространственных измерений, поскольку события разворачивались не только в столице, но и за ее пределами. Это диктовалось, прежде всего, самим ходом развития революционного процесса.

Повествуя о событиях в Ставке, Милюков использовал тот же прием, что и при анализе петербургских событий в октябрьские дни: возложение вины на определенную персону за действия, которые помогли закрепить свою власть большевикам. В первую очередь, речь идет о «двусмысленной позиции», занятой генералом Черемисовым. По свидетельству автора, отношение главнокомандующих к Временному правительству в момент начала вооруженного восстания, в ночь с 24 на 25 октября, «было вполне лояльно». По этой причине тотчас же стала происходить подготовка к отправке войск: генерал Крымов — командир третьего корпуса — немедленно отдал распоряжение идти в Петербург, но генерал Черемисов, находившийся в тесной связи с революционным комитетом, отменил его. В скором времени «сопротивление генерала Черемисова» было сломлено: войска начали продвигаться к столице, однако «железнодорожные служащие» продолжали препятствовать быстрой доставки эшелонов.

Тем не менее, по мере развития событий, когда была обнаружена слабость правительства и получены известия о первых успехах большевиков в столице,

отношение Ставки резко изменилось: главнокомандующие фронтами начали колебаться, то разрешая, то вновь отменяя распоряжения об отправке войск на помощь Керенскому и Краснову. Когда вести о побеге Керенского и о заключении перемирия достигли Ставки, то генерал Духонин 2 ноября 1917 г. разослал телеграмму по всем фронтам, призывающую остановить и прекратить дальнейшую отправку войск. Склонность автора доказать виновность определенного лица в событиях тех лет позволила опровергнуть циркулирующее в определенных кругах русской эмиграции убеждение, согласно которому большевистский настрой вооруженных сил стал следствием позднего прибытия войск. В концепции историка же запоздалость воинских подразделений, ставшая причиной поражения похода генерала Краснова, исходила исключительно из нежелания главнокомандующего Северным фронтом помочь Временному правительству.

Максимальная совокупность факторов, предопределившая направление вектора революционного процесса, в исторической версии П.Н. Милюкова с наибольшей ясностью видна, если задаться вопросом, что послужило причиной успеха большевиков в Москве. Во-первых, виновным был Комитет общественной безопасности, не призвавший население к активной борьбе и ограничивший свои действия лишь «пассивной задачей охраны безопасности» жителей. Помимо этого, «ошибочна» была его позиция не предпринимать серьезных силовых действий, «пока не выскажется фронт: ...фронт сам выжидал пока не явилась возможность перейти на сторону победителя»⁴⁸⁶.

Во-вторых, в те дни, во многих действиях виновным оказался командующий Московским военным округом полковник К.И. Рябцов, «человек не сильный и колеблющийся», попавший в затруднительное положение между Комитетом общественной безопасности, юнкерами и ВРК, и пытающийся «лабиринтировать» среди противоположных требований». Позиция комитета безопасности, занятая в самом начале боевых действий, свалив все руководство операцией на командующего Московским военным округом, не только не

---

⁴⁸⁶ Там же. С. 670.

добавляла энтузиазма в рядах защитников Москвы, но и вносило недоверие к Рябцову. Последний же «страшно боялся сделать какой-либо шаг, за который его мог бы впоследствии привлечь к ответственности какой-нибудь орган “революционной демократии”»⁴⁸⁷.

В-третьих, в рядах защитников Москвы не наблюдалось «единства настроения»: с самого начала «молодежь с ужасом смотрела на перспективу участвовать в гражданской войне»⁴⁸⁸, в то время как «группа правого офицерства» была настроена иначе.

И, в-четвертых, Милюков не исключал психологический аспект изучаемых событий: в последние числа октября 1917 г. «кучка защитников Москвы», «потерявшая надежду на успех первого быстрого удара», стремительно теряла энтузиазм. Этому так же способствовали разговоры об «однородном» социалистическом правительстве, постоянно муссировавшиеся на верхах, что посеяло в юнкерах и офицерах сомнение и поставило вопрос о том, какую власть они теперь защищают.

Вслед за П.Я. Рыссом и другими персонами русского зарубежья П.Н. Милюков в своем повествовании представил большевиков грозной силой. Однако он не был склонен преувеличивать их мощь. Гиперболизация влияния социал-демократов на ход развития страны была усилена представителями, относящимися к военной среде. Особенно сильно это значение развил А.И. Спиридович, подтвердив его разными примерами. Прежде всего, сила большевиков демонстрировалась в событиях, предваряющих Октябрь 1917 г. и исходила из их тактической линии. В концепции автора социал-демократы были показаны как превосходные организаторы: со второй половины октября 1917 г. военно-революционный комитет широко развернул свою деятельность: во все части были посланы агитаторы, с целью привлечения колеблющихся частей на свою сторону. Кроме того, ВРК повсюду «назначил комиссары во все части Петербургского гарнизона, во все важнейшие учреждения столицы и ее

---

⁴⁸⁷ Там же. С. 675.

⁴⁸⁸ Там же. С. 675.

окрестностей; во все оружейные склады и магазины»⁴⁸⁹. Повсеместно усилилась агитация: о готовящемся вооруженном выступлении уже «не скрывали», к нему «открыто» «призывали». В преддверии решающих событий «лучшие агитаторы и ораторы» были отправлены в колеблющиеся войсковые единицы: «к казакам, к Семеновцам и самокатчикам». В результате, «полки решили выступить за большевиками». Таким образом, влияние крайних левых еще накануне 25 октября становилось всеобъемлющим, что во многом предопределило направление вектора революционного процесса.

И все же, несмотря на значительный вес партии большевиков в общем ходе развития событий, автор не был склонен показывать бездействие и пассивность правительственной власти, как другие персоны русского зарубежья. В концепции А.И. Спиридовича Временное правительство предприняло ряд мер, направленных против социал-демократов: накануне выступления большевиков были опечатаны типографии газет «Солдат» и «Рабочий Путь», а также изданы ряд приказов по частям, запрещающих выходить самостоятельно, т.е. без ведома и вызова правительственной власти. Предпринимались меры и для защиты Зимнего дворца: «были вызваны юнкера и женский ударный батальон и 4 орудия Михайловского артиллерийского училища». Помимо этого, 24 октября Керенский, выступая «с речью против большевиков» в предпарламенте, просил собравшихся оказать поддержку Временному правительству. Но Совет Республики требуемой поддержки не предоставил, тем самым нанося правительственной власти «сильный удар», оказав, в свою очередь, большевикам «моральную поддержку».

Тем не менее, в исторической версии автора исход восстания предопределил тот факт, что изначально вооруженные силы и влияние двух сторон были неравны: «в распоряжении покинутого своим главой правительства не было достаточных сил и средств бороться с восстанием. При всем желании, энергии и полном самообладании... министры – сделать ничего уже не могли»⁴⁹⁰.

---

⁴⁸⁹ Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883-1903-1917 гг. Париж, 1922. С. 377.

⁴⁹⁰ Там же. С. 389.

Поэтому осада и захват, как Зимнего дворца, так и правительственных учреждений в повествовании автора были показаны планомерно и спокойно.

В Октябре 1917 г. не последнее значение играло отношение генералитета к происходящим событиям, поэтому генерал А.И. Спиридович не мог не осветить позицию высших чинов армии в те дни. По мнению автора, прибывший в Псков Керенский узнал от генерала Краснова, что распоряжение главы Временного правительства «относительно движения войск к Петербургу, отменено командующим Северного фронта генералом Черемисовым»⁴⁹¹, основывавшегося на убеждении, что «Временное правительство более уже не существует, а потому и приказания его не обязательны». Кроме того, железнодорожные работники, от которых зависела перевозка войск, уже «прислушивались» к голосу новой власти, исполняя указания ВРК. Тем не менее, генерал Краснов принял решение идти на Петербург. Автор, относясь к военной среде, естественно, не мог осудить действия Краснова, поэтому Спиридович сразу пытался снять ответственность за поражение под Пулковом с генерала, доказывая наличие нескольких факторов, предопределивших исход сражения. Во-первых, численность вооруженных сил: «с очень малым отрядом генерал Краснов двинулся вперед...». Во-вторых, моральное разложение армии: «среди казаков был явный развал. Казаки не хотели идти вперед без пехоты. Пехоты же не было...»⁴⁹². И, в-третьих, обстоятельства ведения военной операции, носящие, по выражению автора, «странный характер» и ряд случайных моментов, которые не способствовали победе: «появились политические деятели, агитировавшие одни за, другие против Керенского. Старались влиять на генерала. На месте боя, чуть не в цепи, у генерала появились люди к делу посторонние, не военные. Сам верховный главнокомандующий прибыл к месту, где шла перестрелка, в автомобиле с дамами... Все было, как-то, не по-военному...»⁴⁹³.

Одной из отличительных черт работы было то, что автор высоко оценивал роль Ставки в те дни. Это сказалось, например, в том, что события в Петербурге и

---

⁴⁹¹ Там же. С. 401.

⁴⁹² Там же. С. 401.

⁴⁹³ Там же. С. 401.

Москве, последовавшие после 25 октября 1917 г., представлены Спиридовичем очень кратко и схематично. Помимо этого, автор заявлял, что только «со взятием Ставки» в конце ноября 1917 г. окончательно «пало последнее препятствие к достижению большевиками полной власти». И, несмотря на то что после большевистского восстания генералитет «занял враждебное против большевиков положение», тем не менее, силам распада Ставка противостоять не могла: в ней «уже давно замечалось прогрессирующее разложение в военной среде. Солдаты были настроены большевистски... Кругом кишели большевистские агитаторы... Среди командного состава появились сторонники соглашения с большевиками»⁴⁹⁴.

Такой взгляд на события Октября 1917 г. имел свои особенности. Он позволил в несколько раз снизить виновность и ответственность определенных лиц (гражданских и военных) за изменение вектора революционного процесса, поскольку вся ответственность за водворение хаоса в стране возлагалась исключительно на большевиков, что не могло не отразиться на авторской интерпретации фактов октябрьских дней. Однако влияние и сила большевиков, вытекающие из концепции А.И. Спиридовича, были показаны в преувеличенном виде. В частности, это достигалось за счет того, что автор еще задолго до большевистского восстания говорил о практически тотальном воздействии пропаганды на определенные слои населения страны: «во всем видели неуменье справиться с делом со стороны правительства. Толпа, народ, солдаты думали найти выход в Советской власти. Эта последняя отождествлялась с большевизмом. Популярность ее росла...»⁴⁹⁵. Таким образом, ход Октября 1917 г. уже был предопределен до его наступления.

Параллельно с разными авторскими концепциями, освещающими довольно подробно события Октября 1917 г. в дискурсе циркулировали менее объемные работы, вносящие некоторые поправки в исторические версии персон русского зарубежья. В них на первый план выдвигался вопрос, почему большевики так

---

⁴⁹⁴ Там же. С. 407.

⁴⁹⁵ Там же. С. 371.

легко сумели захватить власть, и почему им не было оказано должного сопротивления. Некоторые суждения отвечали лишь на первую часть вопроса, сведя его к простой констатации факта, и отчасти раскрывали вторую: Временное правительство «пало жертвой своего творческого бессилия, так легко побежденное не потому, что сила противника была велика, а потому что на защиту его не стал *никто*»⁴⁹⁶.

И все же, это не давало ответа на главный вопрос, почему «никто» не выступил на защиту правительственной власти? Единство мнений здесь отсутствовало. Так, по мысли автора, писавшего под псевдонимом Вольросс, народные массы приняли большевистский переворот за продолжение революции в России, за ее «углубление», но на самом деле восстание социал-демократов было «для русской революции смертельным ударом». Массы этого не осознали, а «приняли большевиков за тех социальных мессий, которые освободят их от всех пережитых за время войны ужасов и осуществят на земле царство социальной справедливости»⁴⁹⁷.

Наравне с этой позицией бытовали и другие версии. Например, Ю.М. Одинзгоев полагал, что «отрицательное отношение общества к политике Керенского» сильно понизило сопротивляемость антибольшевистских элементов, подогрев ее мыслью, что созыв Учредительного собрания ликвидирует власть социал-демократов в стране. Но «разгон “Учредилки” воочию показал всю неосновательность возлагавшихся на нее упований»⁴⁹⁸ и ошибочность выбранного пути.

Работы второй половины 1920-х гг. внесли много нового в исторический дискурс. Прежде всего, персоны русского зарубежья подвергли сомнению чрезмерное влияние и роль большевиков в октябрьских событиях 1917 г. Это достигалось, во-первых, за счет пересмотра общей подготовки социал-демократических сил. Так, по мнению М.И. Рубежанина, восстание большевиков осуществлялось «сравнительно слабыми и плохо подготовленными силами».

---

⁴⁹⁶ Шрейдер А. Пути Октябрьской революции // Пути революции. Берлин: Скифы, 1923. С. 95.

⁴⁹⁷ Вольросс. После войны // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 7. С. 2.

⁴⁹⁸ Одинзгоев Ю.М. В дни царства антихриста. Сумерки христианства. Б.м., 1923. С. 20.

Позиция автора аргументировалась конкретным историческим фактом: «выставленная против Керенского вся большевицкая красная гвардия, собранная наспех, чуть было не была разбита у Гатчино отрядом казаков генерала Краснова в 500 человек...»⁴⁹⁹.

Помимо этого свою точку зрения автор подтверждал свидетельством социал-демократов: «по признанию многих большевицких лидеров, свергая правительство Керенского, большевики сами не думали продержаться у власти более нескольких месяцев»⁵⁰⁰.

Во-вторых, утверждению нового значения способствовало включение в исторический нарратив нового субъекта революционного процесса, активно в нем участвующего – народа. В коллективной работе группы левых эсеров проводилась мысль, согласно которой Октябрь 1917 г. никак нельзя свести исключительно к большевистскому выступлению, поскольку «это было восстание миллионных масс против своих угнетателей»⁵⁰¹. Заслуга партии крайних левых состояла только в том, что они первые призвали массы к свержению власти. Таким образом, авторы приходили к заключению, что «октябрьская революция была совершена... трудовыми классами, а не только партиями...»⁵⁰².

Вот это последнее значение было сильно развито левыми авторами самой разной политической ориентации во второй половине 1920- гг. в историческом дискурсе русского зарубежья. Так, о роли партии большевиков в Октябре 1917 г. Е. Шрейдер писал, что «партия социал-демократов... играла в нем (*перевороте* – курсив мой – Д.П.) руководящую организационную роль и чрезвычайно ничтожную роль – идейную...»⁵⁰³. Это утверждение базировалось на том, что «большевики шли по течению», поскольку, отказавшись от своих воззрений, они вынуждены были «приспособиться к чужим, враждебным лозунгам трудовой..., рабоче-крестьянской..., “мелкобуржуазной”, “эсеровской” революции». В этой

---

⁴⁹⁹ Рубежанин М.И. Итоги русской революции (К 10-ти летию октябрьского переворота – 25 октября 1917 г. – 25 октября 1927 г.) // Пробуждение. Детройт, 1927. № 4. С. 5.

⁵⁰⁰ Там же. С. 9

⁵⁰¹ Десять лет Октябрьской революции // Знамя борьбы. Берлин, 1927. № 22-23. С. 4.

⁵⁰² Там же. С. 5.

⁵⁰³ Шрейдер Е. Октябрь // Революционная Россия. Прага, 1927. № 61. С. 25.

связи они никак не могли предложить Октябрю «идеологическое содержание». Поэтому переворот крайних левых осенью 1917 г. нельзя назвать «партийным большевистским переворотом».

Схожие мысли были высказаны позднее В. Гуревичем. Автор полагал, что «народно-низовая стихия» в первые месяцы после большевистского восстания, хоть и шла в партийном «русле», тем не менее «совершенно не являлась подчиненной большевикам». Крайние левые зачастую вынуждены были «сами идти за массами, проводя политику, во многом несоответствующую их собственной программе, а тем более идеологии»⁵⁰⁴.

Таким образом, работы левых авторов подвергли сомнению чрезмерное влияние большевиков на ход октябрьских событий, сместив акцент с социал-демократической партии на народ, выступающий в роли основной движущей силы Октября 1917 г. И все же, несмотря на столь смелые суждения, высказываемые представителями русского зарубежья, тем не менее нельзя было окончательно сбросить со счетов влияние большевиков. Это поставило, в свою очередь, проблему соотношения двух важнейших компонентов Октября 1917 г. – партии социал-демократов и русского народа – в общем ходе развития революционного процесса.

Оригинальная концепция на этот счет была предложена анархистом П. Аршиновым. Автор исходил из положения, гласящего, что октябрьские события имеют двойное содержание: «одно то, которое» вкладывали в него трудовые массы, активно участвовавшие в нем («ниспровержение власти нетрудовых классов во имя их равноправия и самоуправления»). А другое то, которое наполняла Октябрь партия большевиков («захват власти партией..., построению ею своей “социалистической” государственности и своих “социалистических” методов управления массами»⁵⁰⁵). В исторической версии П. Аршинова, начиная с Февраля 1917 г., трудящиеся начали осуществлять «полную перестройку всего земельного и промышленного строя России». К октябрю 1917 г. им осталось

---

⁵⁰⁴ Гуревич В. Будущее социализма в России // Революционная Россия. Прага, 1929. № 74. С. 15.

⁵⁰⁵ Аршинов П. Два Октября // Дело труда. Париж, 1927. № 29. С. 1.

преодолеть «последнее и самое большое препятствие», тормозившее вектор революционного процесса – «власть... имущих классов», что и было ими сделано. Однако их Октябрь был пресечен «октябрем» партии большевиков, получившим наиболее яркое воплощение «в установлении партийной диктатуры в стране».

На страницах своей работы автор разбирался в вопросе, почему большевикам способствовал успех, и почему они смогли подчинить себе вектор революционного процесса. Ответ на него он искал в тактической линии партии и ее лозунгах. По мысли Аршинова, все дело было в том, что социал-демократам «удалось с ловкостью фокусников подменить идею социальной революции и социального освобождения масс идеей советской власти»⁵⁰⁶. На первый взгляд «эти идеи» не противоречили друг другу: «идею советской власти можно понимать, как идею мощи советов», что позволило крайним левым осуществить «подмену идеи революции идеей советской власти». Но при реализации «эти идеи приходят в резкое столкновение», поскольку в большевистском варианте «идея советской власти» отождествлялась с идеей «власти горсти людей», подчиняющей себе весь народный организм.

Наряду с трудами левых авторов параллельно существовали работы монархистов, кратко освещающие события Октября 1917 г. Исходя из неприятия всего того, что происходило после падения монархии, их исследования были наполнены ненавистью к новым представителям власти. В частности, вот как об октябрьских событиях 1917 г. в Москве в конце 1930-х гг. повествовал И.П. Якобий: члены Городской Думы, «отсидев первые дни восстания в своем здании на Воскресенской площади», переместились в Кремль. Как только социал-демократы начали обстрел, «думцы капитулировали и, выговорив для себя свободный проход, сбежали, бросив своих защитников юнкеров на произвол зверей большевиков»⁵⁰⁷.

По причине общественно-политической ориентации представителей, придерживающихся правых взглядов в русском зарубежье, их труды

---

⁵⁰⁶ Там же. С. 3.

⁵⁰⁷ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 297.

способствовали понижению монументальности событий Октября 1917 г. в историческом дискурсе. Это можно проследить на примере статей И.Л. Солоневича. В одной из них автор полагал, что в октябрьские дни «с обеих сторон участвовало меньше тысячи человек – и это в трехмиллионном городе!»⁵⁰⁸. Помимо незначительной численности Октябрь «ниспровергался с высот» благодаря манере поведения его руководителей: «бросается в глаза и нерешительность обеих сторон: из всего состава ЦК партии за октябрьское восстание голосовал один Ленин – все остальные были против. Временное правительство вообще не знало, ни что ему делать, ни куда ему деваться»⁵⁰⁹.

Попутно стоит отметить, что наравне с правыми персонами опровержению масштабности событий Октября способствовали заявления левых авторов. Например, вот какую цитату можно встретить у М. Алданова, относящуюся к дням переворота: «жизнь девяти десятых населения столицы протекала почти так, как в обычное время. Шла будничная работа в канцеляриях, в конторах, в лавках, в учебных заведениях... очень многие петербуржцы до утренних газет 26 октября и не знали, что...»⁵¹⁰ произошла «советская революция».

Некоторые работы правых авторов пытались дать ответ на вопрос, почему большевикам не было оказано должного сопротивления. Учитывая психологический аспект исследуемых событий, И.П. Якобий полагал, что причина крылась в чувстве оцепенения, охватившее русское общество по мере развития вектора революционного процесса: «ни в какой момент дворянство и буржуазия не проявили ни малейшей попытки защитить свои права, – они сами в эти права больше не верили»⁵¹¹. Поэтому власть в стране стала находиться в руках всякого, «кто пожелал захватить» ее. Однако в этом высказывании не было новизны. О своеобразном «оцепенении» говорили и левые авторы: «в Октябре

---

⁵⁰⁸ Солоневич И.Л. Большевицкие ступеньки // Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. С. 17.

⁵⁰⁹ Там же. С. 17.

⁵¹⁰ Алданов М. Картины Октябрьской революции // Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого / Сост., вступит. ст. Б. Аверина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 37.

⁵¹¹ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 286.

большинство было парализовано тем, что шедшие за большевиками меньшинство подняло бунт во имя его (большинства) идеалов»⁵¹².

Между тем, для дискурса 1930-х и последующих годов, разворачивающегося вокруг Октября 1917 г., важнее было другое: осознание того, что октябрьские события были не так однозначны, как они представлялись в дискурсе 1920-х гг. всеми представителями русского зарубежья, независимо от их социально-политической ориентации. Сложность, противоречивость и до конца неразгаданность Октября 1917 г. фиксировалась не только в крупных монографиях, но и в публицистических статьях. В частности, Г.П. Федотов писал, что «победа большевиков... была предопределена всем ходом революции. Закрепление этой победы – факт непредвиденный, почти чудесный»⁵¹³.

Утверждению нового значения также способствовал и личный опыт некоторых эмигрантов. Так, М. Алданов, являясь очевидцем многих выступлений, пошел еще дальше: «я видел на своем веку 5 революционных восстаний и не могу отделаться от впечатления, что в каждом из них все до последней минуты висело на волоске: победа и поражение зависели от миллиона никем не предусмотренных вариантов»⁵¹⁴.

Все отмеченные тенденции и значения дискурса попытался подвергнуть критике и свести в одно целое С.П. Мельгунов. Опираясь на исторические источники, автор не был склонен считать большевиков грозной силой, поскольку накануне октябрьского выступления преобладала сумятица и неразбериха, а также «двойственность и неопределенность», господствующая в политическом штабе крайних левых. Выдвигая такое значение, историк пытался поспорить с другим значением, закрепившимся в определенных кругах русского зарубежья и сводящегося к тому, что большевики действовали «по плану, составленному ЦК партии в тесном сотрудничестве со Съездом Советов...»⁵¹⁵. В противоположность

---

⁵¹² Шрейдер Е. Октябрь // Революционная Россия. Прага, 1927. № 61. С. 25.

⁵¹³ Федотов Г.П. И есть и будет. Размышление о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. С. 83.

⁵¹⁴ Алданов М. Картины Октябрьской революции // Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого / Сост., вступит. ст. Б. Аверина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 28.

⁵¹⁵ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ Праксис, 2005. С. 109.

изложенному выше тезису, С.П. Мельгунов полагал, что «это было выступление не по разработанному и тщательно обдуманному плану...»⁵¹⁶.

В исторической версии историка большое внимание было уделено ответу на вопрос, почему на защиту Временного правительства практически никто не встал. При ответе на него С.П. Мельгунов приходил к утверждению, что как в обществе, так и на верхах господствовало убеждение, что «авантюра» социал-демократов «для правительства сама по себе не страшна». А это значит, что «трагедия “25 октября” вырисовывалась в общественном сознании только тогда, когда события произошли, – и то далеко не сразу»⁵¹⁷. Отсюда следовало, что никаких серьезных мер со стороны правительства не было принято, поэтому «ничто не могло помешать большевикам готовить “легально” вооруженное восстание...»⁵¹⁸.

Позиция, занятая правительственной властью накануне большевистского восстания, объясняет, почему на защиту Зимнего дворца встали лишь «юнкера и ударницы из женского добровольческого батальона». В концепции автора Временное правительство могло бы создать себе опору в той части представителей, которые все еще поддержали его в Совете республики. Но «Керенский-политик» не был в состоянии лично пойти «на такой шаг». Кроме того, по мысли С.П. Мельгунова, необходимо было найти авторитетного военного начальника, который смог бы собрать силы. Но в те часы, не только не был оповещен генерал Алексеев, но не было создано «ни одного» воззвания, приглашавшего офицеров встать на защиту Зимнего дворца. Напротив, существовал приказ — всем оставаться в частях. Естественно, что без «пафоса борьбы» и «по собственной инициативе» никто не явился защищать Временное правительство. Пассивное отношение казаков к надвигающимся событиям объяснялось историком не только отрицательным отношением к Керенскому, ликвидировавшему корниловский мятеж, но и «местным инцидентом»: 22 октября командующий войсками отменил казачий крестный ход, в то время как

---

⁵¹⁶ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть // Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 72.

⁵¹⁷ Там же. С. 124.

⁵¹⁸ Там же. С. 104.

«День Петроградского Совета» отменен не был. ВРК незамедлительно объявил, что демонстрация казаков не состоялась «по его требованию», подчеркивая «зависимость правительства от Советов». В итоге, Зимний дворец остался «почти без защитников»: ударный женский батальон и юнкера.

Максимальная доля случайных факторов, вклинивающихся в события 25 октября, была показана автором при осаде Зимнего дворца. Например, когда был приказ о начале артиллерийской стрельбы, то «орудия... не стреляли – не доставало каких-то частей... Присланы были два моряка. Пушки застреляли, но снаряды ложились вне зоны пристрела. Из 35 выстрелов попадание было только два раза, и то по карнизу дворца»⁵¹⁹. Все эти «случайности» объясняли, «почему медлили с захватом Зимнего дворца», подрывая пафос и монументальность октябрьских событий.

Понижению героизации событий Октября 1917 г. в повествовании С.П. Мельгунова также способствовало то, что автор не отмечал «массового участия» пролетариата в деяниях 25 октября. Это положение подтверждалось конкретным историческим фактом: «утром в день восстания работа на фабриках и заводах не была остановлена»⁵²⁰, поэтому «жизнь столицы протекала почти так, как и в обычное время». Кроме того, «окружение» Зимнего дворца началось «только в 4 ч. 30 м. дня», когда в столицу «прибыли... “5000” кронштадтцев и матросы Балтийского флота...». Обращение к фактам не только преследовало цель развенчать некоторые мифы и подвести базу под то или иное значение, но и способствовало достижению объективности повествования. А корректность формулировок не позволяла автору быть резким и прямолинейным в своих суждениях. Все это говорило о том, что после Второй мировой войны дискурс стал выходить на новый этап в своем развитии.

Опора на факты и осторожность в суждениях у С.П. Мельгунова проявилась и при ответе на вопрос, почему войска не приходили с фронта. По его мнению, позиция генерала Черемисова не была враждебной по отношению к

---

⁵¹⁹ Там же. С. 191.

⁵²⁰ Там же. С. 165.

правительственной власти, поскольку он в те дни придерживался «полунейтральной позиции», которая исходила из убеждения, что «передряга» в столице, как и в июльские дни, должна была «сама собой прийти» к развязке. Позицию «вынужденного нейтралитета» заняли и армейские массы. «Общее настроение» солдат отражала резолюция армейского комитета 6-ой армии, принятая 1 ноября: «ни одного солдата Керенскому, ни одного солдата большевикам». Однако это настроение не являло собой непреложный постулат. Кроме того, Черемисов в принятии своего решения руководствовался интересами фронта: «положение Северного фронта было угрожающим со стороны возможного наступления немцев и очень непрочным в смысле настроений некоторых частей армий»⁵²¹.

Несмотря на вышеизложенную точку зрения, С.П. Мельгунов констатировал, что до 50 эшелонов двигалось по направлению к столице на помощь Временному правительству и почти ни одного на подмогу ВРК. Это объяснялось тем, что позиция Ставки «была достаточно определена»: 26 октября «Ставка телеграфировала на все фронты, что она окажет “полную поддержку правительству”»⁵²². Промедления в прибытии военных подразделений объяснялись автором объективными причинами. Распоряжения главы правительства не могли выполняться «беспрекословно», т.к. Керенский «не мог знать» «ни степени надежности» вызываемых им полков, ни их расположение. Естественно, что распоряжения Главковерха стали вызывать возражения со стороны начальников полков: «один доносил, что требуемый полк только что заступил на позицию; другой, что требуемый полк может двинуться через два дня, и т.д.»⁵²³.

Стараясь отрешиться от политических пристрастий, автор пытался быть максимально объективным в своем нарративе, опираясь не только на исторические источники, но и указывая на конкретные исторические процессы. В частности, С.П. Мельгунов ставил в укор правительственной власти то, что она не

---

⁵²¹ Там же. С. 213.

⁵²² Там же. С. 239.

⁵²³ Там же. С. 238.

учла того факта, что «в эпоху революционного брожения меньшинство, не только апеллирующее к народным страстям, но и разнуздывающее их»⁵²⁴, может сыграть решающую роль. Помимо этого, следовало принять во внимание и то, что в условиях «военного времени» «промышленность» внесла «значительные» коррективы в социальную структуру Российского общества: численный состав пролетариата увеличился почти в два раза, а «наносные элементы» быстрее всего поддавались «заманчивым и эфемерным лозунгам большевицкой пропаганды». Такой подход был новым для дискурса русского зарубежья и стал возможен лишь при достижении определенной временной дистанции между произошедшим событием и моментом его исследования. Этот прием способствовал достижению ровного и максимально объективного повествования при описании и анализе исторических явлений.

Кроме того, ощущение «объективности» складывалось еще и за счет того, что автор не выносил «виновного приговора» участникам революционного процесса, а частично исходил из положения, согласно которому «логики в человеческих деяниях искать нечего»⁵²⁵. В этой связи нельзя не обратиться к резкому высказыванию И.А. Ильина: «“Кто виноват?” – есть вопрос обывательски-политический, исходящий из наивного и близорукое представления о том, что все дело в отдельных людях, в их заблуждениях, ошибках, глупостях, преступлениях... Этот вопрос лично-пристрастный и партийно-пристрастный и потому самый неумный и самый опасный; впрочем, и наименее плодотворный»⁵²⁶. Однако философ, находясь в 1949 г., забывал, что с течением времени вопросы, затрагиваемые в работах, менялись. По этой причине вопрос «Кто виноват?», как правило, характерен для начального этапа развития дискурса, а для С.П. Мельгунова, опубликовавшего свой труд после завершения Второй мировой войны, подобная постановка вопроса не была актуальной.

---

⁵²⁴ Там же. С. 81.

⁵²⁵ Там же. С. 148.

⁵²⁶ Ильин И.А. О страданиях и унижениях русского народа // О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 115.

Таким образом, Октябрь 1917 г. по мере развития исторического дискурса становился все более сложным, неоднородным и менее предсказуемым. Это достигалось не только благодаря утверждению новых значений, но и принципиально иной манере повествования.

Параграф 3.3. 1917 год в восприятии русского зарубежья

Два самых ярких момента революционного процесса интересовали персон русского зарубежья не только с позиции событийной истории. Февраль и Октябрь 1917 г. – политические события, несущие в себе качественное своеобразие русской цивилизации. По этой причине подобные исторические явления анализировались эмигрантами с точки зрения восприятия и соотношения их между собой, а сложность и многообразие, как Февраля, так и Октября привлекали к себе практически всех представителей русского зарубежья, независимо от их политических убеждений.

Первоначально события революционного процесса характеризовались в целом и не подразделялись на его основные моменты. Исключение составил лишь Февраль 1917 г., изначально выступающий не столько в роли грандиозного события, сколько в роли некой точки отсчета.

С самого первого момента зарождения дискурса, 1917 г. не всегда отождествлялся с революцией. Например, Петр Карачаров соотносил события 1917 г. с русской смутой XVII в. Для того чтобы лучше понять, почему автор воспринимал произошедшее именно так, необходимо посмотреть, что он вкладывал в понятие «смута». П. Карачаров под «смутой» подразумевал такое явление, когда «сам народ замутился, сбился с прямого пути, перестал понимать, кто ему друг и кто враг, где правда, а где хитрый и подлый обман»⁵²⁷. Оснований для того чтобы утверждать, что Россия вступила в новую полосу смутного времени, у автора было много. Доказательства можно было почерпнуть как из «прошлого» (ходили слухи об измене, предательстве, подлости), так и из

---

⁵²⁷ Карачаров П. Две Смуты. Рассказ о том, кто спасал и снова спасет русскую землю. Ростов н/Д., 1919. С. 3.

«настоящего» – после революции в стране наступили гражданская война, голод, разорение. Помимо этого, автор настаивал на том, что для «смуты» характерна подмена понятий. Подобное явление можно было фиксировать еще в период Первой мировой войны, когда «уже виновного и невинного, негодяя и честного вместе сплетали».

Кроме того, для отождествления пережитого со «смутой» имелись духовные основания, связанные с вселением надежды на скорейший и благополучный исход завершения событий: «только ясным разумом, силой крепких людей да святою молитвой может народ от такой смуты спастись»⁵²⁸.

Наибольший «разброд» в терминах можно встретить у М.В. Родзянко. Для определения событий 1917 г. автор использовал сразу несколько понятий. Основным термином для Родзянко при характеристике 1917 г. выступало слово «революция», начавшаяся с Февраля 1917 г., который определялся автором как переворот: «происшедший в феврале 1917 года переворот был встречен всей страной спокойно и с одобрением»⁵²⁹. Однако довольно быстро революционный процесс развился в «дикий разгул неудержимой пугачевщины» и стал ассоциироваться уже со «смутой».

Можно выделить несколько причин, почему последующие за февралем-мартом 1917 г. события стали именоваться «смутой» в концепции М.В. Родзянко. Во-первых, это связано с тем, что проводимая Советом рабочих и солдатских депутатов, а затем и большевиками политика не отвечала авторским представлениям об идеальных путях развития России. Во-вторых, для Родзянко слово «смута» являлось синонимом к слову «болезнь». И, наконец, в-третьих, определяя события как «смута» Родзянко намеренно соотносил их с XVII веком, давая надежду читателям на благоприятный исход произошедшего: «дни смуты и переживаемое лихолетье должны внушить нам мысль, что только в самих себе, в своих собственных силах кроется возрождение Государства... Я призываю всех Русских граждан-патриотов выстоять до конца так же, как выстояли назад тому

---

⁵²⁸ Там же. С. 3.

⁵²⁹ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. С. 59.

300 лет Русские люди в ужасную и в то же время славную эпоху смутного времени иноземного нашествия»⁵³⁰.

Разными понятиями характеризовал свершившиеся события генерал В.М. Пронин. Повествуя о политической стороне 1917 г., автор употреблял термин «революция», которая развертывалась как процесс. Но как только речь заходила о том, что пришлось выдержать русской нации, то генерал прибегал к понятию «смута»: «русскому народу предстояло пережить величайшие испытания, потрясения и позор. Начиналась великая смута на Руси, созданная ее врагами и предателями»⁵³¹. В данном случае слово «смута» было близко к понятию «трагедия», которая разворачивалась, как в политическом плане (взаимоотношения Корнилова с Керенским и предательство последнего), так и в общечеловеческом масштабе.

Отождествление событий 1917 г. с русской смутой заставило некоторых авторов, в частности П.Б. Струве, задуматься о правомерности соотношения двух понятий. Свои размышления П.Б. Струве озвучил еще в 1919 г. в Ростове-на-Дону, однако окончательно свои мысли он опубликовал лишь два года спустя в Константинополе. Исходя из поставленной выше задачи, события 1917 г. автор попытался проанализировать с двух сторон. Если 1917 г. рассматривать по внешним признакам, то его можно соотнести с российской смутой начала XVII века: «то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классах, то же использование чужеземцами внутренней борьбы»⁵³², а так же «отсутствие нравственной твердости и подлинного патриотизма в высших классах, слабость национального сознания в классах средних, анархическая настроенность народных масс»⁵³³ и многое другое. Но если оценить события по конечному результату, то картина окажется другой: в XVII в. «расшатав государство, смута не произвела никакого социального переворота и в этом смысле не была вовсе

---

⁵³⁰ Там же. С. 62.

⁵³¹ Пронин В.М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. С. 12.

⁵³² Струве П.Б. Размышления о русской революции: Публ. лекция, прочит. в ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону. София, 1921. С. 21.

⁵³³ Там же. С. 21.

революцией»⁵³⁴. Из этого следовал вывод, что уже тогда П.Б. Струве начал говорить о корректности соотнесения двух явлений, разговор о котором предстоял еще впереди.

Таким образом, можно констатировать, что с самого начала зарождения исторического дискурса события 1917 г. не всегда ассоциировались с «революцией», а зачастую отождествлялись со «смутой», что противоречило «официальной версии» о двух революциях (февральской и октябрьской), транслировавшейся печатью в течение всего 1917 г. Такое соотнесение имело под собой, преимущественно, духовные основания, поскольку если 1917 г. воспринимался как «смута», то он, действительно, лишь воспринимался, а не классифицировался. Причин тому было несколько и о них говорилось выше, поэтому лучше уделить внимание последствиям. Во-первых, воспринимая события 1917 г. как «смуту», авторы, в основном, отказывались от деления ее на фазы: между историческими деяниями не проводилось особых различий (исключение составляла позиция М.В. Родзянко, который, исходя из своих социально-политических воззрений, не мог приветствовать все то, что стало происходить после марта 1917 г.). Во-вторых, размышляя над прошлым в 1919 г., авторы продолжали говорить о коллапсе 1917 г. в настоящем, конца которому не было видно, следовательно, события 1917 года разомкнулись в будущее и начинали мыслиться как нечто более длительное, т.е. воспринимались как процесс. В-третьих, обстоятельством создания работ и временем их написания (все работы создавались на родине, и в момент, когда гражданская война еще не была завершена, а это значит, что труды авторов стремились внушить читателям мысль о скорейшем и благоприятном исходе исторических событий).

Такое понимание событий 1917 г. соседствовало с другим понятием – «революцией», более распространенным в русском зарубежье. К этому термину, в отличие от смуты, прибегали все представители русской эмиграции независимо от их политических оценок и во всех центрах русской диаспоры.

---

⁵³⁴ Там же. С. 24.

Стремление переосмыслить революционный процесс 1917 г. и внести некоторые поправки в «официальную» версию о двух революциях (политической, мартовской, избавившей страну от самодержавия, и социальной – октябрьской) было присуще многим персонам. Одной из первых попыток в историческом дискурсе русского зарубежья провести различие между двумя моментами революционного процесса принадлежало писателю и публицисту Л. Андрееву, написавшему свою работу в Нью-Йорке в 1919 г. Революционный процесс представлялся автору борьбой между Февралем, олицетворяющим «Революцию», и Октябрем, знаменующим собой «Бунт». В концепции Андреева «бунт» и «революция» «рождаются одновременно» и «от одного корня», что не дает повода «своевременно отличить убийцу от жертвы». В этом, по мнению автора, крылась одна из причин искажения вектора революционного процесса.

И все же, при всей схожести этих двух терминов есть существенные отличия, позволяющие четко разграничить эти два явления. Во-первых, это «мысль», присущая любой революции, на основе чего и во имя чего можно соединить и организовать людей. Этой важной составляющей лишен бунт, который «есть начало стихийное, лишенное мысли». Это дало право автору сделать еще одно отличие, сводящееся к тому, что бунт несет в себе силу разрушительную, сопровождающуюся беспорядком, разрушением, погромом, уничтожением и не способен к созиданию, в отличие от революции.

В-третьих, в связи с тем, что «бунт лишен мысли», следовательно, он «не имеет собственного языка», поэтому вынужден полностью заимствовать лексику революции: «у него те же флаги, он кричит о той же свободе, он требует того же равенства и братства...»⁵³⁵. И, наконец, в-четвертых, различие проводилось автором по целям, которые ставят перед собой каждое из явлений. Так, революция, в отличие от бунта, «благородная», «возвышенная» и «бескорыстная». Отсюда вытекает «истинная и высокая цель» революции – «не уничтожить и не расточить, а умножить сокровища земли». Поэтому, даже если революции

---

⁵³⁵ Андреев Л.Н. Европа в опасности // Верните Россию!: Сборник / Сост. И.Г. Андреевой. М.: Московский рабочий, 1994. С. 174.

приходится использовать разрушение и насилие, сопровождающееся пролитой кровью, то в этот момент «она думает не о себе, а о тех грядущих, кто счастливо войдет в уготованный ею вертоград»⁵³⁶.

Именно с этих «теоретических» позиций, выраженных в философско-литературной форме, автор рассматривал общий вектор развития революционного процесса. Постепенное подчинение революции бунту виделось Л.Н. Андрееву с момента приезда Ленина из Германии в Россию по средствам лживых лозунгов. Плоды умелой пропаганды сказались очень быстро: автору трудно объяснить тот факт, что как можно было Керенскому, прибегнув к помощи большевикам, спасти «родину и революцию от Корнилова». С этого момента бунт был не только всеобщее «признан», но и «увенчан лаврами и ходит, величаясь»: подготовка большевиков к Октябрю шла открыто и полным ходом. 25 октября 1917 г. «бунт» целиком поглотил «революцию». Таким образом, новизна трактовки Л.Н. Андреева на тот период времени состояла в том, что Февраль и Октябрь разграничивались по многим параметрам. Это позволило автору прийти к выводу, что оба явления не только выросли из одного корня, (а не следовали друг за другом), но и то, что Октябрь, в конечном счете, полностью поглотил Февраль.

Свой взгляд на проблему соотношения Февраля и Октября 1917 г. был высказан в среде социалистов-революционеров, который оказался по некоторым параметрам близок к позиции предшествующего автора. Так, по мнению В.М. Чернова, Октябрьской революции в России не было, а был лишь октябрьский переворот, явившийся подлинной контрреволюцией. Этот тезис автор подкреплял рядом конкретных примеров. Так, в аграрном вопросе перед Февральской революцией стояла определенная задача: «заменить помещичье хозяйство трудовым на началах, способствующих повышению производительности земли, росту национального богатства»⁵³⁷. С самого начала Февраля крестьянин «принялся выкуривать помещика из деревни», постепенно «расширяя свои права»

---

⁵³⁶ Там же. С. 175.

⁵³⁷ Чернов В.М. Революция или контрреволюция: К третьей годовщине октябрьского переворота // Революционная Россия. 1920. № 1. Прил. С. 4.

на землю, а роль земельных комитетов сводилась к безболезненной замене «барина» «мужиком». В этой связи октябрьский переворот явился «срывом земельной реформы», так как «был шагом назад от продуманной социализации земли к примитивному черному переделу»⁵³⁸. Кроме того, Октябрь разжигал стихию и усиливал разруху в отличие от Февраля, открывшего дорогу творческим силам страны. Таким образом, делал вывод Чернов, большевизм, воплотившийся в Октябре, был не прогрессом, а политическим и хозяйственным регрессом; не революционной, а контрреволюционной силой.

Безусловно, большое влияние на подобное восприятие, как революционного процесса, так и его отдельных моментов оказали, как «профессиональная принадлежность» авторов (в случае с Л.Н. Андреевым, говорившего от лица интеллигенции), так и приверженность к определенным социально-политическим взглядам (в случае с В. Черновым). Вполне естественно, что, например, монархисты, оценивали те же самые явления иначе. В частности, один из авторов, публикуя свои работы под псевдонимом Арамис, весь 1917 г. характеризовал как революцию. Однако ее наиболее яркие моменты автор называл переворотами, особо не отличавшимися по содержанию друг от друга. Это относится как к Февралю, так и к Октябрю 1917 г. В этом случае, так же как и в последнем, видна зависимость политических воззрений автора на понимание им исторических процессов.

По причине того, что через несколько лет после осуществления Февраля 1917 г. кризис государственности начал приобретать историческую дистанцию, в русском зарубежье существенно стали меняться взгляды авторов. Основным следствием стало то, что в первой половине 1920-х гг. разговоры о революции перешли от стадии констатации к стадии осмысления, что не могло не отразиться на историческом дискурсе: он значительно трансформировался в сторону усложнения, которое протекало в трех основных направлениях. Первое продолжало следовать по линии восприятия и сущности событий 1917 г. Многообразием исторических терминов пестрит повествование у П.Я. Рысса. В

---

⁵³⁸ Там же. С. 4

его концепции Февраль 1917 г. был переворотом, который начался с выступления женщин «из-за уменьшенного рациона хлеба» и закончился солдатским бунтом. Поэтому «в конце февраля – в начале марта» в стране не было революции; она явилась позднее, «когда стали перестраиваться политические и социальные отношения, когда на смену разрушенному начали производить попытки создания нового порядка вещей»⁵³⁹. Но и переворот, осуществленный в конце февраля, был по своему характеру не революцией, а грандиозным солдатским бунтом.

В общем ходе революционного процесса Октябрь 1917 г. стал обычным переворотом, устроенным большевиками. По мысли П.Я. Рысса, этот переворот с радостью был встречен всеми, кто ждал от него материальных для себя выгод, кто, устав от слов, ждал дел, кто хотел наконец установления нового порядка вещей, узаконенного какой-нибудь властью⁵⁴⁰. Так, «начатая с энтузиазмом» русская революция в октябре погибла «в трусости и беславии», вследствие чего с октября открывался новый этап революционного процесса. Об этом говорила следующая фраза автора: «гражданская война – только эпизод в истории русской революции...»⁵⁴¹.

Уже ставшая традиционной классификация событий 1917 года по политическим (воплощение в жизнь теоретических построений путем реформ) и социальным признакам – движущим силам, участвовавшим во всем этом, и как следствие – возникновение разных трактовок происходящего. Все это заставило некоторых задуматься над тем, что сам 1917 г. был еще тогда, на стадии осуществления, воспринят населением страны по-разному. Наиболее полно эту мысль высказал И.Ф. Патронов. С одной стороны, вслед за другими представителями, вышедших из военных кругов, он характеризовал 1917 г. как революцию. Но, с другой стороны, этот термин был наполнен разным содержанием в зависимости от того, о ком шла речь. Автор полагал, что для той части интеллигенции, которая подготовила и, в конечном счете, вызвала революцию, это событие было великим и бескровным. Для большевиков,

---

⁵³⁹ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 55.

⁵⁴⁰ Там же. С. 154.

⁵⁴¹ Там же. С. 200.

«фанатиков или мошенников» случившееся представлялось социальной революцией. Для народа это явление воплотилось в самую дикую пугачевщину. Если же учитывать падение государственности и оценивать масштаб разрушения, то на лицо «повторение смутного времени начала XVII века».

Существенное влияние на восприятие русскими эмигрантами 1917 года оказало появление первых периодизаций революционного процесса, что еще раз свидетельствовало о том, что дискурс вышел на стадию осмысления – и это второе направление. Движение в этом направлении можно встретить в Константинополе, где в 1921 г. развернулась острая полемика по этому поводу. Если обратиться к работам В.Б. Ельяшевича, то можно заметить, что автор пытается поспорить с постепенно утвердившимся в историческом дискурсе значением, согласно которому в течение революционного процесса произошли два наиболее ярких момента. В.Б. Ельяшевич выдвинул тезис, гласящий, что «в действительности, двух революций не было. Была единая революция, разные фазы, разные стадии единого нераздельного исторического процесса»⁵⁴². Это суждение основывалось на том, что основной силой революционного процесса было крестьянство. Все началось с солдатского бунта, разразившегося в феврале 1917 г. и довольно быстро переросшего в революцию. Однако общий вектор революционного процесса пошел «не по тому руслу, которого, казалось, можно было ожидать». Стихийное движение, не имея организации и вождей, сразу «попадает в руки других элементов, более сознательных, более подготовленных». Революционное движение было с радостью встречено интеллигенцией и подхвачено рабочими, которые тут же сделали его «социалистическим». Пропитавшись социалистическими идеями, революционный процесс начинал пестрить левыми лозунгами. По этой причине для автора нет ничего удивительного в том, что случилось в октябре 1917 г., поскольку этот момент был прямым следствием того, что происходило в России на протяжении весны-лета того же года.

---

⁵⁴² Ельяшевич В.Б. Социальные и правовые последствия русской революции // Русская мысль. София, 1921. Кн. VIII-IX. С. 196.

Однако В.Б. Ельяшевич, говоря о различных фазах революционного процесса, четко не фиксировал их во времени, поскольку, скорее всего, выдвинутый автором критерий не мог позволить ему это сделать. Зато более точно создать периодизацию удалось П.Н. Милюкову, произведя деление революционного процесса на этапы по политическому признаку – «последовательно меняющихся кабинетов», сопровождающихся постоянно прогрессирующим распадом власти. Этот критерий дал автору поделить революционный процесс на четыре периода: «1) Первое революционное правительство (2 марта – 2 мая). 2) Первое правительство коалиционного состава (2 мая – 2 июня). 3) Первый кризис власти и вторая коалиция (3 июля – 28 августа). 4) Второй кризис власти и третья коалиция (28 августа – 25 октября)»⁵⁴³.

Но такое деление имело свои недостатки. Выдвинутый автором критерий значительно сузил в хронологическом плане революционный процесс, который завершился в начале ноября 1917 г., когда большевики сумели взять власть в Москве. Следовательно, позиция автора сильно шла в разрез с устоявшимся значением, сводившимся к тому, что революция закончилась отнюдь не в 1917 г., а изрядно выходила за его пределы. Другое замечание в адрес П.Н. Милюкова было высказано монархистами. По мнению неизвестного автора, писавшего свою работу под псевдонимом Senex, «объективно» «не существует» «ни границ, ни критериев» для определения хронологических рамок революционного процесса. Эти вещи бытуют «субъективно», вследствие чего каждый имеет «свою особую концепцию революции и, разумеется, свои “заветы”», которые не стоит возводить в ранг абсолютной истины. Поэтому автор вопрошал: «почему (*принято* – курсив мой – Д.П.) думать, что революция... между февралем и октябрём 17-го года? Или между октябрём 17-го года и текущей минутой? Кто установил эти границы? Кто дал критерий...? Никто»⁵⁴⁴.

Между тем, несмотря на существенное замечание, высказанное Senexом, разговоры о периодизации революционного процесса не утихли; однако они стали

---

⁵⁴³ Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 57.

⁵⁴⁴ Senex. Завет революции // Зарницы. Константинополь, 1921. № 26. С. 3.

менее конкретными в хронологическом плане. Так, монархист Ювенал, предлагая читателям свою периодизацию, воздержался проводить четкие границы фаз, используя точные даты. Автор даже отказался отчетливо назвать количество периодов. Он лишь указал, что революция в России претерпела «целый ряд фаз, резко отличавшихся друг от друга по своей психологии»⁵⁴⁵, стремясь закрепить значение, сводящееся к тому, что один большой период может включать в себя еще и несколько промежуточных фаз, если взять за основу другой критерий.

Из всех этапов революции наиболее подробно автор описал добольшеvistский или ложноклассический период. Исходя из характеристики, предложенной Ювеналом, это деление проходило по политическому признаку: учитывалась политическая линия, модель поведения основных участников процесса и методы проведения реформ. Так, для ложноклассического или мартовского периода характерна фальшь, ложь, напыщенность, эфемерность и противоречивость, от которой «рушится всякое начинание наших “первых народных министров”». Кроме того, этот этап «сопровождался бесконечной, нудной и напыщенной болтовней». Эта мысль подтверждалась автором рядом ярких примеров: «врали, кривлялись (Керенский), вскакивали на столы и бахвалились (Некрасов) министры временного правительства... Несли утомительную чепуху ораторы на митингах... Ложь и пустословие печати достигли невиданных размеров»⁵⁴⁶. Подобная оценка этапа революции крылась в социально-политических взглядах автора, неспособных приветствовать все то, что наступило после падения монархии.

Помимо вышерассмотренных значений, периодизация Ювенала была ценна еще и своеобразным авторским пониманием точки отсчета революционного процесса. Принимая во внимание активную подготовительную работу накануне революции и связь потрясений в Российской империи с войнами, которыми вела страна, публицист приходил к выводу, что революционеры, желая вызвать взрыв в стране, приветствовали любую войну, чтобы использовать ее как катализатор

---

⁵⁴⁵ Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. С. 49.

⁵⁴⁶ Там же. С. 14.

для народных волнений. Отсюда вытекал интересный вывод: «с полным основанием... революционные деятели могут считать началом “великой Российской революции” не дату 27-го февраля 1917 года, а день объявления войны, 19-е июля 1914 года»⁵⁴⁷. Это умозаключение свидетельствовало о том, что понимание революции 1917 года значительно усложнилось, поскольку она начала разворачиваться не только в «будущем», но и в «прошлом» и уже, безусловно, воспринималась как процесс.

И все же, несмотря на различную трактовку двух ярких моментов революционного процесса, тем не менее, из исторического дискурса первой половины 1920-х гг. русского зарубежья окончательно не уходили старые понятия, поскольку некоторые авторы продолжали отождествлять русскую революцию со смутой. При этом соотнесение двух явлений происходило на старой основе – надежде на то, что русский народ сумеет найти в себе силы и выйти из кризиса. Так, иеромонах Смагард полагал, что «мы, россияне, переживаем сейчас самое тяжелое, самое опасное смутное время»⁵⁴⁸. И, несмотря на то, что автор сравнивал революцию со смутой, тем не менее, представители русской эмиграции стали понимать, что эти события по своему содержанию разнятся: «бывали когда то на Руси смутные времена, но тогда было не то, что теперь». Различие проводилось эмигрантом исходя из поведения народа и его духовной связи с Богом: «тогда народ обращался к Богу, все молились о спасении Родины от тяжких испытаний. Тогда все возлагали свои надежды на Помазанника Божия... Теперь в безумном ослеплении своем отреклись от Царя..., прирав на душу всего Российского народа великий и тяжкий грех»⁵⁴⁹.

Подобные идеи высказывались в самых разных центрах русского зарубежья. Однако отождествление событий на религиозной основе в первой половине 1920-х гг. было редкостью для дискурса. Чаще всего сравнение начало проводиться на другой, преимущественно, исторической и социально-политической основе, постепенно вытесняя эмоциональную составляющую. Между тем, стоит заметить,

---

⁵⁴⁷ Там же. С. 35.

⁵⁴⁸ Смагард. Наше смутное время // Вестник Воскресения. Шанхай, 1922. № 8. С. 15.

⁵⁴⁹ Там же. С.15.

что кое-где она еще сохранялась, но уже не доминировала. Например, Т.В. Локоть, закончив писать свой труд в августе 1922 г. и сумев опубликовать его только год спустя, писал, что «в переживаемый момент русские люди невольно ищут аналогии в русской истории, стремясь почерпнуть веру и надежду, что и страшные разрушения нынешней революции окончатся для России не политической смертью, а воскресением и новым усилением мощи и могущества»⁵⁵⁰. Конечно, автор полностью не отождествлял события Смуты XVII века со «Смутой XX века», понимая, что аналогий «по внешним формам» можно привести «сколько угодно», но «история не повторяется, а развивается»⁵⁵¹. Но в чем тогда заключалось основное тождество двух исторических событий?

По мнению автора, основное сходство Смуты XVII в. со Смутой XX в. состояло как в «социальной перегруппировки сил, на которые должна опираться Верховная Власть государства»⁵⁵², т.е. создание более широкой социальной опоры, так и в «пробуждении...национального самосознания». Все эти воззрения отразились на авторской трактовке вектора отечественной истории. В концепции Т.В. Локтя в смуте XX в. дворянство в точности повторило исторический путь боярства, стремясь ограничить самодержавие на узких, олигархических основаниях. Дворянство как опора самодержавия, существовавшее на протяжении последних двух веков, должно было уступить место более широким слоям населения. Назревший кризис смог разрешить Александр II не революционным, а эволюционным путем, проведя в 1861 г. главную социальную реформу, и это особенно подчеркивает автор. Но либеральная оппозиция, требуя от власти «революционных способов «самоограничения»», «незаметно переходила в революционную (*оппозицию* – курсив мой – Д.П.), сливаясь с ней и, попытавшись в феврале 1917 г., действовать заодно с ней..., приняла участие в революционном *уничтожении* государственной власти...»⁵⁵³.

---

⁵⁵⁰ Локоть Т.В. Смутное время и революция: политические параллели 1613-1917 г. Берлин: Двуглавый орел, 1923. С. 3.

⁵⁵¹ Там же. С. 8.

⁵⁵² Там же. С. 63.

⁵⁵³ Там же. С. 99.

Представители русского зарубежья, называя события 1917 г. то «революцией», то «смутой», невольно для себя, но гораздо острее, на повестку дня вынесли старый вопрос: правомерно ли соотносить «революцию» со «смутой»? И если нет, то в чем тогда состоит различие между этими двумя терминами? Как было показано выше, авторы работ начала 20-х гг. XX столетия понимали, что добиться полного отождествления «революции» со «смутой» невозможно. Незаметно для окружающих в первой половине 1920-х гг. дискурс вокруг различных категорий приобрел новую, «теоретическую» основу, отодвинув исторический контекст на второй план и практически целиком вытеснив эмоциональный компонент. Кроме того, по мере движения дискурса события 1917 г. сильно усложнились, поэтому именуя одни и те же деяния то «революцией», то «смутой», то «переворотом», то «бунтом», необходимо было понять, что представители русского зарубежья вкладывали в каждый из терминов и только потом переходить к соотношению понятия с тем или иным событием. В этой связи, постепенно начало выкристаллизовываться и развиваться еще одно направление, следовавшее по «теоретической» линии анализа исторической терминологии, и способствовавшее усложнению дискурса.

Наиболее остро по этому вопросу разразилась полемика на страницах журнала «Русская мысль», в котором каждая из персон продемонстрировала свою трактовку пережитого. Так, по мнению К. Зайцева, кризис государственности имеет две развязки. Если «революция побеждается социально-политическими силами прошлого», т.е. путем реставрации, то в этом случае уместно говорить о смуте, которая завершается «восстановлением порядка». По этому «сценарию» развивалась отечественная история начала XVII в. Если же «революция, в лице своих крайних партий», справляется с элементами анархии и водворяет порядок путем подавления старых сил и создания новой государственной власти, то это революция. Отсюда следует, что различие двух терминов проводилось на основе социально-политического критерия. Оттолкнувшись от такого понимания этих двух понятий, автор приходил к выводу, что «русская революция не смута,

которая должна кончиться восстановлением прежнего порядка, а подлинная революция»⁵⁵⁴.

Подобные взгляды нашли отражение не только в авторской трактовке исторических событий, но и наложили свой отпечаток на содержание вектора развития революционного процесса, поскольку для К. Зайцева «русская революция... есть крушение самодержавно-помещичьей России». Это «крушение» началось еще с XIX в., питаясь либеральным и социалистическим течениями, а первый штурм самодержавия автор относил к 14 декабря 1825 г. Неопределенность России в социально-политическом плане к моменту выхода работы (1922 г.) дала право Зайцеву утверждать следующее: «русская революция далеко еще не кончилась, мы живем ею и в ней, мы – участники и зрители Великой Драмы, заключительный акт которой едва ли совпадет с крушением большевизма»⁵⁵⁵.

Не так однозначен был в трактовке двух понятий С.Л. Франк. В отличие от К. Зайцева, он полагал, что трудно провести четкую грань между терминами «смута» и «революция», поскольку в какой-то мере *«всякая революция есть смута, и всякая смута есть революция»*⁵⁵⁶. На этом суждении необходимо остановиться подробнее.

Говоря о первой части тезиса, автор отталкивался от той мысли, что как бы ни были насущны «потребности общества, не удовлетворяемые “старым порядком”», разрешать их при помощи революции – безумие. Этот способ разрешения конфликта ведет к хаосу саморазрушения и начинается не что иное, как смута.

Доказывая вторую часть суждения, С.Л. Франк исходил из того, что «безумие саморазрушения» «всегда» вызвано «болезненным раздражением подземных творческих сил, не находящих в себе выхода в нормальном, здоровом развитии»⁵⁵⁷. И в этом автор усматривал признак революции. Однако в этих

---

⁵⁵⁴ Зайцев К. К познанию революции // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 3. С. 156.

⁵⁵⁵ Там же. С. 156.

⁵⁵⁶ Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. Прага-Берлин, 1923. Кн. VI-VIII. С. 239.

⁵⁵⁷ Там же. С. 240.

размышлениях внимание привлекает другая мысль автора, гласящая что «смута есть бесспорно болезнь, явление патологическое». Это утверждение не являлось чем-то новым для исторического дискурса: еще на стадии его зарождения отождествление смуты с болезнью было весьма распространенным явлением. Но если раньше такое соотнесение было нацелено на то, чтобы внушить читателям мысль о скорейшем «выздоровлении» и вселить надежду на лучший исход произошедшего, то для Франка подобное сопоставление имело под собой другое основание: «всякая историческая болезнь идет изнутри, определена органическими процессами и силами»⁵⁵⁸. Таким образом, мысль автора устремлена не в будущее, а в прошлое, следовательно, события 1917 года имели свою предысторию, приобретая характер процесса. Иллюстрацией к сказанному будет концепция Франка, кратко изложенная ниже.

Вслед за другими представителями русского зарубежья революционный процесс рассматривался С.Л. Франком в социально-политическом ключе и являл собой «процесс проникновения низших слоев во все области государственно-общественной жизни и культуры и переход их из состояния пассивного объекта воздействия в состояние активного субъекта строительства жизни»⁵⁵⁹. Это движение, в концепции автора шло на протяжении XIX в. и продолжилось в начале следующего столетия, ускорившись коллапсом 1917 года. Несмотря на преемственность с другими персонами, Франк усложнил процесс демократизации России, добавив к социально-политической сфере еще и духовную, т.к. это движение сопровождалось изменением «миросозерцания» масс: вера в царя, подобного Богу, сменялась грезой о «собственном, мужицком царстве».

Однако значению, сформулированному С.Л. Франком, не суждено было так быстро и легко утвердиться в историческом дискурсе. Против сближения понятий «смута» и «революция» выступило сразу же несколько авторов. Одним из них был П.Б. Струве, полагавший, что «бунт или смута отличаются от... революции лишь тем, что последняя... реализуется... в каком-то новом праве, а первые к

---

⁵⁵⁸ Там же. С. 240.

⁵⁵⁹ Там же. С. 251.

таким достижениям не приводят или приводят лишь в частичной степени»⁵⁶⁰. Таким образом, термин «революция» в интерпретации П.Б. Струве сильно сопрягался с понятием «право»: «революция ниспровергает одно право и воздвигает другое. ...революция есть бунт, ставший правом»⁵⁶¹. Подобное толкование термина «революция» способствовало усложнению вектора революционного процесса 1917 г., который помимо всего прочего приобрел еще и правовое содержание. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на авторском понимании сути революционного процесса, повествование о котором начиналось с первого созыва Земского собора и показывалось П.Б. Струве через призму взаимоотношения власти и общества, превратившегося с течением времени в борьбу сил.

И все же, сравнивая русскую революцию 1917 г. по форме и содержанию с эталоном (Великой Французской революцией 1789 г.), автор приходил к выводу, что события 1917 г. хоть и являются революцией, но по характеру проведения представляют собой русскую смуту в чистом виде, т.к. ни одна идея, провозглашенная русской революцией, не была в ней осуществлена.

Другим автором, стремившимся четко разграничить понятия «смута» и «революция» был Г.Л. Ландау, который смог синтезировать все предшествующие наработки в этом вопросе и на их основе сформулировать свою концепцию. Автора привлекла внимание мысль о соотношении двух терминов по форме и содержанию. Исходя из этого для Ландау «революция есть ломка общественной формы во имя создания новой формы, приспособленной к выросшему в пределах старой содержанию; есть насильственная реорганизация разросшегося содержания»⁵⁶². В тоже время, революция может привести к смуте, но сама по себе смутой являться никогда не будет.

---

⁵⁶⁰ Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Кн. VI-VIII. Прага-Берлин, 1923. С. 304.

⁵⁶¹ Там же. С. 303.

⁵⁶² Ландау Г.Л. Революция и смута. Социологический опыт // Русская мысль. Прага-Берлин, 1923-1924. Кн. IX-XII. С. 404-405.

Различие между двумя терминами проводилось автором и по степени прекращения развернувшихся событий: «революция» приводит к перерождению власти, в то время как «смута» способствует ее усилению.

Исходя из подобных теоретических оснований, Г.Л. Ландау определял события 1917 г., как «революцию». Но затем вектор отечественной истории принял другое направление, поскольку не смог выполнить основного условия революции: содержание (прогрессивный и творческий класс, в данном случае пролетариат) создает новую форму. По этой причине приговор автора звучал сурово по отношению к новому классу: «для пролетариата – революция есть насильственный путь завоевания и захвата. Отсюда вопреки общераспространенному мнению – пролетариат не есть подлинно “революционный” класс, не пригоден для революции; он пригоден только для смуты»⁵⁶³.

Таким образом, на основе представленных данных можно заключить, что эта полемика в одном центре русского зарубежья способствовала не только новому наполнению содержания событий 1917 г., сделав их гораздо сложнее, но и окончательно стала их мыслить как процесс, начавшегося задолго до кризиса государственности и продолжавшегося в настоящем. Такое понимание событий выходило за рамки проанализированных работ, т.е. было свойственно всем представителям русского зарубежья независимо от их принадлежности к одному из политических течений. В частности, расширенное представление в хронологическом плане о 1917 году было характерно, в том числе, и для крайних левых. Например, по мнению анархиста Г. Троя «... революционный период, начавшийся одновременно с войной, еще не вполне завершил траекторию своей параболы»⁵⁶⁴.

Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что соотнесение событий 1917 г. со смутой заставило авторов журнала «Русская мысль» не прибегать к анализу основных моментов революционного процесса – Февраля и

---

⁵⁶³ Там же. С. 423.

⁵⁶⁴ Трой Г. Некоторые вопросы революции // Анархический вестник. Берлин, 1923, № 3-4. С. 7.

Октября. Это, скорее всего, стало следствием того, что если отождествлять 1917 г. не с «революцией», а со «смутой», которая может быть сведена к оценке состояния общего брожения в стране, не предполагающего деления на фазы, следовательно, «отпадал разговор» и о двух самых ярких моментах революционного процесса. Исключением из этого ряда будет работа Г.Л. Ландау, который считал Октябрь реализацией Февраля, что автоматически исключало наличие в России в 1917 г. двух революций. Эта мысль полностью вытекала из авторской концепции, разобранный выше. На основе изложенного можно заключить, что на понимание авторами революционного процесса и своеобразной компоновке исторических фактов не последнюю роль играло то, как каждый из персон толковал слово «революция» и с чем отождествлял 1917 г.

Несмотря на развернувшуюся полемику о соотношении понятий «смута» и «революция» на теоретическом уровне в журнале «Русская мысль», в центрах русского зарубежья циркулировали альтернативные версии понимания событий 1917 г. В Берлине, по мнению В.А. Мякотина, при подготовке Февраля 1917 г. «многим и многим» казалось, что они устраивали переворот, который будет только «простым переходом к иным, более совершенным политическим и социальным формам, лишь началом новой, более светлой, свободной и культурной жизни»⁵⁶⁵. Однако, вопреки ожиданиям, Февраль 1917 г. оказался не переворотом, а революцией, приведшей страну к жестокой и длительной разрухе..., которой до сих пор не видно конца...⁵⁶⁶. Как видно из авторской позиции, события 1917 г. понимались как революция, между которыми не проводилось различия, поскольку брался результат политических деяний осуществленных и все еще чинимых в стране.

Некоторые авторы приходили к выводу, что разграничение революционного процесса по политическому признаку не может полностью его объяснить, поэтому необходимо еще учитывать содержание, которое может отличаться от заявленного критерия. В этом плане примечательна позиция П.П. Сувчинского,

---

⁵⁶⁵ Мякотин В.А. На распутье // На чужой стороне. Берлин, 1923. № 1. С. 195.

⁵⁶⁶ Там же. С. 195.

который хоть и дробил революционный процесс по политическому признаку: добольшевистский и большевистский, тем не менее отмечал, что «насколько первый этап революции разыгрывался главным образом в плане социально-политическом, настолько в дальнейшем, революционный процесс сосредоточился в области духовно-религиозной»⁵⁶⁷. Поводом для такого суждения явилась не только политика большевиков по отношению к русской православной церкви. Революционизирование самой церкви свидетельствовало «о величайшем помрачении народного сознания и совести» и являло собой «прямое посягательство на самые священные достояния народа».

Вторая половина 1920-х гг. привнесла много нового в исторический дискурс. В 1927 г. к десятилетию грандиозного события отечественной истории появилось множество различных версий восприятия 1917 г. Характерной чертой дискурса в этот период было то, что все реже события 1917 г. ассоциировались со смутой, поэтому на первый план вышло соотношение основных моментов революционного процесса 1917 г. между собой, причем это сравнение проводилось, преимущественно, по политическому признаку. Так, в кадетской среде был свой взгляд на проблему соотношения Февраля и Октября, наиболее подробно сформулированный ее лидером. По мнению П.Н. Милюкова, Февраль 1917 г. являл собой плод порыва всей нации и всех политических групп – включая и консервативные – к освобождению от устаревшей политической формы, мешавшей объединить все силы нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага⁵⁶⁸. Поэтому русская революция, осуществленная в феврале 1917 г., была «бескровной», «разумной» и «национальной». В свою очередь, Октябрь был интернациональным по характеру; он, став «сигналом» к длительной гражданской войне, разъединил нацию⁵⁶⁹.

Различие между Февралем и Октябрем проводилось лидером партии кадетов и по целям, выдвинутым в них. Так, при постановке целей Февраля

---

⁵⁶⁷ Сувчинский П.П. К преодолению революции // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 33.

⁵⁶⁸ Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 1.: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 39.

⁵⁶⁹ Там же. С. 39

исходили из национальной задачи – спасти страну от поражения, в то время как цель Октября была явно утопической и недостижимой: «коммунизм в России и во всем мире». Кроме того, при сопоставлении Февраля и Октября 1917 г. Милюков отталкивался от мысли, согласно которой революционная стихия останавливается только тогда, когда окончательно уничтожит «все учреждения», все пережитки старой психологии, «не имеющие связи с прошлым» и не допускающие любые попытки «реставрации». Исходя из этого тезиса, Октябрь «не есть что-то новое и законченное», а является одним из этапов революционного процесса. Таким образом, Октябрьская революция «лишь продлила» общий вектор русской революции, непрерывно преобразующий Россию⁵⁷⁰, открыв ее новый период.

Несогласие с изложенной выше позицией сразу же обозначилось на двух крайних политических флангах русского зарубежья. Деление революционного процесса по его двум основным моментам было подвергнуто критике со стороны крайних правых. В частности, в концепции монархиста Н.А. Павлова, в феврале 1917 г. произошла революция, понимая под ней, в отличие от П.Н. Милюкова, не грандиозное событие, а обычный «захват власти». Соотнося «Февраль» и «Октябрь», автор приходил к заключению, что «никаких двух революций» в стране «не было», а была только одна – Февральская: «Родзянки, Гучковы и иные ее начнут – а Ленины, Троцкие, Свердловы и Юровские ее продолжат. Одни свергнут, арестуют, осудят; другие – убьют. Палачи – все»⁵⁷¹. Отсюда следовал вывод Н.А. Павлова, звучащий неутешительно: «вслед за отречением начинается кровавая, до сегодня дрящущая революция...»⁵⁷².

Таким образом, классификация исторических явлений проводилась по революционным деяниям, осуществляемым их лидерами и сильно зависела от общественно-политической позиции эмигранта: монархисты, не признающие всего того, что было после отречения последнего царя из рода Романовых, не подразделяли революционный процесс на периоды, поскольку это было для них не так важно. Подобные выводы были не новыми для дискурса, т.к. уже

---

⁵⁷⁰ Там же. С. 41.

⁵⁷¹ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris: Imprimerie D'ART VOLTAIRE, 1927. С. 152.

⁵⁷² Там же. С. 146.

встречались в полемике эмигрантов. Например, еще в 1921 г. необычную датировку революционного процесса для того периода времени предложил Т.В. Локоть. Он решил заменить числовой коэффициент именованным: «... революция, начиная с Родзянки и князя Львова, и кончая Лениным и Троцким...»⁵⁷³.

Забегая немного вперед, стоит сказать, что такой прием был характерен не только при классификации 1917 г. и последующих событий, но и при анализе более ранних фактов. Он позволил некоторым персонам несколько иначе и более конкретно датировать точку отсчета революционного процесса. Так, в 1929 г. Н.Е. Марков писал, что «первое ноября 1916 года явилось первым днем революции, первым днем гибели Российского государства. В этот день ряд членов Гос. Думы... вылили с ораторской кафедры ушаты грязи, лжи и клеветы не только на царское правительство, но и на Императрицу, косвенно и на самого Государя»⁵⁷⁴. Подобные суждения основывались, прежде всего, на политической линии, которую проводили организаторы и деятели Февраля 1917 г. Подтверждением к сказанному будет цитата, высказанная И.А. Ильиным в 1949 г.: «тактика февраля началась 1 ноября 1916 года речью Милюкова в Государственной Думе, направленной против Государя и стремившейся подорвать в народе всякое доверие к нему и его семье»⁵⁷⁵.

Во всех четырех случаях при определении хронологических рамок революционного процесса отчетливо проявилась неразрывность и преемственность исторических деяний 1917 г., основанная на тактике и политических программах, которые декларировали и воплощали в жизнь те или иные политические силы.

Критика центристов исходила не только со стороны правых, но и со стороны крайних левых. Во взглядах более радикальных авторов большее значение имел Октябрь, нежели Февраль, что предопределило восприятие вектора революционного процесса, включающее как содержание явления, так и его

---

⁵⁷³ Локоть Т.В. «Завоевания революции» и идеология русского монархизма. Берлин, 1921. С. 6.

⁵⁷⁴ Марков Н.Е. Торжество разрушителей России // Двуглавый орел. Париж, 1929. № 25. С. 1197.

⁵⁷⁵ Ильин И.А. Заветы февраля // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / Сост. и комм. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 185.

хронологические рамки. В частности, группа левых эсеров писала, что «великая революция Октября началась в России 27-го февраля 1917 года... Уже февральская буря... заключала в себе почти все элементы, которые привели после к октябрю»⁵⁷⁶. Подобный взгляд был очень схож с монархистами в смысле масштабности и единства исторического явления, но, естественно, был диаметрально противоположен в идейном плане.

Учитывая опыт, накопленный дискурсом, группа левых эсеров приняла во внимание значение, согласно которому революционный процесс неоднороден по содержанию. Следствием этого стало то, что Октябрь получил свою периодизацию, сильно выйдя за рамки 1917 г. и пройдя несколько этапов: социализации (октябрь 1917 – июнь 1918), национализации (июль 1918 – февраль 1921) и период нэпа (март 1921 по настоящее время, т.е. по 1927 г.). Классификация Октября свидетельствовала о том, что его события приобрели историческую дистанцию и перешли на стадию осмысления.

В вопросе соотношения двух моментов революционного процесса срединную позицию занял Е. Шрейдер. Однако тот факт, что он придерживался левых взглядов в русском зарубежье, предопределило некоторые положения его концепции. Автор выступал против противопоставления Февраля Октябрю, показывая, что в этих двух моментах революционного процесса имелось много общего. Во-первых, и в февральских событиях, и в октябрьские дни «трудовые массы... стремились к новому государственному и общественному порядку, который обеспечил бы трудящимся руководящее положение в стране»⁵⁷⁷. Во-вторых, в обоих случаях «массы несли в себе зародыш новой нравственности, нового права, в которых трудовым началам уделено было почетное место». Такое сопоставление вытекало из авторского понимания термина «революция», представляющее собой «совокупность явлений», а также «взаимодействие человеческих, порою разноречивых целеустремлений».

---

⁵⁷⁶ Десять лет Октябрьской революции // Знамя борьбы. Берлин, 1927. № 22-23. С. 2.

⁵⁷⁷ Шрейдер Е. Октябрь // Революционная Россия. Прага, 1927. № 61. С. 21.

Кроме того, Е. Шрейдер подверг резкой критике утвердившееся в русском зарубежье значение о том, что Февраль был по существу своему национальным, в отличие от интернационального Октября. По мнению автора, не только Октябрь, но и Февраль «исходил не из сплочения, а из разделения», причем это разделение происходило «по классовой линии»: «в революционном процессе народ впервые осознал себя, как класс, как совокупность трудящихся классов; он резко противопоставил себя нации юристов и буржуазных теоретиков солидарности»⁵⁷⁸. Это суждение базировалось на авторском понимании содержания революции, которая была по своей сути «трудовой, т.е. классовой революцией».

Помимо выявления общих черт между двумя моментами революционного процесса, Шрейдер большое внимание уделил и их различию. Несмотря на то что «стремления масс в Октябре» не очень сильно различались «от стремлений тех же масс в первые месяцы революции», тем не менее основное различие проводилось по линии «интенсивности коллективных переживаний»: в Феврале преобладала «психология “ожидания”», в то время как в Октябре господствовала «психология осуществления “во что бы то ни стало”». Из этого вытекал вывод о соотношении Февраля и Октября в общем ходе революционного процесса: «“Октябрь” – это тот же “Февраль”, но доведенный до параксизма, облеченный, отчасти, в психологическую форму “вольницы”»⁵⁷⁹.

Концепция Е. Шрейдера была ценна еще и тем, что он предложил альтернативную периодизацию революционного процесса. Исходя из положения, что в Октябре 1917 г. не массы шли за социал-демократами, а большевики за ними, автор считал, что «основная грань» деления должна прийти «не на Октябрь, а на какой-то более поздний момент, на то время, когда... партийная большевицкая диктатура... утверждает свою гегемонию в революции...»⁵⁸⁰.

Исходя из работ, опубликованных к десятилетию второй русской революции, можно заключить, что основное рассмотрение революционного процесса в области восприятия свелось к соотношению его основных моментов,

---

⁵⁷⁸ Там же. С. 24-25.

⁵⁷⁹ Там же. С. 25.

⁵⁸⁰ Там же. С. 25.

которое проводилось, преимущественно, по политическому признаку. При анализе событий большое значение имела приверженность авторов к одному из течений общественно-политической мысли.

Несмотря на различное отношение авторов к Февралю и Октябрю, тем не менее на сравнение двух моментов революционного процесса на рубеже 1920-30-х гг. по-прежнему большую роль играл политический аспект. Так, по мнению М.В. Вишняка, этому было свое объяснение: революция является, прежде всего, явлением «социально-политическим», поэтому объяснение многих процессов «необходимо искать в ряду социально-политическом». Кроме того, «революция есть столкновение элементов государства – народа и власти, – от которого взрывается целое – государство»⁵⁸¹. Поэтому Февраль 1917 г. в концепции автора явил собой рефлекторный ответ народа страны на требования военного времени. С этих позиций Февральскую революцию осуществляла нация, в то время как «Октябрь опирался по преимуществу на “шкурнические” инстинкты, исходил не из сплочения, а из разделения, из партийной и классовой диктатуры и гражданской войны, а не из гражданского мира и народоправства, из идеи не национальной, а мировой революции, делавшей из России простой “плацдарм” и “детонатор” европейских революций...»⁵⁸². Из этого следовало, что Октябрь 1917 г. был революцией, но «штабной» по характеру, целям и движущим силам, а не подлинной (национальной), каким был только Февраль.

Февральская революция подвела черту под «роковым противопоставлением власти и народа», так как в тот короткий миг власть и народ стали единым целым: «народ стал властным, власть стала народной»⁵⁸³. «Новая власть», рожденная Февралем, была «бессильной и непрочной» «в руках народа-победителя». Тем не менее, в Феврале 1917 г. нация была творцом, но это «творчество» оказалось недолгим. При большевиках, так же как и при самодержавии, народ «был творим». В этом и заключалась основная разница между Февралем и Октябрем⁵⁸⁴.

---

⁵⁸¹ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные записки, 1931. С. 257.

⁵⁸² Там же. С. 258.

⁵⁸³ Там же. С. 246.

⁵⁸⁴ Там же. С. 248.

В 1930-е гг. некоторые положения, утвердившиеся в историческом дискурсе, были подвергнуты критике. В первую очередь, речь касалась хронологических рамок: бесконечное «размыкание» роковых событий 1917 г. было пересмотрено рядом авторов. В этом направлении большую работу проделал С.П. Мельгунов. События Февраля 1917 г. в повествовании историка предварялись разными планами дворцовых заговоров, которые не были едины и вращались не только в военных и правящих кругах, но и частично просачивались в общественную среду, а революция в ее классическом варианте началась позже – в марте того же года. На основе большого количества исторических источников автор пришел к выводу, что события февраля 1917 г. развернулись совершенно не так, как их планировали. Кроме того, в отношении власти к надвигающейся грозе большую роль сыграла не столько пассивность, сколько «особого рода фатализм» правительства и царя, что, в конечном итоге, «объясняет нам причину, почему февральские дни с такой легкостью превратились в революцию»⁵⁸⁵.

Если события «навалились нежданно», застав все русское общество «в состоянии растерянности и неподготовленности», то чем все-таки был Февраль 1917 г. для автора? Дело в том, что С.П. Мельгунов наполнял термин «революция» своеобразным содержанием. Для него «общество и народ на короткий миг как бы сливаются. Всякие хитроумные политические комбинации оказываются уже запоздавшими. Это и называется революцией. Происходит братание народа и армии. Рождается энтузиазм, скороспелый, может быть, наносный, искусственно вызванный, но все же стихийный»⁵⁸⁶. Из концепции историка следовало, что роковые события февраля 1917 г. произошли по случайному стечению обстоятельств, поэтому Мельгунов скептически относился к концепциям тех авторов, которые искали причины февральской революции 1917 г. в отечественной истории задолго до ее осуществления. «Философы истории будут искать корни в глубоком прошлом русского народа и, быть может, за много десятилетий до революции найдут те основы развернувшегося кризиса, которые

---

⁵⁸⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 235.

⁵⁸⁶ Там же. С. 252.

не давали надежды на мирный исход...Все эти тонкости человеческого ума, игра мысли и воображения не объяснят нам ни хода февральской революции, ни причин ее происхождения»⁵⁸⁷.

Соотношение Февраля и Октября 1917 г. у С.П. Мельгунова более четко прослеживалось в поздних работах автора, опубликованных после Второй мировой войны. В концепции историка Февраль 1917 г. начался с уличных беспорядков, постепенно переросших в военный бунт, а затем и в революцию. С.П. Мельгунов полагал, что в феврале – марте 1917 г. в социально-политическом плане происходило «нечто», «гораздо более сложное», чем просто бунт. Это «нечто» можно определить как «революцию», поэтому она потребовала другой тактики и других методов управления страной. С этой точки зрения, в октябре произошло восстание большевиков, захвативших власть. Поэтому «Октябрь», по мнению автора, никак нельзя считать «реализацией “Февраля”», так как Октябрь был не революцией, а большевистской авантюрой.

Между тем, С.П. Мельгунов был не единственным в русском зарубежье, кто решил сузить хронологические рамки событий 1917 г. И если историк «ополчился» на «прошлое», то суждение философа Г.П. Федотова непосредственно обращено к «будущему»: «1920 год – год завершения русской революции. К этому времени большевизм уже выполнил свою историческую миссию. ... уничтожил почти без остатка все здание царской, дворянской и интеллигентской России»⁵⁸⁸.

С подобными взглядами не могли смириться монархисты. Так, в 1938 г. Н.Е. Марков писал: «двадцать один год тянется это кровавое углубление революции и скоро, скоро дойдет она до дна, исполнив меру своих злодеяний»⁵⁸⁹. Схожие воззрения в среде правых можно обнаружить даже после завершения

---

⁵⁸⁷ Там же. С. 250-251.

⁵⁸⁸ Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. С. 90.

⁵⁸⁹ Марков Н.Е. Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин: Наш путь, 1938. С. 49.

Второй мировой войны. В частности, философ И.А. Ильин в 1949 г. утверждал, что «революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно»⁵⁹⁰.

Столь смелые суждения, высказанные монархистами, базировались на том, что революция ассоциировалась у них с катастрофой и разрушением и ничего кроме бедствий русскому народу не принесла. Кроме того, немалую роль здесь сыграло понимание правыми не столько из содержания термина «революция», сколько из ее задач, и как следствие этого – своеобразная интерпретация революционного процесса. Например, для монархиста И.П. Якобия было очевидно, что Февральская революция явилась захватом власти. Исходя из задач переворота, автор утверждал, что революция, разразившаяся во время Первой мировой войны в России, преследовала две цели: «выбить Россию из числа воюющих государств и уничтожить ее как национальную державу»⁵⁹¹. Первую часть работы активно выполняло Временное правительство, в то время как за исполнение второй задачи взялись большевики. По этой причине И.П. Якобий хоть и разделял революционный процесс 1917 г. на два этапа, но между ними не видел «никакой принципиальной разницы, они следуют совершенно логически один за другим, и не даром столько деятелей Февральской революции легко и естественно перешли к большевикам»⁵⁹².

Солидарность с монархистами проявилась у И.Л. Солоневича при соотношении двух моментов революционного процесса. По мнению автора, в феврале 1917 г. произошел дворцовый переворот, явившийся результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории⁵⁹³. Этот «дворцовый заговор» начался в конце февраля с «бабьего хлебного бунта». Революция же, выросшая из заговора, разразилась позже, «в марте, апреле и т. д. ...двинулась вперед по путям углубления, с исключительной степенью точности повторяя ход Французской

---

⁵⁹⁰ Ильин И.А. Русская революция была катастрофой // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / Сост. и комм. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 129.

⁵⁹¹ Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. С. 242-243.

⁵⁹² Там же. С. 243.

⁵⁹³ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 324.

революции»⁵⁹⁴. В скором времени появился «законный наследник» Февраля – Октябрь, который явил собой «самый классический пример самой законченной революции в человеческой истории»⁵⁹⁵, так как «из всех революций», миру известных, «большевицкая охватила наибольшее пространство, продержалась дольше всех и зашла дальше всех, углубилась до самого дна»⁵⁹⁶ быстро сужая социальную базу.

С отрицательной оценкой 1917 г. не смирились те, кто придерживался левых взглядов и был активным деятелем революционного процесса. В частности, развернутая характеристика событий февраля и октября в русском зарубежье была дана А.Ф. Керенским. По мнению автора, исторический смысл Февраля 1917 г. заключался в том, что он не только был актом политического раскрепощения страны, но и являл собой социальную революцию, которая отдала первенство в государстве трудовым классам. Февраль, разрушая прежнюю социальную структуру и старую государственность, был пронизан «волею к свободе», поэтому революция дала народу не только волю, но и землю.

Тем не менее «после великих взлетов», реализовавшихся в Феврале, «бывают и великие падения», каким явился Октябрь, который сумел отнять у народа дарованную февральской революцией свободу, а позднее «экспроприировал у крестьянства землю, ограбил его и создал новое, чиновничье крепостное право»⁵⁹⁷. Ленин, захватив власть в стране, сразу же «приступил к вооруженному грабежу, в порядке продотрядов, деревни и довел Россию до голода с людоедством...»⁵⁹⁸. Рассматривая Россию как трамплин «для прыжка в жуткую неизвестность мировой социальной революции», вождь партии большевиков повел свой Октябрь. Таким образом, А.Ф. Керенский делает вывод, что Октябрь явился не началом новой эпохи, каким был Февраль, а только этапом

---

⁵⁹⁴ Там же. С. 351.

⁵⁹⁵ Солоневич И.Л. Большевицкие ступеньки // Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. С. 25.

⁵⁹⁶ Там же. С. 25.

⁵⁹⁷ Керенский А.Ф. От Октября к Февралю: Доклад, прочитанный А.Ф. Керенским на вечере «Современных записок» 20 марта 1937 года // Новая Россия. Париж, 1937. № 24. С. 9.

⁵⁹⁸ Там же. С. 10.

в развитии революционного процесса, который еще не закончен, ибо не осуществлен еще «февраль заданный»⁵⁹⁹.

Иначе воспринимались события Февраля и Октября в общем ходе развития революционного процесса в рядах анархистов. Так, по мнению В.М. Волина, Февраль 1917 г. – это была революция, уничтожившая в России самодержавие. Начавшись в феврале 1917 г., революция, быстро преодолев этапы буржуазно-политической революции – демократический и умеренно-социалистический, – переросла в октябре того же года в социальную⁶⁰⁰. Однако Ленин, придя к власти, затормозил революционный процесс и не стал его углублять. Эта позиция исходила из понимания анархистами модели социальной революции. Согласно их убеждениям, в стихийный подъем, вызванный революцией, следует «внести организационный принцип», но такой, который должен был бы исходить из общества «свободно», а главное, «снизу». Таким образом, организация не должна навязываться социуму из центра, а органично создаваться в самом обществе. Большевики же, сформировав «элитку», начали проводить в жизнь свои идеи, диктуя населению свою волю. Став диктаторами, партия большевиков установила свой жесткий контроль над обществом, тем самым исказив и остановив революционный процесс.

Подводя итоги всему вышесказанному, следует признать, что 1917 г. постепенно стал мыслиться как процесс, причем по мере развития дискурса он постоянно усложнялся. Этому способствовало исследование этого грандиозного явления отечественной истории персонами русского зарубежья на самых разных уровнях, начиная от анализа самого термина и заканчивая его содержанием, а применение различных критериев к революционному процессу позволило предложить читателям разные периодизации одного и того же события. В результате, 1917 г. становилось все труднее однозначно определить или свести его к одному знаменателю. Если же это и удавалось, то тогда термин наполнялся очень сложным содержанием. В пример можно привести высказывание В.

---

⁵⁹⁹ Керенский А.Ф. Голос издалека: Двадцатая годовщина // Новая Россия. Париж, 1937. № 23. С. 2.

⁶⁰⁰ Волин В.М. Неизвестная революция: 1917 – 1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ Практикс, 2005. С. 105.

Чернова, который утверждал в 30-ые годы XX века, что «в этой революции Россия одновременно переживала и переживает и религиозную реформацию, и антирелигиозную борьбу энциклопедистов, и революцию политическую, и революцию социальную, и ряд революций национальных, и революцию аграрную, и пролетарскую “Коммуну”»⁶⁰¹.

---

⁶⁰¹ Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934. С. 412.

Заключение

Революция 1917 г. в трудах авторов русского зарубежья межвоенного периода времени существовала в форме дискурса, т.е. своеобразного способа коммуникации, в ходе которого создаются и закрепляются различные значения, формируя определенную модель прошлого. Сам исторический дискурс складывался и развивался через борьбу различных значений: каждая новая работа была своего рода ответной реакцией на предыдущую, что способствовало усложнению дискурса. С другой стороны, борьба значений не давала возможности некоторым авторам закрепить в дискурсе определенные суждения и умозаключения (голод у В.М. Чернова, как повод Февраля 1917 г.; борьба Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов в период двоевластия у П.Н. Милюкова и др.).

Причины революции 1917 г. подавались представителями русского зарубежья читателям, прежде всего, через проблему обоснованности наступления коллапса в России в 1917 г., а события Первой мировой войны в работах эмигрантов являлись доказательной базой и подводили фундамент под их теоретические положения. Исторические деяния на фронте и в тылу в годы Первой мировой войны рассматривались авторами в тесной связи с политическим режимом, господствовавшим в стране. И если для левых авторов и центристов констатация поражений на фронте была следствием «прогнившего режима», то в исторических версиях монархистов демонстрировалась продуманная и планомерная работа общественности по свержению монархии в стране, поскольку без войны не будет и революции.

В период с марта по октябрь 1917 г. революционный процесс в историческом дискурсе русского зарубежья анализировался через призму решения военного вопроса и проблемы двоевластия. Это можно объяснить тем, что события Первой мировой войны были тем фоном, на котором зародилась и развивалась революция, а от сформировавшейся в результате Февраля 1917 г. конструкции власти и ее последующей трансформации, зависело дальнейшее развитие революционного процесса и будущее страны. Все остальные вопросы

(аграрный, рабочий и др.) были, в основном, иллюстрацией при анализе проблемы двоевластия и редко рассматривались изолированно от нее. Характеризуя вектор революционного процесса с марта по октябрь 1917 г., персоны русской эмиграции проводили анализ через проблему направленности, динамики и радикализации вектора развития революционного процесса, проблему виновности и ответственности, проблему фатализма.

Практически все исследователи объясняли уникальность авторских воззрений политическими взглядами, принадлежностью к определенному социально-философскому или идейному течению, а также личным складом автора. Безусловно, в зависимости от социально-политических воззрений авторов менялось отношение тех или иных представителей русского зарубежья к революции 1917 г., ее причинам и последствиям. Так, в исторических версиях монархистов отсутствовала необходимость наступления революции в России, в то время как все остальные авторы утверждали, что определенные основания для этого имелись.

Если применить тот же самый подход к двум ярким моментам революционного процесса, то картина будет следующая. Так, для монархистов было естественным отрицательное отношение к Февралю, в то время как кадеты, эсеры и трудовики приветствовали произошедшие события конца февраля – начала марта 1917 г. и осуждали Октябрь. Анархисты, принимая Февраль и Октябрь, вскоре разочаровались в последнем. Если брать за основу политические пристрастия авторов и с этих позиций рассматривать не только два главных события 1917 года, но и революционный процесс в целом, то можно сделать вывод о том, что, чем левее был автор, тем позднее наступил у него момент отторжения политических событий 1917 г.

Однако диссертационное исследование показало, что рассмотрение историографических источников через дискурс-анализ позволяет сделать качественно иные выводы, поскольку в центре внимания оказывается процесс создания значений, а также их борьба за доминирование в историческом дискурсе.

В тоже время диссертационное исследование продемонстрировало, что сам исторический дискурс складывался и развивался под воздействием множества различных факторов, поэтому объяснение уникальности авторской концепции исключительно политическими воззрениями или личным складом автора значительно обедняло не только труд, но и интеллектуальное поле, в котором создавалась модель прошлого. Своеобразие определенных моделей прошлого зависело не только от политических воззрений или идейных течений, к которым относился автор, но и от сословного происхождения или профессиональной среды, эмигрантского центра, в котором жил и работал автор, а также определенного этапа развития дискурса, т.е. времени написания труда. Для подтверждения подобного вывода обратимся к объяснению появления некоторых значений в историческом дискурсе русского зарубежья межвоенного периода.

Влияние сословного происхождения авторов на появление определенных суждений наиболее ярко сказалось при возникновении тех значений, когда, доказывая обоснованность или необходимость наступления революционных событий в России, многие авторы пытались решить проблему виновности в приближении грозных событий 1917 г. Так, к началу 1920-х гг. в историческом дискурсе утвердилось значение, согласно которому одной из причин коллапса 1917 г. была политическая линия династии Романовых, действовавших «в союзе с правящим сословием». Вполне естественно, что это значение поспешили опровергнуть представители из дворянской среды. В частности, Д.П. Голицын-Муравлин возлагал вину исключительно на действия властей, тем самым отделяя высшее сословие от действий чиновников.

В тот же период времени благодаря трудам монархистов было зафиксировано значение, сводившееся к тому, что интеллигенция расшатывала устои государственности, подготавливая почву для осуществления революции. И сразу же появились работы от представителей общественности, опровергавшие это суждение путем возложения вины исключительно на «старый порядок» и «правлящую клику».

Однако формат статьи зачастую мог только обозначить авторскую позицию, но не всегда ее закрепить. По этой причине возникала потребность в создании больших работ, которые могли бы убедительно доказать определенное значение путем детальной разработки проблемы, подводя под суждения солидную аргументацию, чаще всего используя примеры из истории. С наибольшей отчетливостью подобное явление проявилось в конце 1920-х гг., когда исторический дискурс достиг определенного уровня развития: окончательно перешел от стадии констатации авторской позиции к ее анализу и интерпретации. Так, князь Д.Н. Святополк-Мирский в своем объемном труде, рассматривая историю разных социальных групп, полностью снял ответственность с высшего сословия за «грехи» Российской империи и возложил всю вину на политическую линию царей и интеллигенцию. Подобную работу на следующий год проделал Г.П. Федотов под псевдонимом Богданов, где, привлекая различные примеры из истории, доказывал непричастность интеллигенции к революционным деяниям, погашая к 1917 г. ее политическую активность. Интересно отметить тот факт, что подобное явление с наибольшей силой обозначилось в Париже, поэтому можно утверждать, что на способ подачи определенных значений не последнюю роль сыграло влияние эмигрантского центра.

Авторы, придерживающиеся левых позиций в русском зарубежье, отталкиваясь от идей социализма, стремились показать активное участие низов Российской империи в революционных событиях тех лет. Ответную реакцию на подобного рода воззрения можно считать позицию «народного монархиста» И.Л. Солоневича, который посвятил не одну работу, чтобы доказать непричастность крестьянства в событиях, предваряющих Февраль 1917 г., и последующих сразу после него.

Таким образом, доказывая обоснованность или бесполезность наступления 1917 г. в России, а также разбираясь в причинах происходивших процессов, каждая социальная группа стремилась предоставить читателям свой взгляд на трактовку исторических событий, который диктовался, как сословной

принадлежностью автора, так и определенным этапом развития дискурса и был во многом откликом на предыдущие труды.

Определенный вес для исторического дискурса имела профессиональная принадлежность, к которой относились авторы. В частности, по-своему обогатили дискурс исторические версии, созданные в военной среде. Во-первых, вслед за другими представителями разных социальных групп, высший командный состав армии старался доказать свою непричастность в революционных деяниях того времени. Это проявилось не только в отрицательном отношении к приказу № 1, разлагающему вооруженные силы, и в осуждении А.Ф. Керенского, предавшего генерала Л.Г. Корнилова, но и особенно ярко при объяснении модели поведения военных кругов в февральские дни. Так, М.К. Дитерихс объяснял позицию генералитета в Феврале 1917 г. утверждением «гражданского взгляда» на власть и на фигуру ее носителя, а П.П. Петров – неосведомленностью верхов русской армии в те дни.

Во-вторых, представители из военной среды смогли своеобразно объяснить многие процессы. Показательным примером будет раскрытие причин падения боеспособности русской армии в период с марта по октябрь 1917 г.: еще в начале 1920-х гг. были показаны просчеты высшего командного состава (Н.Н. Головин), психологические трудности в приятии «новой дисциплины» (И.Ф. Патронов), сложность управления боевыми единицами в революционное время (В.Е. Вязьмитинов). Благодаря работам авторов, вышедших из военной среды в 1920-е гг., удалось рассмотреть причины поражения вооруженных сил не только через призму политики (как это делало большинство представителей русского зарубежья), но и через призму психологии, что было отличительной чертой этих трудов. Подобный факт можно объяснить тем, что именно они, находясь на линии фронта, смогли непосредственно видеть, а впоследствии иначе анализировать этот процесс. Все это усложняло и обогащало исторический дискурс, а также работало над созданием образа высшего командного состава в дни революции, снимая с них причастность к распаду вооруженных сил страны.

Определенную роль на своеобразие появления тех или иных значений в историческом дискурсе сыграл тот или иной эмигрантский центр. Влияние центра сказывалось на дискурс по-разному. С одной стороны, это могло проявиться в разработке определенной микротемы. Например, в Берлине и Праге в первой половине 1920-х гг. разгорелась острая полемика по поводу употребления в дискурсе исторических терминов: в центре внимания встал вопрос о разграничении понятий «революция», «переворот» и «смута», а также корректности применения того или иного термина к историческим событиям 1917 г.

Если продолжить разговор о революционном процессе 1917 г. и обратиться к другим центрам русского зарубежья, то еще в 1921 г. в Софии и Константинополе впервые возникла проблема периодизации революционного процесса: П.Н. Милюков и Ювенал первыми выделили фазы революции, а Senex поставил вопрос о корректности их выделения.

С другой стороны, влияние эмигрантского центра сказывалось в способе подачи материала или в создании определенной нарративной модели прошлого. Так, в начале 1920-х гг. в Софии и Константинополе впервые был выработан своеобразный способ подачи материала и группировки исторических фактов. Когда П.Н. Милюков и Ювенал – персоны русского зарубежья, относящие к разным политическим течениям, – говорили о событиях Первой мировой войны, то сравнивали внутривнутриполитическую обстановку в России и степень ее подготовленности к войне с другими странами Европы. И если лидер партии кадетов, проводя сравнение, стремился доказать пагубность выбранного властью пути и необходимость смены формы правления, то Ювенал, тем же самым способом подачи материала, стремился доказать обратное, констатируя снабжение фронта и действия властей, в целом, положительно накануне Февраля 1917 г.

Если обратиться к Франции, то там, в конце 1920-х - 1930-е гг., постепенно выработывалась определенная нарративная модель. Во-первых, показывалась преемственность политической линии представителей династии Романовых, а во-

вторых, именно там одними из первых взялись и наиболее скрупулезно занимались разработкой образа Николая II. При этом подобные тенденции были характерны для всех персон русской эмиграции независимо от их политической ориентации.

И, наконец, с третьей стороны, влияние эмигрантского центра проявилось в особенности интерпретации многих процессов. Например, при анализе революционного процесса в России социалисты в Нью-Йорке (Г.И. Кваша, А.А. Штевен) еще в 1919 г., т.е. одними из первых, старались возложить вину за искажение вектора революционного процесса 1917 г. на деятельность своей партии, что было новым для дискурса. Этот факт можно объяснить удаленностью данного эмигрантского центра от евразийского континента, что способствовало большей свободе слова. Если обратиться к работам, опубликованным в Европе, то подобные тенденции там обозначились только в первой половине 1920-х гг. (И.Ф. Наживин, Ю.Ф. Семенов и др.). Однако стоит отметить, что такого рода интерпретация исторических процессов в европейских центрах русского зарубежья закреплялась с трудом.

Но, пожалуй, самый мощный фактор, под воздействием которого формировались те или иные значения – это определенный этап развития исторического дискурса, неоднократно меняющийся и проходящий в своем развитии несколько стадий от констатации первых значений к их осмыслению, интерпретации и появлению новых повествовательных моделей.

Первый этап развития дискурса включал в себя период с момента зарождения (1918 г.) до начала 1920-х гг., для которого характерно формирование первых версий прошлого, создававшихся путем констатации различных значений, с отсутствием или с незначительной долей интерпретации, а также с наличием, в ряде случаев, эмоциональной оценки происходящего. За редким исключением, различные значения пока еще не выстраивались в форму исторического нарратива, поэтому работы носили, в основном, фрагментарный характер. Если обратиться к проблеме обоснованности революции 1917 г., то из общего ряда «выбивались» работы М.В. Родзянко и П.Б. Струве, а при повествовании о

событиях, случившихся после Февраля 1917 г., – труд Г.И. Кваши. В этих работах присутствуют элементы анализа, а события группируются в целостное повествование. Однако здесь большую роль сыграл эмигрантский центр, в котором создавались и конструировались определенные значения.

Для второго этапа развития дискурса (начало 1920-х - середина 1920-х гг.) свойственно движение от констатации авторской позиции по тому или иному вопросу и постановки проблемы к ее разработке, что дало возможность перейти к интерпретации и анализу исторических фактов, способствуя формированию новых значений, которые начинали группироваться в исторический нарратив. Подобную тенденцию можно объяснить тем, что в этот период времени исторический дискурс наполнился большим объемом значений, требовавших дальнейшего развития, опровержения или выстраивания их в нарративную модель, а возникшая историческая дистанция между предметом исследования и временем создания труда дала возможность осуществить движение от констатации значений к их осмыслению: языковые знаки стали интерпретироваться. Поэтому, с одной стороны, исторические события, предвещающие революцию 1917 г. и сам 1917 год, komponуются, воспринимаются и подаются читателям не фрагментарно, а в форме процесса, образуя исторический нарратив. С другой стороны, начинается более детальная разработка отдельных проблем и выдвижение новых. Все это усложняет дискурс и создает почву для перехода его в новую фазу.

Третьему этапу развития дискурса, который пришелся на конец 1920-х гг.-1930-е гг., было свойственно дальнейшее усложнение и расширение. Это происходит за счет еще большей разработки определенных микротем, добавление в труды дополнительных эпизодов, несущих политическую смысловую нагрузку, утверждение старых и закрепление новых значений, основой для создания которых становились исторические факты (набор суждений, не требующих доказательств, а также выдержки из исторических источников различной видовой направленности).

Не последнюю роль для понимания событий революционного процесса имеет анализ восприятия ключевых его моментов – Февраля и Октября 1917 г., – что, в свою очередь, показывает отношение различных представителей русской эмиграции к деяниям тех лет. Общность подходов заключалась в том, что Февраль и Октябрь 1917 г. воспринимались в тройном измерении, что значительно расширило трактовку и понимание двух главных событий революционного процесса.

С одной стороны, Февраль и Октябрь, с точки зрения событийного подхода, осознавались представителями русского зарубежья как захват власти определенной группой людей: некоторые монархисты – Н.А. Павлов, И.П. Якобий, И.Л. Солоневич и др. – воспринимали события Февраля именно так. В левой части русского зарубежья такой подход преобладал лишь по отношению к Октябрю. Например, П.Я. Рысс, С.П. Мельгунов, В.М. Чернов и отчасти М.В. Вишняк не хотели признавать за событиями Октября 1917 г. характер революции, а относили их к разряду переворота, захвата власти. Более того, некоторые авторы, например С.С. Ольденбург, повествуя о Феврале в работе «Царствование императора Николая II», и С.П. Мельгунов, рассматривая события Октября в труде «Как большевики захватили власть», намеренно не классифицировали эти явления как революцию, а использовали для их характеристики понятия «захват», «переворот», «восстание» и т. д. Если рассматривать Февраль и Октябрь с этой позиции, то здесь большую роль в революционном процессе играли политические партии и их вожди, подготавливавшие и осуществлявшие государственный переворот и захват власти как в феврале, так и в октябре 1917 г.

С другой стороны, Февраль и Октябрь 1917 г. воспринимались русским зарубежьем (независимо от их принадлежности к политическому течению) как реализация определенных программ и доктрин, нашедших отражение в тактике управления страной и модели поведения руководителей революционного процесса. Подобного рода версии можно встретить в работах П.Я. Рысса, А.Ф. Керенского, В.М. Чернова, В.М. Волина и др. Такой взгляд значительно расширил хронологические рамки исторических событий: Февраль «разомкнулся» до

Октября, а то и вовсе поглотил последний (например, позиция Н.А. Павлова, В.А. Мякотина, И.А. Ильина), в то время как Октябрь расширился до 20-х, а у некоторых и до 30-х годов XX столетия. В этом случае пальма первенства при описании революционного процесса была отдана деятельности представителей, входивших в различные политические институты власти, такие как Государственная дума, Временное правительство, Советы и др.

И, наконец, с третьей стороны, два главных события революционного процесса оценивались по конечному результату. Проведение соотношения по данному параметру было характерно практически для всех персон русской эмиграции, что способствовало размыванию границ между Февралем и Октябрем (показательным примером могут служить работы монархистов). На этом этапе особо подчеркивалась утопичность политических замыслов, которые нашли свое отражение и воплощение как в партийных программах и лозунгах, так и в активной деятельности основных участников, допустивших в стране две революции.

Таким образом, при конструировании и интерпретации двух крупных политических событий 1917 г. представители русской эмиграции в разной степени опирались на различные компоненты, доля которых в их работах различна. Этот факт зависел не столько от политических пристрастий авторов, сколько от способов восприятия исторических процессов русским зарубежьем. Не последнюю роль в этом процессе сыграло и время написания работы. Соотнесение событий 1917 г. со «смутой» и гиперболизация силы большевиков в октябре того же года – яркие тому примеры, которые объясняются эмоциональным состоянием русской эмиграцией, напуганной размахом революционной стихии. Со временем подобные значения стали исчезать, а сами события 1917 г. по мере развития исторического дискурса стали мыслиться русским зарубежьем как многофакторный процесс с широкими хронологическими рамками, и неоднозначный по своему содержанию, что свидетельствовало о сложности свершившихся деяний в России. Все вышеописанные тенденции, свойственные дискурсу в той или иной степени,

объединяли всех представителей русской эмиграции независимо от политических воззрений, идейных течений и в некоторых случаях даже личных пристрастий автора.

Список используемых источников и литературы

I. Источники

1. Алданов М.А. Картины Октябрьской революции // Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого / Сост., вступит ст. Б. В. Аверина. Спб.: РХГИ, 1999. С. 11–120.
2. Андреев Л.Н. Европа в опасности // Верните Россию!: Сборник / Сост. И.Г. Андреева. М.: Московский рабочий, 1994. С. 172–180.
3. Арамис. Политические шарлатаны // Двуглавый орел. Берлин, 1921. № 4. С. 29–32.
4. Аршинов П.А. Анархо-большевизм и его роль в русской революции // Анархический вестник. Берлин: G. R. A. D., 1923. № 1. С. 56–59.
5. Аршинов П.А. Два Октября // Дело труда. Париж, 1927. № 29. С. 1–4.
6. Борк П.Н. Предатель (скрытая страница февральского переворота) // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 1. С. 76–79.
7. Васильев П. Первые дни революции // Луч света. Берлин, 1919. Кн. 2. С. 74–88.
8. Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные Записки, 1931. 285 с.
9. Волин В.М. К вопросу о причинах “поражения анархизма” в русской революции // Анархический вестник. Берлин: G. R. A. D., 1923. № 5–6. С. 8–12.
10. Волин В.М. Неизвестная революция, 1917–1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. М.: Праксис, 2005. 606 с.
11. Вольросс. После войны // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 7. С. 2.
12. Временное правительство (опыт анализа) // Русская летопись. Париж: Русский очаг, 1921. Кн. 1. С. 7–61.
13. Вязьмитинов В.Е. Война и психология // Военный сборник О.Р.В.З. Белград, 1922. Кн. 3. С. 126–131.

14. Голицын–Муравлин Д.П. О падении власти // Двуглавый орел. Берлин, 1921. № 9. С. 28–33.
15. Голицын–Муравлин Д.П. Об аполитичности // Двуглавый орел. Берлин, 1921. № 19. С. 2–5.
16. Головин Н.Н. «Современная» война и «красная» вооруженная сила // Военный сборник О.Р.В.З. Белград, 1922. Кн. 3. С. 5–50.
17. Гольденвейзер А.А. Якобинцы и большевики (психологические параллели). Берлин: Мысль, 1922. 55 с.
18. Группа Русских Анархистов Заграницей. Десятилетие Октября // Дело труда. Париж, 1927. № 28. С. 8–10.
19. Гуревич В. Будущее социализма в России // Революционная Россия. Прага, 1929. №№ 72–74. С. 11–17; 14–19; 11–15.
20. Дан Ф.И. К истории последних дней Временного Правительства // Летопись революции. Кн. 1. Берлин–Петербург–Москва: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 163–175.
21. Десять лет Октябрьской революции // Знамя борьбы. Берлин, 1927. № 22–23. С. 2–16.
22. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Дарь, 2006. 710 с.
23. Довольно обмана // Монархист. Вып.2. / Ред.–изд. В.Н. Костричин. Ростов н/Д., 1918. С. 3–14.
24. Ельяшевич В.Б. Социальные и правовые последствия русской революции // Русская мысль. София, 1921. Кн. VIII–IX. С. 195–210.
25. Е.Н. Словесная революционность // Пробуждение. Детройт, 1928. № 6. С. 8–10.
26. Заграничная делегация П.С.Р. Зензинов, Рубанович, Русанов, Сухомлин, Чернов. Меморандум Заграничной Делегации Партии Социалистов–Революционеров // Революционная Россия. Берлин, 1922. № 19. С. 1–11.
27. Зайцев К. К познанию революции // Русская мысль. Прага: Издание Товарищества «И. Отто», 1922. Кн. 3. С. 128–157.

28. Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы. Берлин, 1925. 280 с.
29. Иванов В.Ф. Мученик за Россию: (Памяти императора Николая II). Харбин: Свет, 1920. 19 с.
30. Ильин И.А. Большевизм и кризис современного правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 7–26.
31. Ильин И.А. Заветы февраля // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / Сост. и комм. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 183–190.
32. Ильин И.А. Мировые причины русской революции // Ильин И.А. Собр. сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. С. 176–240.
33. Ильин И.А. О большевизме и коммунизме // Собр. сочинений: В 10 т. Т. 7. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. С. 7–220.
34. Ильин И.А. О революции // Ильин И.А. Собр. сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. С. 93–147.
35. Ильин И.А. О страданиях и унижениях русского народа // О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 115–118.
36. Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 92–108; 230–240.
37. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. сочинений: В 10 т. Т. 1. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 39–282.
38. Ильин И.А. Русская революция была катастрофой // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Кн. 1. / Сост. и комм. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 128–131.
39. Карачаров П. Две Смуты. Рассказ о том, кто спасал и снова спасет русскую землю. Ростов н/Д., 1919. 24 с.

40. Карташев А.В. Реакция (Post-scriptum к статье Ю.Ф. Семенова) // Вестник Русского Национального Комитета. Париж: Русский национальный союз, 1924. № 8. С. 16–18.
41. Кваша Г.И. Очерки русской революции. Нью-Йорк, 1919. 80 с.
42. Керенский А.Ф. Голос издалека: Двадцатая годовщина // Новая Россия. Париж, 1937. № 23. С. 1–3.
43. Керенский А.Ф. От Октября к Февралю (Доклад, прочитанный А.Ф. Керенским на вечере «Современных Записок» 20 марта 1937 года) // Новая Россия. Париж, 1937. № 24. С. 3–14.
44. Керенский А.Ф. Политика Временного Правительства // Современные записки. Париж, 1932. Т. L. С. 403–424.
45. Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь // Современные записки. Париж, 1922. Т. IX. С. 269–293.
46. Кречетов С. Вещий голос // Орфей: журнал искусства и литературы. Ростов н/Д., 1919. № 1. С. 45–50.
47. Ландау Г.Л. Революция и смута. Социологический опыт // Русская мысль. Прага–Берлин: Русско-немецкая типография, 1923–1924. Кн. IX–XII. С. 399–424.
48. Локоть Т.В. «Завоевания революции» и идеология русского монархизма. Берлин: Двуглавый орел, 1921. 24 с.
49. Локоть Т.В. Смутное время и революция: политические параллели 1613–1917 г. Берлин: Двуглавый орел, 1923. 103 с.
50. Львов Г.Е. Наши задачи // Грядущая Россия. Париж: Imprimerie Rirachovsky, 1920. Кн. 1. С. 5–14.
51. Максимов Г.П. Месяц великих революционных бурь // Рабочий путь. Париж, 1923. № 1. С. 2–6.
52. Марков Н.Е. Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин: Наш путь, 1938. 50 с.
53. Марков Н.Е. Торжество разрушителей России // Двуглавый орел. Париж, 1929. № 25. С. 1196–1199.

54. Мартовские дни // Волна. Берлин, 1924. № 51. С. 3–10.
55. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции М.: Айрис–пресс, 2005. 634 с.
56. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.: Айрис–пресс, 2008. 686 с.
57. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М.: Айрис–пресс, 2007. 270 с.
58. Метт И. О насилии и защите революции // Дело труда. Париж, 1926. № 10. С. 12–14.
59. Милюков П.Н. Восьмая годовщина // Последние новости. Париж, 1925. 13 марта. № 1498.
60. Милюков П.Н. Десятилетие февральской революции // Последние новости. Париж, 1926. 13 марта. № 1816.
61. Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 765 с.
62. Милюков П.Н. Как пришла революция? // Последние новости. Париж, 1921. 12 марта. № 274.
63. Милюков П.Н. Корни революции // Последние новости. Париж, 1921. 13 июля. № 379.
64. Милюков П.Н. Кто виноват в революции? // Последние новости. Париж, 1922. 6 июля. № 680.
65. Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. 400 с.
66. Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927. 281 с.
67. Мякотин В.А. На распутьи // На чужой стороне. Берлин: Ватага, 1923. № 1. С. 193–220.

68. Наживин И.Ф. У разбитого корыта (письмо к русской интеллигенции) // Детинец. Сб. 1. Берлин, 1922. С. 154–195.
69. Назанский В.И. Крушение великой России и Дома Романовых. Т. 1. Париж, 1930. 545 с.
70. Нет Царя – Нет Великой России // Монархист. Вып. 1. / Ред.–изд. В.Н. Костричин. Ростов н/Д., 1918. С. 7–12.
71. Одинзгоев Ю.М. В дни царства Антихриста. Сумерки христианства. Б.м., 1923. 230 с.
72. Оленин Б. Гипноз успеха // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 2. С. 3–5.
73. Оленин Б. Мартовские дни // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 4. С. 1–2.
74. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Спб.: Петрополь, 1991. 644 с.
75. От редакции // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1921. Кн. 1. С. 3.
76. Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Paris: Imprimerie D'ART VOTAIRE, 1927. 159 с.
77. Патронов И.Ф. Причины и следствия великой войны // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1921. Кн. 1. С. 74–90.
78. Патронов И.Ф. Старая и новая дисциплина // Военный сборник О.Р.В.З. Белград, 1922. № 2. С. 221–243.
79. Петров П.П. Крушение императорской России: 20 лет спустя о Февральской революции. Харбин: Книгоиздательство М.В. Зайцева, 1938. 151 с.
80. Пронин В.М. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов н/Д., 1919. 45 с.
81. Редакция. Новый прогрессивный блок // Двуглавый орел. Париж, 1927. № 4. С. 1–4.
82. Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., 1919. 64 с.

83. России необходима Монархия // Монархист. Вып. 1. / Ред.-изд. В.Н. Костричин. Ростов н/Д., 1918. С. 3–7.
84. Рубежанин М.И. Итоги русской революции (К 10-летию октябрьского переворота – 25 октября 1917 г. – 25 октября 1927 г.) // Пробуждение. Детройт, 1927. № 4. С. 1–10.
85. Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. 287 с.
86. Святополк–Мирский Д.Н. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? Париж: Impr. de Navarre, 1926. 86 с.
87. Семенов Ю.Ф. От распада к собиранию // Вестник Русского Национального Комитета. Париж: Русский национальный союз, 1924. № 8. С. 8–15.
88. Смарагд. Наше смутное время // Вестник Воскресения. Шанхай, 1922, № 8. С. 15–16.
89. Солоневич И.Л. Белая империя. Статьи 1936–1940 гг. М.: Изд-во Журнал «Москва», 1997. 356 с.
90. Солоневич И.Л. Большевицкие ступеньки // Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. С. 16–43.
91. Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 324–374.
92. Солоневич И.Л. Еще о Феврале // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 375–383.
93. Солоневич И.Л. За тенью Распутина // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 170–183.
94. Солоневич И.Л. К новой эмиграции, а также – и к старой // Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. С. 388–462.
95. Солоневич И.Л. Миф о Николае II // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 217–243.

96. Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти 1883–1903–1917 гг. Париж: Тип. «Франко–русс. печать», 1922. 477 с.
97. Сталинский Е.А. Кому принадлежит будущее // Революционная Россия. Юрьев, 1921. № 3. С. 1–2.
98. Сталинский Е.А. Пути революции. Прага: Воля России, 1925. 308 с.
99. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сб. ст. о русской революции (Перепечатка издания 1918 г.). М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 277–297.
100. Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Кн. VI–VIII. Прага–Берлин: Типография Трович и сын, 1923. С. 302–311.
101. Струве П.Б. Размышления о русской революции: публичная лекция, прочитанная в ноябре 1919 г. в Ростове–на–Дону. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 34 с.
102. Сувчинский П.П. Идеи и методы // Евразийский временник. Берлин: Евразийское кн. изд-во, 1925. Кн. 4. С. 24–65.
103. Сувчинский П.П. К преодолению революции // Евразийский временник. Берлин: Евразийское кн. изд-во, 1923. Кн. 3. С. 30–51.
104. Трой Г. Некоторые вопросы революции // Анархический вестник. Берлин: G. R. A. D., 1923, № 3–4. С. 7–12.
105. Трубецкой Е.Н. Звериное царство и грядущее возрождение России. Ростов н/Д., 1919. 27 с.
106. Уверин. Точка зрения бодрости на катастрофизм положения России. (К вопросу о русском мессианизме) // К христианской монархии. Временник Российского императорского союза. Париж, 1930. С. 25–30.
107. Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Новый Град, 1932. 216 с.
108. Федотов Г.П. Октябрьская легенда // Полное собрание статей: В 6 т. Т. 4.: Защита России: статьи 1936–1940 гг. из «Новой России». Париж, 1988. С.148–153.

109. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Полное собрание статей: В 6 т. Т. 1.: Лицо России: статьи 1918–1930. Париж, 1988. С. 71–122.
110. Федотов Г.П. Февраль и Октябрь // Полное собрание статей: В 6 т. Т. 4.: Защита России: статьи 1936–1940 гг. из «Новой России». Париж, 1988. С. 96–100.
111. Фон–Ланг П. Аполитичные офицеры // Двуглавый орел. Париж, 1927. № 6. С. 18–19.
112. Франк С.Л. De profundis // Из глубины: Сб. ст. о русской революции (Перепечатка издания 1918 г.). М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 299–322.
113. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. Прага–Берлин: Типография Трович и сын, 1923. Кн. VI–VIII. С. 238–270.
114. Хрусталеv В.Н. Пролог трагедии: к истории противодействия принятию Государем Императором Николаем II Верховного Главнокомандования / Предисловие ген.-лейт. Н.А. Лохвицкого. Париж, 1930. 47 с.
115. Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. Прага, 1927. № 62. С. 7–13.
116. Чернов В.М. Революция или контрреволюция (К третьей годовщине октябрьского переворота) // Приложение к № 1 «Революционной России» 1920 года. Юрьев, 1920. С. 1–8.
117. Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж–Прага–Нью-Йорк: Юбилейный ком. по изданию тр. В.М. Чернова, 1934. 446 с.
118. Чернов В.М. Уроки прошлого. Армия и революция // Революционная Россия. Прага, 1926. № 46. С. 13–17.
119. Что нам нужно? / Сочинение свободного гражданина. Ростов н/Д., 1919. 38 с.
120. Шрейдер Е. Октябрь // Революционная Россия. Прага, 1927. № 61. С. 21–26.
121. Шрейдер А. Пути Октябрьской революции // Пути революции. Берлин: Скифы, 1923. С. 95–106.

122. Штевен А.А. Что сейчас всего нужнее России? New York: Изд-во М.М. Оганесова, 1919. 39 с.
123. Шульгин В.В. О «старших» и «младших» // Зарницы. Константинополь, 1921. № 12. С. 4–6.
124. Экли. Из недавнего прошлого. (Историческая справка) // Русская летопись. Париж: Русский очаг, 1922. Кн. 2. С. 154–175.
125. Ювенал. Мировая угроза: этапы русской революции. Константинополь, 1921. 57 с.
126. Якобий И.П. Император Николай II и революция. Таллин, 1938. 380 с.
127. Ярчук Е.З. Советы и защита революции // Рабочий путь. Париж, 1923. № 2–3. С. 4–5.
128. Сенех. Завет революции // Зарницы. Константинополь, 1921. № 26. С. 2–3.

II. Научно-исследовательская литература

1. Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Отв. ред. Черняев В.Ю. Спб.: Глагол, 1994. С. 176–187.
2. Азаров Ю.А. Русская периодическая печать в Финляндии в 1920–е годы // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. № 1. С. 236–256.
3. Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 20–30 –е годы // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 130–142
4. Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Миллюков в эмиграции. М.: Аиро–XX, 1996. 152 с.
5. Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975. 343 с.
6. Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году: из истории политических партий в России в период между двумя революциями. Л.: Лениздат, 1973. 456 с.

7. Бабкина Е.С. Периодическая печать русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи: издатели, редакторы, журналисты. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. Гос. ун-та, 2017. 222 с.
8. Бажанов Д.А. Революционный Гельсингфорс весной–летом 1917 г. в фотографиях (по материал ЦВММ) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: РГПУ, 2011. С. 119–127.
9. Бажанов Д.А. Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте–мае 1917 г.: повседневность и политика // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 146–155.
10. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). Спб.: СПбГУКИ, 2008. 467 с.
11. Базанов П.Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). Спб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. 181 с.
12. Бакланова И.А. Рабочие Петрограда в период мирного развития революции (март–апрель 1917 г) Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 193 с.
13. Бондарева Е.А., Мухачев Ю.В. Русская эмиграция в Югославии (1920–1945) // Русское зарубежье: История и современность. М., 2015. Вып. 4. С. 47–79.
14. Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья. 1920–1930–е гг. // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91–102.
15. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 376 с.
16. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 407 с.
17. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.
18. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. М., 2009. 430 с.

19. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997. 350 с.
20. Вандалковская М.Г. П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.
21. Вандалковская М.Г. Понятие «революция» в эмигрантской историографии // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков. М.: РДП, 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). С. 714–721.
22. Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.) М., Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 237 с.
23. Ван Кэвэнь. Русская культура Харбина: историко-культурологический анализ. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2017. 123 с.
24. Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября, 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. 806 с.
25. Великая Русская Революция в контексте геополитики и политической персоналистики. Материалы международной научно–практической конференции в рамках X научно–образовательного фонда / Под ред. В.В. Бобылева. М.: Издательство «Перо», 2017. 222 с.
26. Воейков М.И. Русская революция: одна или две? // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. Материалы круглого стола, состоявшегося 20 мая 2015 г. / Сб. ст. М.: ГЦМСИР, 2016. С. 55–66.
27. Возгрин В.Е. Февральская революция в Крыму и национальная ситуация в феврале–октябре 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 65–81.
28. Волкогонова О.Д. Образ России в философии Русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1998. 325 с.

29. Волобуев П.Б. Исторические корни Октябрьской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. Спб.: Глагол, 1994. С. 37–47.
30. Володихин Д.М. Р.Ю. Виппер // *Вопросы истории*. 1999. № 2. С. 153–162.
31. Волошина В.Ю. Личностные коммуникации как фактор социально-психологической адаптации российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е гг. // *Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: Сб. ст. / Отв. ред. П.А. Трибунский*. М.: Ин-т росс. истории РАН, 2016. С. 207–220.
32. Воронкова С.В. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 38 с.
33. Гаврилов А.Ю. Меншевицские оценки сущности, хода и последствий революционного процесса в России 1917 – середины 1920-х годов. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 210 с.
34. Галямутдинов А.И. Татарская эмигрантская пресса первой половины XX века. Казань: ИПК "Бриг", 2016. 143 с.
35. Герасименко Г.А. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 г. // *1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению*. М.: ИРИ, 1997. С. 145–159.
36. Герасименко Г.А. Политическое положение Саратовской деревни в октябрьские дни // *1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению*. М.: ИРИ, 1998. С. 159–173.
37. Гогохия Е.А. Русская революция 1917 года в идейно-политическом наследии евразийцев (1921-1931 гг.): дис... к.и.н. М., 1999.
38. Голиков А.Г. Источниковедческие проблемы изучения революционных событий 1917 года в России // *Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков*. М.: РДП, 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). С. 745–753.

39. Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции март 1917 – февраль 1918. М.: Политиздат, 1967. 296 с.

40. Гордеев П.Н. 1917 год в открытых письмах (из личного собрания) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / Сб. ст. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 110–112.

41. Гордеев П.Н. Петроградское театральное училище в марте–августе 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 53–68.

42. Гордеев П.Н. Февральская революция в московских императорских театрах // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 120–146.

43. Грязнова Т.Е. Революция в концепции истории России П.Н. Милюкова: дис... к.и.н. Екатеринбург, 1996.

44. Демидова О.Р. Миф как феномен (само)сознания русской эмиграции // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2012. С. 13–26.

45. Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милюкова: дис... к.и.н. М., 2005.

46. Думова Н.Г. Судьба Павла Николаевича Милюкова // Российская эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 314–329.

47. Дьяченко Н.В. Февраль 1917 года в Нижегородской губернии // Февраль 1917: взгляд через столетие. Материалы международной научно–практической конференции 28 февраля 2017 г. / Отв. ред. А.М. Судариков. Спб.: Изд-во СпбГЭУ, 2017. С. 76–80.

48. Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. Сб. ст. / Рос. акад. наук, ин-т всеобщ. истории / Отв. ред. Л.В. Пономарева. М.: ИВИ, 1992. 179 с.

49. Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940–е годы). М.: Русская панорама, 2008. 493 с.
50. Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 352 с.
51. Ершов В.Ф. Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930–е гг. М.: МАКС Пресс, 2008. 135 с.
52. Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX–нач. XXI века. М.: ИНФРА–М, 2016. 418 с.
53. Журавлев В.В. Революция как способ реализации личного интереса (К постановке проблемы) // Революция и человек: социально–психологический аспект. М.: Ин–т рос. истории РАН, 1996. С. 18–28.
54. Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун–т, 2015. 461 с.
55. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2016. 433 с.
56. Захаров А.А. Революция 1917 г. в оценках евразийцев. // Октябрьская революция и ее место в истории XX века: труды научно–практической конференции / Сост. К.А. Хорьков. Томск, 2000. С. 38–43.
57. Злоказов Г.И. Меншевицско–эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997. 336 с.
58. Иванов А.А. В.М. Пуришкевич и Временное Правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: РГПУ, 2011. С. 70–81.
59. Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж: центры зарубежной России 1920–1930–х гг. М.: Спас: РГУ, 1999. 206 с.

60. Исаев И.А. Революционная психология и революционная законность (опыт 1917 г.) // Революция и человек: социально–психологический аспект. М.: Ин–т рос. истории РАН, 1996. С. 28–39.

61. Историки–эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20-х–30-х гг.: Сб. / Рос. акад. наук. Ин–т рос. ист. / Ред. Сахаров А.Н. и др. М.: ИРИ РАН, 2002. 478 с.

62. История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.): сб. статей / Рос. акад. наук, Ин–т рос. истории / Сост. Г. Я. Тарле. М.: Ин–т рос. истории РАН, 2004 254 с.

63. Кантор В.К. Семен Франк и крушение кумиров: переосмысление мифов русской интеллигенции в эмиграции первой волны // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2012. С.28–48.

64. Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы // Культура российского зарубежья / Отв. ред. А.В. Квакин, Э.А. Шулепова. М., 1995. С. 19–27.

65. Киличенков А.А. Матросы военного флота в Февральской революции 1917 года: истоки революционного сознания // Февральская революция 1917 г. в России: история и современность: Материалы круглого стола: 13 марта 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 128–141.

66. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов международ. науч. конференции / Отв. ред. П.В. Волобуев. М, 1997. С. 79–94.

67. Коваленко В.И. Дилемма «Февраль–Октябрь»: была ли она? // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации. Материалы круглого стола, состоявшегося 20 мая 2015 г. / Сб. ст. М.: ГЦМСИР, 2016. С. 46–54.

68. Коваленко В.И. От Февраля к Октября: логика и противоречия политического процесса // Столетие Революции 1917 года в России. Научный

сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков. М.: РДП, 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). С. 77–84.

69. Коваленко И.А. 1917 год: новые подходы и взгляды. М.: МАКС Пресс, 2001. 336 с.

70. Ковальчук А.М. Реклама русского зарубежья в Китае (1917–1939 гг.) – фактор сохранения и развития русской культуры в дискурсе «Запад–Восток». Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016. 194 с.

71. Кокоулин В.Г. Революция 1917 года в России: Региональный аспект // Февраль 1917: взгляд через столетие. Материалы международной научно–практической конференции 28 февраля 2017 г. / Отв. ред. А.М. Судариков. Спб: Изд-во СпбГЭУ, 2017. С. 90–95.

72. Колобова Ю.И. «Русский мир» в изгнании: П.П. Сувчинский. Киров: Научн. Изд-во ВятГУ, 2016. 123 с.

73. Колоницкий Б.И. Высшая государственная власть в общественном сознании: репрезентации членов императорской семьи и антидинастические слухи кануна революции 1917 года // Революционный процесс и общественное сознание: Сб. ст. / Под ред. Б.В. Ананьича, Б.И. Колоницкого и др. Спб.: Лики России, 2009. С. 113–131.

74. Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов международ. науч. конференции / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1997. С. 109–118.

75. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июль 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.

76. Кольшницына Н.В. Петроградский историко-филологический институт в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 110–120.

77. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Московский рабочий, 1965. 644 с.

78. Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / Отв. ред. Черняев В.Ю. Спб.: Глагол, 1994. С. 356–365.

79. Корнатовский Н.А. Партия и октябрьское вооруженное восстание // Октябрь в Петрограде. Сб. ст. / Под ред. О.А. Лидак. Л.: Ленпартиздат, 1933. С. 215–255.

80. Короткова А.А. Историки русского зарубежья в 20–30-е годы // Культура и мировоззрение: методологические и методические вопросы: Сборник научных трудов / Ред.–сост. В. И. Смирнов. Спб.: Ин–т им. И. Е. Репина, 1994.

81. Костриков С.П. Отражение событий февраля–октября 1917 года на страницах русской прессы // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков. М.: РДП, 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). С. 768–776

82. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 года. Стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый Хронограф, 2015. 416 с.

83. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, В.С. Дякин, С.И. Потолов. Л.: Наука, 1984. 664 с.

84. Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917–1995 гг.). Хабаровск, 1998. 307 с.

85. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идей / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 372 с.

86. Лисенкова Л.Н. Альтернативы революции 1917 года: взгляд из эмиграции. // Проблема человека: гуманитарные аспекты: Материалы научно–методической конференции преподавателей Академии. Часть II. История России. История медицины. Правоведение. Экономика. Спб., 1998. С.13–18.

87. Лисенкова Л.Н. Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 года: дис... к.и.н. Спб., 1997.

88. Магидов В.М. Кинодокументы Февральской революции в предметном поле источниковедения // Февральская революция 1917 г. в России: история и современность: Материалы круглого стола: 13 марта 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 114–127.

89. Марченя П.П. Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. ст. / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. С. 194–219.

90. Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (возникновение и начальный период деятельности). М.: Наука, 1974. 318 с.

91. Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. М.: Наука, 1967–1973.

92. Мусаев В.И. Православная церковь на окраинах России в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. Спб., 2014. С. 164–172.

93. Мусаев В.И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). Спб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 483 с.

94. Мушкет И.И. Министры внутренних дел Временного Правительства: годы и судьбы // Февраль 1917: взгляд через столетие. Материалы международной научно-практической конференции 28 февраля 2017 г. / Отв. ред. А.М. Судариков. Спб: Изд-во СпбГЭУ, 2017. С. 102–112.

95. Николаев А.Б. Как комендант К.Ф. Греков и комиссар А.А. Бубликов «охотились» за царским поездом (28 февраля–1 марта 1917 г.) // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Спб.: Изд-во СпбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 305–315.

96. Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: АСТ, 2016. 698 с.

97. Новиков А.И. Методологические проблемы изучения культуры Русского Зарубежья // Наука и культура русского зарубежья: Материалы конференции, 28 ноября 1996 г. / Сост. С.Т. Махлина. Спб.: СпбГАК, 1997. С. 4–19.

98. Новосельский С.С. Дискуссия П.Н. Милюкова и С.П. Мельгунова о причинах поражения Белого движения в Гражданской войне // Россия на пересечении пространств и эпох: Материалы Второй международной междисциплинарной научной конференции молодых ученых. Москва, РГГУ, 22 марта 2013 г. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 76–87.

99. Омельченко Н.А. В поисках России: общественно–политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко–политический анализ). Спб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитарн. ин-та, 1996. 545 с.

100. Пашуто В.Т. Русские историки–эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.

101. Петров Ю.А. Великая российская революция: современная историографические тренды // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября, 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 17–21.

102. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально–исторический феномен, роль и место в культурно–историческом наследии. М.: Российский гос. гуманитарный ун–т, 2008. 546 с.

103. Пономарева Л.В. «Евразийство»: его место в русской и западно–европейской историко–философской традиции // Историки–эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20–х–30–х гг.: Сб. / Рос. акад. наук. Ин–т рос. ист. / Ред. Сахаров А.Н. и др. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 3–9.

104. Поткина И.В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 гг. Спб.: Нестор–История, 2022. 380 с.

105. Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. ст. / Рос. АН, Ин–т рос. Истории / Ред. Ю. А. Поляков, Г. Я. Тарле. М.: ИРИ, 1993. 102 с.

106. Пронин А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 183 с.
107. Пронин А.А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. М.; Берлин: DirectMEDIA, 2015. Ч. 1. 541 с.
108. Пронин А.А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. М.; Берлин: DirectMEDIA, 2015. Ч. 2. 525 с.
109. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 368 с.
110. Пятикова М.В. Меньшевики и русская революция (1917–1922 гг.): проблема политического выбора. Ростов н/Д.; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 208 с.
111. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. трудов / Отв. Ред. А.Б. Николаев. Спб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 254 с.
112. Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль / Отв. ред. П.В. Волобуев. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 223 с.
113. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
114. Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). / Сб. статей / Арх. ин-т при Культурном, научном и информ. центре Венгрии в Москве / Отв. ред. А. С. Стыкалин, Ева Мария Варга. М.: Пробел–2000, 2012. 215 с.
115. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. 743 с.
116. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 2. 591 с.
117. Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: Сб. ст. / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2016. 652 с.

118. Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / Под ред. М.О. Орлова. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. 860 с.
119. Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. 388 с.
120. Рудник С.Н. Февраль 1917 года и «парад революции» на Дальнем Востоке // Февраль 1917: взгляд через столетие. Материалы международной научно–практической конференции 28 февраля 2017 г. / Отв. ред. А.М. Судариков. Спб: Изд-во СпбГЭУ, 2017. С. 116–123.
121. Румянцев А.Г. События 25 февраля 1917 года на Литейном мосту // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб.ст. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 14–20.
122. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно–типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 429 с.
123. Сапон В.П. Нижегородские эсеры осенью 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 186–196.
124. Сапон В.П. Партийный «ландшафт» Нижегородской губернии после Февральской революции (март–апрель 1917 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб.ст. / Под ред. А.Б. Николаева и др. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 91–97.
125. Селунская В.М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории российского зарубежья первой половины XX века // Источники по истории адаптации российской эмиграции в XIX–XX вв.: Сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М.: ИРИ, 1997. С. 4–15
126. Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблема отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / Под ред. М.В. Друзина. Спб.: Нестор–история, 2008. С. 498–518.

127. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: историко-правовой очерк. М.: Центрполиграф, 2021. 718 с.

128. Смирнова А.А. На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале–мае 1917 года. Спб.: СПб ГУКИ, 2005. 368 с.

129. Смирнова А.М. Первые дни Февральской революции в восприятии петроградской интеллигенции // 90 лет Февральской революции. Сб.ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. Спб.: Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 16–20.

130. Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л.: Наука, 1973. 330 с.

131. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.– 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.

132. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 333 с.

133. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980. 256 с.

134. Старцев В.И. Крах керенщины. Л.: Наука, 1982. 271 с.

135. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, XXI, 1996. 125 с.

136. Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М.: Наука, 1997. 472 с.

137. Февральская революция: история и современность: Материалы международной научно–практической конференции, посвященной 100–летию Февральской буржуазно–демократической революции 1917 года в России / Под ред. Г.Г. Бернацкого. Спб.: Изд–во СпбГЭУ, 2017. 308.

138. Фокин Е.Л. Февральская буржуазно–демократическая революция 1917 г. М.: Партиздат, 1937. 158 с.

139. Хисамутдинова Н.В. На далеких берегах: русские инженеры в США. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2017. 236 с.

140. Худобородов А.Л., Яшина М.А. Российское казачество на чужбине. 1920–1940–е годы. Челябинск: «КрайРа», 2017. 360 с.

141. Хуциева В.В. События февраля 1917 г. глазами петроградского гимназиста // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. ст. / Отв.ред. и сост. А.В. Николаев. Спб.: Каф. русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 38–43.

142. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.) Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 294 с.

143. Чаплыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 171 с.

144. Челнокова А.Ю. Война и революция в религиозно–философской и политической публицистике С.Л. Франка // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. Ред. И.И. Тучков. М.: РДП, 2018 (труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). С. 801–806.

145. Черменский Е.Д. Февральская буржуазно–демократическая революция 1917 года в России. М.: Военное изд-во министерства вооруженных сил союза ССР, 1947. 71 с.

146. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: «АИРО–XX», 1998. 204 с.

147. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.: Центр гуманитарных инициатив; Спб.: Университетская книга, 2015. 510 с.

148. Шлегель К. Русская эмиграция в Германии в 1918–1941 гг. // Россия и современный мир. М., 1995. № 1. С. 55–61.

149. Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2018. 331 с.

150. Шубин А.В. Роль политических лидеров в революционных событиях 1917 года в России // 100 лет Великой российской революции: осмысление во имя

консолидации. Материалы круглого стола, состоявшегося 20 мая 2015 г. / Сб. ст. М.: ГЦМСИР, 2016. С. 86–100.

151. Эпоха войн и революций, 1914–1922: материалы Международного коллоквиума (Санкт–Петербург, 9–11 июня 2016 года) / Под ред. Б. И. Колоницкого, Д. Орловски. Санкт–Петербург: Нестор–История, 2017. 496 с.

152. Якубовская Е.В. Февральская революция 1917 года в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920-1930-х гг.: дис... к.и.н. М., 2011.

153. Ястребицкая А.Л. Л.П. Карсавин // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 109–127.

154. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Boston: Addison Wesley Publishing Company, 1995. 266 p.

155. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 1985. 197 p.

156. Marples, David R. Lenin's revolution: Russia, 1917–1921 / David R. Marples. Harlow: Longman, 2000. 156 p.

157. Smith, Stephen Anthony. Red Petrograd: revolution in the factories 1917–1918 / S.A. Smith. Chicago: Haymarket books, 2017. 347 p.

158. The central powers in Russia's great war and revolution, 1914–22: enemy visions and encounters / edited by John Deak. Bloomington: Slavica, 2020. 352 p.

159. Wade, Rex A. The Russian Revolution? 1917 / Rex A. Wade. Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. 337 p.

III. Справочно-научная литература

1. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. / Рос. гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья / Сост. В.Н. Чуваков; Под ред. Е.В. Макаревич. М.: «Пашков дом», 1999–2007.

2. Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009. 703 с.

3. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / Отв. ред. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.

4. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы: (1917–1996 гг.) / Рос. гос. б–ка. Отдел лит. Рус. Зарубежья; [Сост.: А. И. Бардеева и др.] М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 464 с.

5. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2 изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.